МИНЕРВА

2.

RARE BOOK COLLECTION

Библіотека

Григорія Кулябки

—Кордукаго.

МИНЕРВА.

ЖУРНАЛЪ

РОССІЙСКОЙ и ИНОСТРАННОЙ

СЛОВЕСНОСТИ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1807 года.

Блаженъ, кто съ Музами въ согласіи
живетъ,
Кто любитъ пѣсни ихъ, и пріемлетъ ихъ
совѣтъ;
Хотъ въ мірѣ счастія земнаго не нахо-
дитъ,
Онъ жизнь пріятную въ бесѣдѣ ихъ про-
водитъ.

Плоды Наукъ.

МАЙ.

I.

ГИМНЪ ВЕСНѢ.

Буди препрославленъ Творецъ Природы! Да славословятъ Отца земнородныхъ всѣ творенія, дышущія подъ небесами! Благость Его безконечна; всѣ дѣла Его ознаменованы любовію. Падите ницъ предъ Сотворшимъ васъ, чада Адамовы! Для васъ разсыпалъ Онъ сокровища въ Природѣ; для васъ обогатилъ землю дарами Своими.

Всесильный, украсивъ человѣка совершенствами души и тѣла, малымъ чѣмъ унизилъ его предъ Ангелами. Всеобъемлющая десница Его управляетъ кругомъ годовыхъ временъ, назначаетъ ходъ планетамъ небеснымъ и снимаетъ тяжкія оковы хлада съ земной поверхности.

Природа, оживленная дыханіемъ Его, пробуждается отъ глубокаго сна и возстаетъ яко невѣста, облеченная во бли-

статльную одежду невинности, украшенная любезною улыбкою румяной юности.

Когда солнце, изображенїе благости Твоея, Вседержитель! изливаетъ теплоту на вселенную, тогда источники жизни текутъ по жиламъ земли разцвѣтающей. Ты призываешь Весну — и деревья вѣнчаются листьями, и воздухъ наполняется благовонїемъ.

Радость, производимая первымъ временемъ года, вливается въ грудь крылатыхъ обитателей лѣсовъ. Жаворонокъ летитъ предъ колесницею Авроры, и веселымъ пѣнїемъ встрѣчаетъ пробужденїе Натуры; малиновка, порхая по гибкимъ, покрытымъ зеленью, вѣтьвямъ, воспѣваетъ удовольствїя, доставляемыя Майскимъ утромъ.

Безчисленное множество цвѣтовъ плѣняетъ наши взоры, услаждаетъ обоняїе. Отъ улыбки Твоей, Неизглаголанный! разпускается бальзамическая роза, прекрасная какъ ланиты невинности, благовонная какъ развѣвающїеся кудри Серафимовъ

Сїя царица цвѣтовъ, подобная душѣ, украшенной мудростїю, блистающей въ шѣлѣ благообразномъ, является во всей лѣпотѣ своей — и услужливые вѣтерки утренніе, летая около нее,

на быстрыхъ крыльяхъ своихъ разносятъ повсюду цѣлительные ароматы.

Безконечно милосердіе Твое, Непостижимый! Ты даровалъ намъ способность чувствовать благодѣянія Твои, и наслаждаться міромъ, исполненнымъ радостей, питательныхъ для ума и сердца.

Горе нечестивому, презирающему удовольствія, изшедшія изъ рукъ Твоихъ! горе рабу страстей, не чувствующему любви Твоей, впечатлѣнной на всѣхъ твореніяхъ! горе ослѣпленному заблужденіями, удаляющемуся отъ невинныхъ утѣхъ, почерпаемыхъ въ Природѣ! Несчастный гоняется за мечтами, и — объемлетъ тѣнь ничтожную; ищетъ счастія на краю пропасти, и — покрывается тьмою; роется во прахѣ, надѣясь обрѣсти злато, и — обманывается, и падаетъ подъ бременемъ отчаянія. Чувственныя вожделѣнія, за которыми онъ спѣшитъ безъ отдыху, превращаются въ ядовитыхъ змѣй, и отравляютъ жизнь его.

Счастливъ человѣкъ, вкушающій чистое веселіе на трапезѣ, уготованной благостію Твоею! счастливъ тотъ, котораго уста прославляютъ Тебя отъ зари утренней до темноты ночной, а душа сіяетъ дѣлами, Тебѣ угодными!

Блаженъ Христіанинъ, котораго вся жизнь посвящена истинѣ и добродѣтели, который ищетъ и находитъ радость въ Тебѣ одномъ, Творецъ милосердый!

Виландъ.

II.

М А Й.

Соловей насвистываетъ уже доброгласную, громкую пѣснь свою; ясность дней возвѣщаетъ юность года. Жаворонокъ поднимается на воздухъ, напрягаетъ нѣжной голосокъ, и славитъ благодѣянія Природы; чернокрылые и долгоногіе аисты нескладнымъ крикомъ своимъ изъявляютъ веселіе.

Посмотрите, какою радостію наслаждаются пастухи и стада! Земля цвѣтетъ, благоухаетъ и улыбается; всѣ твари торжествуютъ возвращеніе Весны благодатной. На этой вѣткѣ два голубка воркуютъ и лобызаютъ другъ друга; здѣсь прыгаетъ похотливый воробей; тамъ плещется въ водѣ сѣрая утка.

Зефиръ и Флора снова вступаютъ на поприще, снова составляютъ чету неразлучную и согласную. Зефиръ любитъ разнообразіе въ ласкахъ, Флора въ колерахъ своихъ. Ни зависть, ни ревность не смѣютъ возмущать ихъ удовольствій.

Май, нѣжный другъ Природы, спустился на землю — и растѣнія покрылись цвѣтами, деревья одѣлись листьями, угрюмая Зима со всѣми ужасами своими изчезла; ручейки потекли и зажурчали; источники извиваются по лѣсамъ, и орошаютъ долины.

Дыханіе Зефира производитъ любовь и удовольствіе; оживляетъ луга, согрѣваетъ берега и холмики. Рѣзвая юность чувствуетъ волненіе въ крови своей; плѣняется любезностію и красотою; слышитъ голосъ удовольствія, бѣжитъ къ нему на встрѣчу съ отверстыми объятіями, и ликуетъ, и восхищается.

Вижу пастуховъ и пастушекъ: они, взявшись за руки, выходятъ изъ мирныхъ хижинъ. Раздаются звуки свирѣлей; начинаются пляски. Добродушные любимцы Природы! попирайте легкими ногами траву мягкую, изпещренную цвѣтами; поднимайте и качайте на крѣп-

кихъ рукахъ своихъ пастушекъ робкихъ и стыдливыхъ.

Такъ Римляне, неутомимые среди бранныхъ подвиговъ, обнимали нѣкогда нѣжныхъ Сабинянокъ. Сельскіе жители! наслаждайтесь невинными увеселеніями, неизвѣстными городскимъ обитателямъ; не завидуйте богачамъ, пресыщающимся чувственными утѣхами. Ваши забавы чище и продолжительнѣе: онѣ не сопровождаются ни болѣзнями, ни стыдомъ, ни раскаяніемъ.

Гагедорнъ.

III.

ЭПИГРАММА.

Глупоновъ вздумалъ вдругъ Поэму сочинить;
Рѣшился наконецъ съ Херасковымъ сравниться. —
И скоро выдастъ въ свѣтъ? — Ужь принялся трудиться,
Купилъ садокъ гусей, и — перья сталъ чинить!

Всл. Лев — ъ.

IV.

МАЙСКІЙ ВЕЧЕРЪ.

Смотрѣть пріятно, какъ играя,
Овечки по полямъ бѣгутъ;
Коровки, тихо выступая,
Въ деревни съ молокомъ идутъ;

*

Какъ рѣзвы пастушки сгоняютъ
Съ пастушками стада свои,
И веселяся прославляютъ,
Природа, прелести твои! —

*

Заря вечерня разпростерла
По свѣтло - синимъ небесамъ
Свои злато - багряны перла;
А съ ней фіалки по лугамъ

*

И алы розы улыбаться
Съ лилеей, ландышемъ хотятъ;
Но чтобъ прелестнѣй имъ казаться,
Зефиры нѣжны ихъ свѣжатъ.

*

Крылаты вѣтерки порхаютъ,
Спѣша прохладой оживлять,
И аромать съ цвѣтовъ сбираютъ,
Чтобъ онымъ воздухъ наполнять.

*

Струятся ручейки прозрачны,
Тихонько въ берегахъ журчатъ;
Дубровы темны, рощи мрачны,
Колеблясь, чуть-чуть шумятъ.

❋

Ужь птички въ рощи прилетаютъ,
И въ гнѣздушки вспорхнувъ свои,
Согласно, плавно воспѣваютъ
Вечерни, Май, красы твои!

❋ ❋ ❋

Блаженъ, кто здѣсь не унываетъ
Средь хладныхъ бурь и грозныхъ тучь,
Кого въ страданьяхъ согрѣваетъ
Надежды благотворный лучь,
Чрезъ дебрь сей жизни кто стремится
Туда, гдѣ невечерній свѣтъ,
Гдѣ все ликуетъ, веселится,
Гдѣ вѣчная Весна цвѣтетъ.

Птр. Сма — нъ.

На берегу Костромы.

V.

ГОРДОСТЬ.

Спустя нѣсколько дней послѣ битвы Саламинской, всѣ полководцы собрались предъ жертвенникомъ бога, покровителя морей, для рѣшенія вопроса: кто болѣе всѣхъ отличился храбростію на сраженіи? Каждый ставилъ себя выше Ѳемистокла; каждый называлъ себя первымъ военачальникомъ. Такова исторія всѣхъ людей! Разсмотрите всѣ состоянія въ обществѣ, всѣхъ Мудрецовъ, ученыхъ и художниковъ — увидите, что всѣ они похожи на Генераловъ Аѳинскихъ.

Одинъ танцмейстеръ, которой не могъ научить Графа Оксфортскаго искусно вертѣться на одной ногѣ, дивился, услышавъ, что Англійская Королева пожаловала ему чинъ Государственнаго Казначея. „Не понимаю, какія достоинства Королева могла найти въ этомъ человѣкѣ! — сказалъ онъ: — цѣлые два года я работалъ, чтобы сдѣлать изъ него ловкаго и гибкаго мущину; но, къ несчастію, труды мои остались безъ успѣха.“

Мы уважаемъ только тѣ упражненія, которыми любимъ заниматься. Живописецъ почитаетъ искуство свое первымъ и важнѣйшимъ изъ всѣхъ художествъ. Послушайте другаго артиста; онъ скажетъ, что музыка есть благороднѣйшее упражненіе. Третій, снискавшій славу посредствомъ рѣзца, предпочитаетъ скульптуру всему на свѣтѣ. Одинъ, оправдывая достоинства свои, покажетъ вамъ *Преображеніе*, другой *Аполлона Бельведерскаго*, а третій сыграетъ для васъ *Гайденову симфонію*. Такимъ образомъ всѣ станутъ доказывать опытами справедливость своихъ мыслей. Надобно признаться, что чувство гордости, основанное на увѣреніи въ рѣдкихъ достоинствахъ, не предосудительно, даже похвально; но гордость превращается въ безуміе, когда приписываетъ себѣ то, чего не имѣетъ.

Часто мы желаемъ, чтобы всѣ люди соображались съ нашимъ образомъ мыслей, съ нашимъ поведеніемъ, съ нашими склонностями. Мы подобны Философу Цинической секты, около котораго народъ собирался толпами, и дивился страннымъ его поступкамъ. „Смѣюсь надо всѣми, которые находятъ меня

смѣшнымъ" — говорилъ онъ. — „По этому никто на свѣтѣ не долженъ смѣяться чаще тебя" — отвѣтствовали ему.

Чрезмѣрная гордость раждается отъ незнанія самихъ себя. Надобно многому научиться, надобно употребить нѣсколько лѣтъ на разсматриваніе себя, прежде нежели успѣемъ проникнуть сквозь покрывало, за которымъ таятся добродѣтели и достоинства, или пороки и недостатки другихъ. Чѣмъ болѣе находимъ въ другихъ сходства съ нами, тѣмъ болѣе чувствуемъ къ нимъ уваженія; чѣмъ чаще попадаются люди, непохожіе на насъ, тѣмъ сильнѣе возрастаетъ въ душѣ нашей негодованіе и презрѣніе. Сія-то причина заставляетъ насъ отдавать преимущество тому ремеслу, которымъ занимаемся, той наукѣ, которой посвящаемъ жизнь свою, тому сочиненію, которымъ надѣемся прославить свое имя.

Тотъ проникнулъ во глубину человѣческаго сердца, кто сказалъ, что самолюбіе есть душа, управляющая всѣми нашими дѣлами.

Чувство гордости имѣетъ великое вліяніе на сужденія наши, впрочемъ зависящія отъ предметовъ, насъ окружаю-

щихъ, и отъ сферы, въ которой кружимся. Соображаясь во всемъ съ тою страною, гдѣ живемъ, съ должностїю, отправляемою нами, и съ обществомъ людей, съ которыми обращаемся, мы почитаемъ великимъ, изящнымъ, истиннымъ и прекраснымъ только то, что льститъ самолюбїю нашему. Составивъ для себя особливый родъ понятїй, пристаровляемся къ онымъ, ласкаемъ ихъ, удивляемся, или съ негодованїемъ отвергаемъ все, что противорѣчимъ имъ. Мы прибѣгаемъ къ самолюбїю, когда хотимъ цѣнить мысли и дѣла, добродѣтели и самыя учрежденїя другихъ. Естьли бы мы имѣли власть неограниченную, то сдѣлались бы похожими на жестокаго тирана, изобрѣтшаго адскую машину, къ которой онъ привязывалъ всѣхъ, навлекшихъ на себя ужасный гнѣвъ его, и, повинуясь внушенїю своего бѣшенства, уродовалъ или отсѣкалъ члены ихъ, какъ скоро они казались ему несоразмѣрными съ орудїемъ казни.

Нѣтъ ни одной страны, которой жители не отдавали бы себѣ преимущества предъ другими. Каждой народъ — начиная съ Китайцевъ, которые считаются древнѣйшими и многочисленнѣйшими,

даже до двухъ или трехъ сотъ обитателей малаго острова, лежащаго на Южномъ морѣ — каждой народъ имѣетъ гордость, ему одному свойственную, и приписываетъ себѣ совершенства, отличающія его отъ всѣхъ другихъ націй, разсѣянныхъ по вселенной. Китаецъ, почитающій землю четвероугольною, и думающій, что живетъ въ самой срединѣ ея, называетъ всѣхъ жителей земнаго шара грубыми и непросвѣщенными. Аравитянинъ, увѣренный, что Калифъ его грѣшить не можетъ, смѣется надъ невѣжествомъ Татарина, не сомнѣвающагося въ безсмертіи Ламы своего. Евіоплянинъ, преклоняющій колѣна предъ кустарникомъ и воздающій благоговѣйное почтеніе каждому древесному корню, ежедневно видитъ новые предметы обожанія своего, и сожалѣетъ объ ослѣпленіи людей, покланяющихся Творцу неба и земли.

Одинъ дикарь — у котораго соотечественники спрашивали, что за народъ Французы, о которыхъ они часто слыхали — хотѣлъ отозваться съ отличною похвалою о сей націи, и сказалъ въ отвѣтъ: *они точно такіе же люди, какъ и я.*

Индійскіе Баснописцы, которыхъ иносказанія и повѣсти преисполнены плѣнительнаго нравоученія, разсказываютъ, что на Океанѣ ихъ есть островъ, на которомъ живутъ безобразные и горбатые уроды. Молодому и прекрасному Европейцу случилось сойти съ корабля на землю, принадлежавшую симъ островитянамъ. Жители, изумленные правильнымъ тѣлосложеніемъ сего чужестранца, сбѣжались смотрѣть его. Къ счастію путешественника, нашелся на островѣ ученый человѣкъ, который, увѣривъ тамошнихъ жителей, что Природа можетъ производить людей и безъ горба, просилъ пощадить жалкаго пришельца, обиженнаго уже и тѣмъ, что Небо лишило его привлекательной наружности. „Вы должны — примолвилъ онъ — благодарить еще Вѣчнаго за то, что сотворены красивыми, стройными и совершенными.“

Начальникъ народовъ, кочующихъ около береговъ рѣки Миссури, каждой день по утру выходитъ изъ шалаша своего, проводитъ черту, по которой солнце идти должно, и въ ту минуту, когда сіе свѣтило восходитъ, произноситъ громогласно: *иди въ путь, тебѣ назначенный!*

Такимъ образомъ каждый народъ предпочитаетъ свои обычаи, нравы и законы установленіямъ и правленію сосѣдей. Гюи-Патень называлъ Англичанъ *голодными волками*; а Адиссонъ, снисходительнѣе отзывавшійся о Французахъ, величалъ ихъ *обезьянами*, умѣющими только коверкаться. Французъ почитаетъ Англію обиталищемъ гордости, зависти и странностей; по мнѣнію Англичанина, Франція есть гнѣздо непостоянства, вѣтрености и модъ.

Народная гордость, основанная не на презрѣніи къ другимъ, но на увѣренности въ собственныхъ преимуществахъ, перестаетъ казаться ребячествомъ, глупостію. Политика должна почитать ее благороднымъ чувствомъ, изъ котораго общежитіе можетъ извлекать великую пользу.

Не всегда гордость идетъ на ряду съ порокомъ. Какъ скоро сіе чувство, способное къ различнымъ измѣненіямъ, бываетъ слѣдствіемъ познанія достоинствъ, то превращается въ сѣмя, отъ котораго произрастаютъ знаменитыя дѣла и геройскіе подвиги. Ощущеніе, производимое въ насъ дарованіями и заслугами другихъ, есть оселокъ, посредствомъ кото-

раго легко можно узнать, похвальна, или предосудительна гордость наша. Кто хочетъ сравниться съ соперникомъ, или превзойти его, кто проливаетъ слезы надъ его гробницею — тотъ чувствуетъ въ себѣ гордость, достойную подражанія.

(*Изъ Journal des Dames et des Modes.*)

VI.

ЕВРОПЕЙСКІЕ ТЕАТРЫ.

Англійской Театръ.

Въ концѣ шестьнадцатаго столѣтія зрѣлища появились въ Англіи. Дьячки Лондонскихъ церквей первые начали играть комедіи, которыхъ содержаніе взято было изъ Священной Исторіи. За старинную комедію почитается *Игла Г-жи. Буртонъ*, игранная при Генрихѣ VIII. Паркеръ писалъ первыя трагедіи, а Жанъ Гокеръ первыя комедіи. И въ тѣхъ и въ другихъ равно нарушаемы были правила Театра и благопристойности. Когда искуство и вкусъ покоились еще въ колыбели, тогда славились въ Англіи Драматическіе

Писатели: Саквилль, Нортонъ, Феррисъ и Гейвоодъ. Театръ началъ образоваться при Іаковѣ I, и процвѣталъ при Карлѣ I, вопреки гоненію отъ Пуританъ, почитавшихъ спектакли дьявольскою забавою. Шекспиръ и Флечеръ, написавшіе лучшія трагедіи, много способствовали къ возстановленію Театра, которой во все время Кромвелева правленія былъ запертъ. Карлъ II повелѣлъ отворить его — и дарованія увѣнчались наградою. Іонсонъ и Бомонтъ успѣли въ сочиненіи драмъ; комедіи, писанныя Конгревомъ, Вичерлеемъ и Отаемъ, считаются превосходнѣйшими. — Два Театра для комедій находятся въ Вестминстерѣ: на одномъ играютъ Друриландскіе, а на другомъ Ковенгарденскіе. актеры. Гаррикъ, посредственный Авторъ, но неподражаемый актеръ, управлялъ послѣднимъ изъ оныхъ.

Италіянской Театръ.

Почти во всѣхъ городахъ Италіи зрѣлища начинаются и оканчиваются шумомъ. Въ Генуѣ, Луккѣ и Флоренціи гораздо больше смотрятъ за порядкомъ и больше наблюдаютъ благопристойности — можетъ быть, по тому, что тамъ по большой части днемъ игра-

ютъ комедіи. Жители Венеціи могутъ ходить въ Театръ въ маскахъ. Въ Римѣ женщины не показываются на сценѣ со времени запрещенія, обнародованнаго Иннокентіемъ XI. Молодые мущины, одѣтые въ женское платье, играютъ ихъ роли. — Въ Неаполѣ примѣтно необыкновенное пристрастіе къ зрѣлищамъ. Кто хочетъ послушать совершеннѣйшую музыку въ свѣтѣ, тотъ долженъ побывать въ тамошнемъ Театрѣ. „Ступай въ Неаполь — говорилъ Руссо молодому музыканту — и слушай сочиненія Леона, Дуранта, Перголеза и Жомелліа.“ Италіянцы ходятъ въ Театры не для однѣхъ представленій: въ просторныхъ ложахъ, убранныхъ щегольскими мебелями, принимаютъ гостей, играютъ въ карты и даже ужинаютъ. Въ Италіи восемь Театровъ: четыре для комедій, и столько же для оперъ. Метастазій и Гольдоній украсили ихъ произведеніями ума своего.

Испанской Театръ.

Сколько Испанцы ни отстали отъ другихъ въ театральныхъ сочиненіяхъ, но надобно признаться, что они были наставниками въ Драматической наукѣ. Лопецъ де Вега и Калдеронъ имѣли подражателями своими Корнеля и Мольера.

Солисъ, Морето, Цамора, Кандамо и Канисарецъ болѣе прочихъ успѣли въ комедіяхъ. Жаль, что самыя важныя явленія наполнены у нихъ пустыми шутками, а историческія произшествія смѣшаны съ бреднями суевѣрія! — Въ Мадритѣ два Театра, темные и нечистые; на нихъ играютъ однѣ низкія комическія піесы. Актрисы несносны тѣмъ, что говорятъ въ носъ и музыки не знаютъ. Шуточныя интермедіи представляются между дѣйствіями; комедіи оканчиваются пѣснями на вкусъ Италіянской; оркестръ порядоченъ, но голоса несносны. Старинныя Испанскія драмы безобразны и соблазнительны: въ нихъ обращаемы были въ смѣхъ даже священные предметы, достойные благоговѣйнаго почтенія.

Голландской Театръ.

Зрѣлища Голландцовъ обязаны началомъ своимъ обществу остроумныхъ людей, подобныхъ Трубадурамъ Прованскимъ. Самая старинная драма ихъ извѣстна подъ названіемъ: *Зеркало любви.* Въ одной изъ любимыхъ народныхъ піесъ Мардохей проѣзжаетъ черезъ Театръ на лошачихъ, и Аманъ умираетъ на висѣлицѣ. Въ *Цирцеѣ*, трагедіи, спутникъ

Улиссовъ является предъ судъ сей волхвовательницы: левъ начальствуетъ въ ономъ, обезьяна отправляетъ должность Секретаря, а медвѣдь — палача. Хотя осужденный былъ повѣшенъ, но черезъ нѣсколько минутъ силою Цирцеина чародѣйства воскресаетъ изъ мертвыхъ. Въ 1620-мъ году Петръ Корнель Гоофъ привелъ въ порядокъ Театръ Голландской. Это случилось въ то же самое время, когда другой Петръ Корнель возвысилъ и прославилъ Театръ Французской. — Актриса должна вести себя честно и беречь доброе имя; иначе никто не захочетъ играть съ нею. Вондель писалъ трагедіи на Голландскомъ языкѣ; лучшія изъ нихъ суть: *Разоренный Іерусалимъ* и *Покореніе Амстердама*. Тамошній Театръ почитается однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ Европѣ; декораціи великолѣпны. Деньги, за входъ собираемыя, раздаются бѣднымъ; актеры получаютъ жалованье изъ городской казны.

Французской Театръ.

До семьнадцатаго столѣтія въ Парижскихъ спектакляхъ представляемы были такія явленія, о которыхъ и пересказывать благопристойность запрещаетъ.

Кардиналъ Ришельё, покровитель Драматическихъ Писателей, много способствовалъ къ обогащенію Театра хорошими піесами. Вскорѣ послѣ того явились Корнели, Расины, Кребильйоны, Вольтеры — и трагедія возсіяла въ полномъ блескѣ; выступили на сцену Монвели, Детуши, Реньяры, Мольеры — и въ спектакляхъ начали раздаваться громкія рукоплесканія. Въ Парижѣ болѣе 20 Театровъ, и въ каждой изъ нихъ зрители стекаются толпами. Сколько пристрастіе къ зрѣлищамъ, столькожъ и мастерская игра актеровъ привлекаетъ туда жителей Парижскихъ. Прежде Французы хвалились Лекенемъ, Бризаромъ, Моле, Превилемъ и Гжею. Клеронъ; теперь превозносятъ таланты Сен-При, Лафоне, Флёри, Гжъ. Рокуръ и Дюшеноа.

Нѣмецкой Театръ.

„Не надѣйтесь найти — писалъ одинъ путешественникъ — на Вѣнскомъ Театрѣ изображенія тамошнихъ нравовъ. Нѣмцы не любятъ, чтобъ ихъ представляли на сценѣ. Дворянство досадуетъ на невѣжество, препятствующее успѣхамъ отечественной Таліи и Мельпомены, и, не смотря на то, употреб-

ляетъ Италіянцовъ и Французовъ для доставленія себѣ забавъ.“ Балеты составляютъ лучшую часть Нѣмецкаго спектакля. Въ Европѣ представляютъ балеты съ большимъ великолѣпіемъ; но Венскіе приводятъ въ удивленіе. Музыка ихъ, прославленная Генделями, Граунами, Гаками и Гайденами, плѣняетъ слухъ и восхищаетъ душу. Нѣмецкія комедіи, впрочемъ исполненныя ума, тонкости и остроты, всегда будутъ ниже Мольеровыхъ комедій. Лучшими трагедіями почитаются писанныя Лессингомъ и Шиллеромъ.

Россійской Театръ.

При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ построенъ былъ въ Москвѣ первый Оперный домъ. Сіе весьма обширное зданіе могло вмѣщать въ себѣ до пяти тысячь зрителей. Первая опера, на семъ Театрѣ игранная, была Руская; пѣсни состояли изъ любимыхъ народныхъ арій. — ЕКАТЕРИНА II., вступивъ на престолъ, изволила вызвать ко Двору Своему славнаго Балтазара Галуппи, прозваннаго Бюранелліемъ, Артиста, управлявшаго капеллою Св. Марка, въ Венеціи, одного изъ первыхъ Италіян-

скихъ Композиторовъ. Его *Оставленная Дидона* сыграна была съ наилучшимъ успѣхомъ. Послѣ перваго ея представленія, Императрица пожаловала Сочинителю коробочку, наполненную имперіалами. Мѣсто Галуппія заступилъ Томассо-Траетта, Артистъ Неаполитанскій, прославившійся не менѣе своего предшественника. Искуство, съ какимъ играютъ теперь въ Петербургѣ и Москвѣ не только оперы, но комедіи и трагедіи, по большой части оригинальныя, писанныя знатоками Драматической науки — сіе искуство доведено до совершенства.

(*Оттуда ж.*)

VII.

НѢЧТО

о Санскритскомъ языкѣ.

Брамины, ученые жрецы Восточной Индіи, говорятъ Санскритскимъ языкомъ, изобильнымъ и выразительнымъ. Правильность его и сила беретъ преимущество надъ Греческимъ и Арабскимъ языкомъ. Каждое первообразное слово его имѣетъ

великое множество производныхъ. Правила Грамматическія многочисленны и трудны. Въ верхнемъ Индостанѣ учатся по Санскритской азбукѣ; ее называютъ: *Дїу нагаръ*, то есть: *Ангельскій языкъ*. Письмена, введенныя въ употребленіе Браминами Бенгальскими, испорчены и не столь древни, какъ другія. Брамины, ревностные исполнители закона своего, не обучаютъ чужестранцевъ священному языку и не стараются обращать пришельцевъ въ вѣру свою. Небо, по ихъ мнѣнію, подобно чертогамъ великаго Царя, имѣющимъ безчисленное множество врать; отъ воли каждаго зависитъ избирать для себя путь въ горнія селенія.

Абкаръ, великій Моголъ, хотѣлъ узнать таинства вѣры, исповѣдуемой Браминами, и послалъ въ Бенаресъ молодаго Мусульманина, научиться онымъ. Посланный, назвавъ себя сиротою, рожденнымъ отъ поколѣнія Браминовъ, былъ принятъ съ ласкою. Престарѣлый Браминъ взялъ на себя попеченіе наставить его въ законѣ. Воспитанникъ, пробывъ около десяти лѣтъ въ семъ училищѣ, узналъ всѣ сокровенности, которыми могъ удовлетворить любопытство Государя своего. Наканунѣ дня, назначеннаго

къ отъѣзду изъ Бенареса, молодой человѣкъ увидѣлъ дочь наставника своего, и плѣнился красотою ея. Страсть, воспылавшая въ груди его, привела въ забвеніе обѣщаніе, данное Моголу. Черезъ нѣсколько дней онъ увѣрился, что и прекрасная дѣвица полюбила его. Браминъ, узнавъ о взаимной ихъ нѣжности, предложилъ Мусульманину дочь свою. Влюбленный и благодарный юноша не могъ обманывать болѣе благодѣтеля своего: бросился къ ногамъ его, открылъ намѣреніе, съ какимъ былъ посланъ и, проливая слезы, просилъ прощенія. Раздраженный Браминъ, не сказавъ ни слова, обнажилъ кинжалъ, чтобы пронзить грудь обманщика. Мусульманинъ, удержавъ мстительную руку, заклиналъ показать ему средство къ заглажденію вины своей. Добродушный наставникъ тронулся горькими слезами и раскаяніемъ покорнаго ученика. „Соглашаюсь забыть преступленіе твое — сказалъ Браминъ — естьли дашь клятву не переводить книги нашего закона на простонародный языкъ, и никому изъ чужеземцовъ не открывать священныхъ таинствъ вѣры нашей.“ — Юноша поклялся хранить въ тайнѣ ввѣренныя ему истины. Надобно

думать, что онъ не измѣнилъ своему слову, ибо ни одно изъ Санскритскихъ сочиненій не сдѣлалось извѣстнымъ.

Нынѣшніе Брамины менѣе прежняго таятся отъ иностранцевъ. Они не отказывались обучать Санскритскому языку любопытныхъ Англичанъ, приходившихъ въ отечество ихъ обогащать умъ свой новыми знаніями по примѣру Пиѳагора и другихъ древнихъ Философовъ. Брамины могутъ хвалиться, что многіе ученые Европейцы слушали у нихъ наставленія.

Съ Нѣмец. — С. Р.

VII.

ЛОНДОНЪ и ПАРИЖЪ.

Кто не знаетъ, что жители сихъ двухъ городовъ имѣютъ нравы, склонности и обыкновенія, совершенно несходныя между собою? Во Франціи зданія возвышаются, въ Англіи вкапываются въ землю. Англичанинъ почитаетъ свой домъ выгоднымъ и покойнымъ, когда цѣлый этажъ онаго скрытъ подъ землею. Сіе жилье содержитъ въ себѣ не однѣ поварни, которыя отличаются опрятностію и чистотою, пріят-

ною для зрѣнїя; тамъ находятся уютныя и прибранныя комнаты для дворецкаго, камердинера, слугъ и служанокъ.

Въ теплыхъ странахъ, гдѣ можно обойтись безъ огромныхъ зданій, сооружаемыхъ по правиламъ Архитектуры, ставятъ столбы, утверждаютъ на нихъ кровлю, и живутъ безъ дальнихъ непрїятностей; но жители холодныхъ мѣстъ дѣлаютъ толстыя и твердыя стѣны для защищенїя себя отъ перемѣнъ воздушныхъ. Въ странахъ, лежащихъ ближе къ Сѣверу, и сей предосторожности не довольно: тамъ надобно врываться въ землю.

Все, что плѣняетъ взоры въ Парижѣ, не нравится въ Лондонѣ; все, привлекательное въ Лондонѣ, отвратительно въ Парижѣ. Надобно побывать въ Парижѣ, чтобы посмотрѣть на прекрасныя зданїя; надобно съѣздить въ Лондонъ, чтобы видѣть прекрасныя улицы. Изъ двухъ Англичанъ, пріѣхавшихъ въ Парижъ, одинъ приходитъ въ изумленїе отъ великолѣпїя, а другой отъ неустройства, примѣтнаго въ семъ городѣ. Два Француза, прибывшїе въ Лондонъ, могутъ чувствовать подобныя впечатлѣнїя.

Въ Лондонѣ живетъ народъ, склонный къ задумчивости и унынію, но опрятный и умный; Парижъ наполненъ людьми легкомысленными, вѣтреными и гибкими, охотниками пѣть аріи, прыгать и смѣяться. Парижскіе жители болѣе всего любятъ прекрасное; они столь высоко цѣнятъ жизнь, что употребляютъ ее на доставленіе себѣ всѣхъ возможныхъ выгодъ и пріятностей. Англичане прежде всего стараются о томъ, чтобы жить независимо и покойно; но, не имѣя ни ловкости, ни утонченности вкуса, лишь только успѣютъ хотя нѣсколько приближиться къ предмету желаній своихъ, тотчасъ чувствуютъ слабость силъ, перестаютъ трудиться и отказываются идти далѣе.

Не прошло еще пятидесяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Лондонъ вымощенъ; по крайней мѣрѣ ходить пѣшкомъ по тамошнимъ улицамъ почти не возможно было. Даже и тѣ, которые выѣзжали въ коляскахъ, слишкомъ много терпѣли отъ безпокойной ѣзды по неровнымъ и грязнымъ дорогамъ. Не роскошь — нужда изобрѣла въ Лондонѣ особыя мѣста для пѣшеходцевъ. Въ Парижѣ, напротивъ того,

давно вымощены улицы со всею удобностію для пѣшихъ и проѣзжающихъ.

Парижскіе жители встаютъ по крайней мѣрѣ часомъ ранѣе, нежели Лондонскіе. У послѣднихъ, въ девять часовъ утра зимою, рѣдкія лавки бываютъ отперты.

Достойно замѣчанія, что слуги, ремесленники и всѣ люди низкаго состоянія въ Лондонѣ оказываютъ большее уваженіе вышшимъ себя, нежели въ Парижѣ. Камердинеръ Парижскій, не дождавшись вопроса, вступаетъ въ разговоръ съ господиномъ своимъ. Такая вольность показалась бы въ Лондонѣ непростительною грубостію.

Изъ десяти Лондонскихъ женщинъ можно выбрать одну посредственной красоты; между десятью посредственными найдете одну пригожую; между десятью пригожими попадается одна красавица. Во Франціи пригожія женщины столько же не рѣдки, какъ и въ Англіи; но красавицы встрѣчаются гораздо рѣже. Все, почитаемое прекраснымъ во Франціи, имѣетъ въ себѣ несравненно болѣе плѣнительныхъ совершенствъ, нежели то, чему въ другихъ частяхъ Свѣта приписываютъ имя *прекраснаго*.

Наружность Парижа и Лондона столько же различна, какъ и внутренность. При выходѣ изъ средины Парижа представляются взорамъ великолѣпныя дороги, со всѣхъ сторонъ усаженныя деревьями. Въ Англіи кое-гдѣ увидишь деревья, посаженныя для украшенія частныхъ домовъ; тамошнія дороги обнажены и тѣсны. Сѣверная часть Лондона, смежная съ Гамстадомъ, достойна замѣчанія сходствомъ своимъ съ Крымомъ или Татаріею. Тамъ видны обширные луга, простянувшіеся до Гертфордшира; долины, холмики, горы — все покрыто густою травою. На сихъ лугахъ, находящихся близь города, нѣтъ ни одного дерева; изрѣдка примѣтны только кустарники, между которыми пасутся многочисленныя стада, бродятъ тысячи тучныхъ коровъ. Стукъ каретъ, скрыпѣніе тѣлегъ, мычанье стадъ, картина деревенской и пастушеской жизни, зрѣлище городской роскоши и пышности — все это изображаетъ странную и любопытную смѣсь, свойственную одному Лондону. (*Изъ Journal des Dames et des Modes.*)

IX.

НЕСЧАСТНЫЕ СТИХОТВОРЦЫ.

Овидій.

Творенія и несчастія Овидія Назона равно способствовали къ прославленію имени его. Онъ родился въ Сулмонѣ, Абруцскомъ городѣ, отъ благородной фамиліи, за 43 года до Рождества Христова. Отецъ его хотѣлъ, чтобъ онъ посвятилъ себя судебному краснорѣчію, которое считалось въ Римѣ главнѣйшимъ средствомъ къ пріобрѣтенію почестей и богатства. Молодой Овидій, родившійся съ дарованіями, свойственными Поэту, не охотно повиновался волѣ родителя. Выслушавъ Риторику у славныхъ Наставниковъ въ краснорѣчіи, онъ принужденъ былъ заняться судопроизводствомъ; но ни убѣжденія родителей, ни похвалы, пріобрѣтенныя имъ отъ успѣховъ въ Законоискуствѣ, ни выигрыши отъ объясненія запутанныхъ тяжебныхъ дѣлъ — ничто не сильно было отвратить его отъ склонности къ Поэзіи. Стихи родились подъ перомъ его сами собою.

Et quod tentabam scribere, versus erat.

По смерти отца, онъ оставилъ судебныя дѣла, и началъ заниматься Поэзіею. Любовь вдохнула въ него первые стихи; любовь управляла и послѣдними. Сочинивъ *Героиды*, исполненныя пылкаго воображенія и зрѣлаго ума, поѣхалъ съ Варрономъ въ Азію, и все время пребыванія своего въ Аѳинахъ употребилъ на усовершенствованіе себя въ Греческой Словесности. По возвращеніи въ Римъ, гдѣ имя его сдѣлалось уже громкимъ, благосклонно принятъ былъ Августомъ, котораго милостями долго пользовался вмѣстѣ съ Гораціемъ и Виргиліемъ. Обстоятельства благопріятствовали ему — и ничто, по видимому, не могло возмутить его благоденствія; но духъ Стихотворенія увлекъ его слишкомъ далеко. Скоро Римляне узнали о несчастіи, постигнувшемъ Поэта. Августъ, раздраженный дерзостію Овидія, сослалъ его въ Томы, что на Эвксинскомъ Понтѣ. Потомство изтощалось въ догадкахъ о причинѣ сего заточенія, и не могло доискаться истины. Нѣкоторые полагали за вѣрное, что Поэма его: *Наука*

любить, показалась соблазнительною Августу (*). Хотя Овидій безпрестанно жаловался на судьбу свою, но не открылъ дѣйствительной причины, доведшей его до несчастія. Онъ часто повторялъ:

Cur aliquid vidi? cur noxia lumina feci?

(Для чего я увидѣлъ это? для чего узналъ пагубную тайну?)

Чтожъ такое Стихотворецъ видѣлъ? Это покрыто завѣсою неизвѣстности. Многіе современники его думали, даже писали, будто онъ, застав Августа въ постыднѣйшемъ дѣлѣ (**), не умѣлъ соблюсти скромности. Не льзя этому вѣрить. Не ужьли Овидій не зналъ, что, напоминая сему Государю о беззаконіи, имъ учиненномъ, могъ подвер-

(*) Можно ли думать, чтобъ Августъ сослалъ его въ ссылку за вольные стихи, когда всѣ знаютъ, сколько сей Государь любилъ и награждалъ Горація, котораго сочиненія съ избыткомъ наполнены выраженіями смѣлыми и даже противными благопристойности?

(**) Минуціанъ-Апулей, Писатель, почти современный Овидію, говоритъ: Pulsum quoque in exilium, quod Augusti incestum vidisset.

гнуться всей жестокости его гнѣва? Еще менѣе вѣроятно, чтобы Поэтъ имѣлъ любовную связь съ Юлiею, дочерью Августа, которую воспѣвалъ подъ именемъ Коринны, и будто оскорбленный Монархъ за то наказалъ его. Сказываютъ, что Юлiя позволяла себѣ все; честь и стыдъ ничего для нее не значили; слѣдственно не льзя ставить Овидiю въ порокъ того, что не считалось порокомъ у Римлянъ. Думать надобно, Стихотворецъ былъ свидѣтелемъ какого нибудь безчестнаго дѣла, случившагося въ Августовой фамилiи. Къ подтвержденiю сего мнѣнiя служитъ то, что и по смерти Августа не удалось ему преклонить на милость Тиверiя и изходатайствовать себѣ возвращенiе изъ ссылки, хотя бѣдный изгнанникъ доходилъ до самыхъ унизительныхъ прозьбъ, и даже называлъ божествомъ чудовище, котораго во внутренности сердца своего гнушался. По всему видно, что не одинъ Августъ замѣшанъ былъ въ тайномъ произшествiи, совершившемся передъ глазами Овидiя. Какъ бы то ни было, одному тирану свойственно послать въ заточенiе Римскаго Кавалера не уличеннаго въ преступленiи, и прикрывать жестокость свою

оправданіемъ, будто Овидій, способный только писать соблазнительные стихи, не достоинъ жить въ обществѣ.

Стихотворецъ, привыкшій къ веселостямъ Римскимъ, на пятидесятомъ году отъ роду переселенный на границы Римской Имперіи, на берега Чернаго моря, въ дикую страну и нездоровый климатъ, довольно былъ бы наказанъ, естьли бы сдѣлалъ важное преступленіе. Чувствительный Поэтъ, изторгнутый изъ благорастворенной и плодоносной Италіи, разлученный съ женою, которую любилъ нѣжно, и оставленный въ странѣ, окруженной горами и лѣсами, гдѣ свирѣпствовали холодные вѣтры, изливалъ печаль на всѣ предметы, его окружавшіе, и не стыдился слабости своей. Кто не извинитъ болѣзненныхъ его рыданій? Ссылка можетъ быть ужаснѣе самой смерти; таково было и Овидіево заточеніе. Самою трогательною элегіею его, безъ всякаго прошиворѣчія, почитается та, въ которой описываются обстоятельства отъѣзда его, послѣдняя ночь, проведенная имъ въ Римѣ, и горестное прощанье съ милою супругою.

Не льзя упрекать Овидія за то, что чувствовалъ несчастія: онѣ велики и тягостны были. Онъ заслуживаетъ только строгое порицаніе за похвалы, приписанныя имъ жестокому виновнику горестей его, и за непомѣрную лесть, которая могла бы возбудить праведное негодованіе даже въ законномъ и благодѣтельномъ Государѣ. Во время жизни Августа, Овидій изтощался передъ нимъ въ рабскихъ услугахъ; а по смерти его, простеръ ласкательство свое до того, что воздвигнулъ ему жертвенникъ, на которомъ ежедневно фиміамъ курился. И самое несчастіе не можетъ извинить толь низкаго поступка. Ничто на свѣтѣ не сильно принудить къ подлости человѣка со здравымъ разсудкомъ и чистою совѣстью.

Низкая лесть Овидія осталась безуспѣшною. Августъ и Тиверій, два кумира, которымъ онъ покланялся, не внимали его моленіямъ. Несчастный умеръ въ ссылкѣ, имѣя около шестидесяти лѣтъ отъ роду. Сказываютъ, будто онъ сочинилъ себѣ слѣдующую надгробную надпись:

„Hic ego qui jaceo, tenerorum lusor amorum,
Ingenii perii Naso Poëta meo.
At tibi, qui transis, ne sit grave quisquis amasti,
Dicere: *Nasonis molliter ossa cubent.*“

(„Здѣсь лежитъ Назонъ, Стихотво-„рецъ, воспѣвавшій нѣжную любовь — „тотъ, который погибъ отъ пылкихъ „дарованій ума своего. Прохожій! естьли „сердце твое чувствовало любовь, не по-„чти себѣ въ тягость сказать: *Здѣсь „покоится прахъ Назоновъ.*“

Овидій былъ одинъ изъ Геніевъ, родившихся для прославленія Стихотворной науки. Его Поэма о *Превращеніяхъ* есть лучшее сочиненіе, оставленное Древностію. Здѣсь Авторъ соблюлъ всѣ достоинства, свойственныя великому Поэту. Кажется, онъ самъ чувствовалъ превосходство сего творенія предъ всѣми прочими, когда написалъ:

„Jamque opus exegi, quod nec Jovis ira, nec ignes,
Nec poterit ferrum, nec edax abolere vetustas.“

(„Я привелъ уже къ концу такое дѣло, котораго разрушить ничто не можетъ: ни гнѣвъ Юпитера, ни пламя, ни мечь, ни ѣдкость всепоглощающаго времени.“)

Читая *Превращенія*, не льзя не плѣниться искуствомъ, употребленнымъ для связи и размѣщенія мыслей. Одному Овидію возможно было изъ толь различныхъ исторій, по большой части не имѣвшихъ взаимнаго отношенія, составить цѣлое, неразрывное въ частяхъ своихъ, повѣствованіе. Онъ не выпускалъ изъ рукъ таинственной нити, которая, не перерываясь нигдѣ, ведетъ въ лабиринтъ странныхъ приключеній; расположилъ произшествія столь искусно, что всѣ онѣ кажутся раждающимися одно изъ другаго; выставилъ на сцену множество лицъ, изъ которыхъ однѣ дѣйствуютъ, а другія повѣствуютъ. Все — начиная отъ раздѣленія стихій послѣ первобытнаго хаоса до религіи Августовыхъ временъ — все идетъ безъ остановки, блистаетъ полнымъ свѣтомъ. Вездѣ видна пылкость воображенія и плавность слога; здѣсь представляются изображенія поразительныя и ужасныя, тамъ нѣжныя, веселыя и пріятныя. Различіе тоновъ,

свойственныхъ предметамъ несходнымъ между собою, и разнообразіе красокъ, подобранныхъ къ картинамъ, индѣ благородномъ и величественнымъ, индѣ простымъ и обыкновеннымъ — все плѣняетъ и восхищаетъ читателя. Мастерская кисть доказываетъ искуство сего живописца. Изобиліе въ мысляхъ и богатство въ выраженіяхъ, кажется, не стоили ему ни малѣйшаго напряженія ума. Отворяетъ ли онъ Солнцевы чертоги — восхищаетъ душу блескомъ великолѣпія; воспѣваетъ ли жалобы любви осиротѣвшей — приводитъ сердце въ умиленіе; изображаетъ ли неистовство ревнивости и ярость злодѣйства — поселяетъ чувство ужаса.

Вольтеръ, который не любилъ много хвалить другихъ, удивлялся сему творенію и чувствовалъ особливое уваженіе къ Автору. Надобно признаться, что слогъ Овидіевъ уступаетъ совершенству Виргиліева слога; но, можетъ быть, надлежало родиться Виргилію, чтобы видѣть, чего недоставало Овидію.

Одаренный отъ природы веселымъ характеромъ и дальновиднымъ воображеніемъ, Овидій успѣлъ бы болѣе прославиться на поприщѣ Словесности, естьли

бы воспѣвалъ удовольствія, а не горести. Элегіи, сочиненныя имъ во время заточенія и названныя: *Tristes de Ponto*, не могутъ стоять на ряду съ прочими произведеніями ума его. Три книги *о Любви*, наполненныя тонкимъ ядомъ обольщенія, отличаются пылкостію юнаго возраста, падкаго до чувственныхъ наслажденій. *Наука любить*, *Ироиды*, *Записки о достоламятныхъ дѣяніяхъ* — все доказываетъ умъ его, плодовитый и украшенный познаніями; живость воображенія его плѣняетъ и влечетъ за собою.

Умные цѣнители талантовъ упрекаютъ Овидія въ частыхъ повтореніяхъ идей, а иногда въ недостаткѣ разборчиваго вкуса; но за то восхищаются обиліемъ острыхъ мыслей, разточительностію прекрасныхъ описаній и вѣрностію плѣнительныхъ изображеній. Съ какою откровенностію любитъ онъ все, что нравится чувствамъ, все, что трогаетъ сердце! Самые недостатки его имѣютъ нѣчто приманчивое и обольстительное. Онъ всегда будетъ приводить въ восхищеніе юношей, одаренныхъ пылкимъ воображеніемъ; люди опытные, достигшіе зрѣлаго возраста, никогда не станутъ

читать его. „Смѣло могу сказать — говорилъ Монтань — что дряхлая душа моя не плѣняется уже ни Аріостомъ, ни Овидіемъ; отважные вымыслы послѣдняго, нѣкогда восхищавшіе меня, теперь совершенно мнѣ опротивѣли. “

Овидій сочинилъ еще *Медею*. Сія трагедія, заслужившая всеобщую похвалу, не дошла до насъ. Квинтиліанъ, упрекавшій Поэта въ излишнемъ самолюбіи и пристрастіи къ произведеніямъ ума своего (*nimium amator ingenii sui*), говоритъ, что по *Медеѣ* можно заключать и о томъ, къ чему онъ былъ бы способенъ, естьлибъ умѣлъ управлять дарованіями своими.

Надобно согласиться съ безпристрастными Критиками, которые утверждаютъ, что Овидій во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ употреблялъ во зло рѣдкую способность писать легкимъ и плавнымъ слогомъ. Необузданное воображеніе выводило его изъ границъ умѣренности. Хотя онъ занимаетъ мѣсто между великими Поэтами, однакожъ прежде другихъ доказалъ, сколько Писатель, пренебрегающій строгую разборчивость и благопристойность, можетъ помрачить свою славу.

Луканъ.

М. Анней Луканъ родился въ Кордуѣ, что въ Испанїи, въ 39 е лѣто по Р. Христовѣ, въ царствованїе К. Кесаря Калигулы. Отецъ его, Маркъ Аннїй, былъ Рыцарь и братъ Философа и Поэта Сенеки. Луканъ, будучи въ дѣтскихъ лѣтахъ, посланъ былъ въ Римъ къ дядѣ, который принялъ на себя попеченїе о воспитанїи его. Искуснѣйшїе Наставники обучали его наукамъ. Успѣхи Лукановы были столь быстры, что на четырнадцатомъ году онъ говорилъ рѣчи на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ. Сочиненїя его, ознаменованныя печатью зрѣлаго ума, обратили на себя вниманїе Римлянъ; вкусъ ихъ начиналъ уже тогда удаляться отъ чистоты, до которой достигнулъ въ правленїе Августа. Сколько сїи блистательные успѣхи, столько же довѣренность и уваженїе, которыми пользовался Сенека при Дворѣ Императоровъ, способствовали къ тому, что Неронъ почтилъ его благосклонностїю своею. Въ семъ Государѣ тогда не видно еще было слѣдовъ звѣрскаго характера, отъ котораго въ послѣдствїи Римляне страдали. Луканъ спѣрва сдѣланъ

былъ Сенаторомъ, потомъ произведенъ въ чинъ Квестора, а черезъ нѣсколько времени получилъ и достоинство Августа. Онъ шелъ исполинскими шагами по стезѣ почестей и славы. Супруга, по имени Полла Аргентарія, знаменитая добродѣтелью, породою и красотою своею, усугубила его благополучіе.

Луканъ могъ бы наслаждаться счастливою жизнію, естьли бы менѣе мечталъ о дарованіяхъ своихъ. Неосторожность и хвастовство стоили ему слишкомъ дорого. Онъ осмѣлился спорить съ Нероном о наградѣ за лучшее стихотвореніе. Рѣшившись одержать надъ нимъ побѣду, сочинилъ прекрасные стихи въ честь Орфею, и былъ увѣнчанъ на Помпеевомъ театрѣ въ присутствіи соперника завистливаго и сильнаго. Извѣстно, что Неронъ хотѣлъ и на Парнассѣ занимать такое же мѣсто, какое занималъ въ Римѣ; извѣстно и то, что необузданная страсть къ стихотворенію (*) сдѣлала

(*) Послѣ Нерона осталось нѣсколько стиховъ, достойныхъ примѣчанія по надутливости словъ и несвязно ти мыслей. Онъ первый изъ Императоровъ пользовался чужими трудами

его предметомъ посмѣянія во всей Имперіи, а жестокость навлекла на него ненависть и проклятіе человѣческаго рода. Желая отомстить побѣдителю-стихотворцу, тиранъ запретилъ ему писать стихи. Сіе запрещеніе раздражило чувствительнаго Поэта: горько ему показалось разставаться съ любимою склонностью. Не столько любовь къ свободѣ — ежели вѣрить Тациту — сколько оскорбленное самолюбіе и мстительность заставили его принять участіе въ Пизоновомъ заговорѣ. Луканъ, осужденный на смерть, получилъ отъ Нерона позволеніе избирать наказаніе. Стихотворецъ не долго думалъ: взошелъ въ теплую баню и отворилъ себѣ жилы. Собравъ послѣднія силы, онъ прочиталъ передъ исполнителями воли тирана стихи, помѣщенные въ *Фарсальской битвѣ* — тѣ самые, въ которыхъ изображенъ храбрый воинъ, умирающій съ философскимъ великодушіемъ. Послѣ сихъ словъ закрылись навѣки глаза его. Смерть постигла Лукана на двадцать осьмомъ году

и выдавалъ за собственныя тѣ Рѣчи, которыя говорилъ въ публичныхъ собраніяхъ. Сенека болѣе другихъ для него трудился.

отъ рожденія. За одно изъ лучшихъ твореній его, доставившихъ ему почтеніе отъ потомства, почитается Поэма о Фарсальскомъ междоусобіи или войнѣ Кесаря съ Помпеемъ. Преждевременное прекращеніе жизни возпрепятствовало ему кончить ее.

Сіе сочиненіе не заслуживаетъ, кажется, высокихъ похвалъ, приписанныхъ Автору въ прошедшемъ вѣкѣ нѣкоторыми учеными Мужами, а особливо Мармонтелемъ, который съ пристрастіемъ цѣнилъ труды его. Въ немъ нѣтъ красотъ, разсѣянныхъ у Гомера и Виргилія; есть однакожь картины, которыхъ не сыщешь ни въ Иліадѣ, ни въ Энеидѣ. Плѣняешься благородствомъ чувствованій Лукановыхъ; но досадуешь на непростительный недостатокъ въ изобрѣтеніи, не имѣющемъ ни заманчивости, ни драматическаго дѣйствія. *Фарсальская война* не есть Эпическая Поэма, но Исторія въ стихахъ, или Историческое Слово, надутое высокопарными выраженіями. Поэтъ, оживленный республиканскимъ духомъ, заимствуетъ разительныя черты у Саллюстія и Тацита для изображенія бурныхъ временъ междоусобной брани; занимаясь высокими разсужденіями и поли-

тическими мыслями, поддѣлывается подъ слогъ Корнелія и Тита-Ливія.

Луканъ, изображая важный свой предметъ приличными, яркими красками, блистаетъ мужественными и оригинальными красотами, и возносится иногда до высокаго; но воображеніе его, всегда ищущее необыкновеннаго, часто ошибается въ выборѣ, и не имѣетъ той гибкости, которая производитъ разнообразіе въ слогѣ. Отъ недостатка въ здравомъ сужденіи онъ употребляетъ непомѣрныя увеличиванія въ описаніяхъ, напыщенность въ мысляхъ и продолжительность въ подробномъ повѣствованіи. Читая однозвучные стихи его, не льзя не потерять терпѣнія искать того, чѣмъ плѣняется зрѣлый разсудокъ.

Квинтиліанъ съ похвалою отзывается о Лукановыхъ сочиненіяхъ: *Lucanus arduus, et concitatus, et sententiis clarissimus.* Дѣйствительно, сей Стихотворецъ имѣлъ пылкое воображеніе, блистательныя мысли, сильныя выраженія. Это доказываютъ Отрывки его, исполненные многихъ красотъ, дѣлающихъ непримѣтными и самые недостатки. Таково надгробное Катоново Слово, произнесенное въ память Помпею.

Таково изображенїе самаго Катона — картина брака его съ Марцїею — походъ въ Африканскїя степи, и остроумный отвѣтъ на прекрасную Лаб[illegible]ву Рѣчь о прорицалищѣ Юпитера Аммон; таковы портреты Кесаря и Помпея, представленные въ разительномъ противоположенїи. Послѣднее твореніе, исполненное тонкихъ и зрѣлыхъ разсужденій, почитается лучшимъ изо всѣхъ, писанныхъ Луканомъ.

Онъ оставилъ послѣ себя много другихъ сочиненій, и между прочими недоконченную *Медею* (*), которая подверглась той же участи, какую имѣла Медея, писанная Овидїемъ: ни та, ни другая не дошли до насъ.

(*) Дочь Эета и Гипсеи, царствовавшихъ въ Колхидѣ. Знаніе Ботаники прославило ее; больные выздоравливали помощію ея искуства. Стихотворцы, вездѣ ищущіе чудеснаго, почитали ее волшебницею.

(*Изъ Grands Poétes malheureux.*)

X.

ЗАМѢЧАНІЯ

о Сибири и Сибирякахъ.

Проницательность зрѣнія Сибирскихъ звѣролововъ.

Жители Уральскаго хребта, не имѣющіе хлѣбопашества, по большой части занимаются звѣриною ловлею: бьютъ медвѣдей, соболей, бѣлокъ, а болѣе лосей, которые извѣстны у нихъ подъ именемъ *краснаго звѣря*. Лучшая ловля бываетъ осенью по первому снѣгу, въ началѣ весны послѣ небольшаго дождя, выпавшаго на снѣгъ и превратившагося въ тонкой ледъ — что называется у нихъ *чарымомъ* — и лѣтомъ въ самую межень. Искусный звѣроловецъ, проходя по лѣсу, не только различаетъ слѣды звѣрей по снѣгу, а лѣтомъ по грязи, но даже на сухихъ и каменистыхъ мѣстахъ видитъ примѣты. Судя по лѣснымъ иголкамъ, свалившимся съ деревъ, по измятому чорному моху, по изломаннымъ вѣтьямъ, по изсохшей и свѣжей травѣ — онъ знаетъ, кто прошелъ: человѣкъ, медвѣдь, лось, собака

или лошадь; знаетъ, въ которую сторону, когда и въ какомъ числѣ. Зоркое зрѣніе его видитъ тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ, даже предувѣдомленный, ничего усмотрѣть не можетъ. Естьли охотникъ будетъ объяснять на мѣстѣ примѣты свои, то все найдется согласнымъ съ его словами. Таковы въ своемъ родѣ знатоки, отличающіе природные антики въ цвѣтныхъ камняхъ отъ поддѣланныхъ.

Въ Нерчинскихъ заводахъ у Сибирякова, богатаго купца и заводчика, случилась пропажа. Подозрѣніе пало на *присыльныхъ*, бѣжавшихъ съ рудниковъ. Гдѣ же искать ихъ? Они скрылись въ лѣса непроходимые. Это было лѣтомъ; а когда нѣтъ снѣгу, не найдешь и слѣду. Притомъ же схватились о покражѣ по прошествіи нѣсколькихъ дней. Братскіе звѣроловы взялись поймать похитителей: ходили нѣсколько времени по разнымъ мѣстамъ; потомъ открыли, въ которую сторону воры бѣжали; на другой день, судя по слѣдамъ, увѣрились, что они не далеко; а на третій въ полдни напали на сонныхъ. Это слышалъ я отъ Медика, жившаго тамъ болѣе 30 лѣтъ. Подобныя произшествія случаются

и между Уральскими Вогулами. Сколь чутко у собакъ обоняніе, столько же почти остро зрѣніе Сибирскихъ охотниковъ. Чему дивиться? Путешественники разсказываютъ, будто дикіе Индѣйцы узнаютъ посредствомъ обоняніа слѣды и число своихъ непріятелей.

Пристрастіе къ чаю.

Всѣ Сибиряки отмѣнно любятъ чай; обыкновенное ихъ угощеніе состоитъ въ семъ напиткѣ. Здѣсь разумѣю среднее состояніе людей: купцовъ и мѣщанъ. Байкальская чернь почти жить не можетъ безъ чаю. Бѣдный мастеровой не примется за дѣло, крестьянинъ не пойдетъ на работу, не напившись до-сыта сего нектара. Имъ извѣстенъ самой худой сортъ чаю, *кирпичнымъ* называемый по наружному сходству его съ кирпичами, и соотвѣтствующій ихъ достатку. Онъ не дорогъ: фунтъ стоитъ не болѣе сорока копѣекъ. Бѣдные варятъ сей напитокъ въ горшкахъ и пьютъ — съ солью. Зажиточные, лакомясь имъ безпрестанно, почти всегда держатъ его въ печи, чтобъ онъ былъ готовъ во всякое время. Есть такіе охотники,

которые — какъ скоро чай у нихъ переведется — лишаются аппетиту, впадаютъ въ уныніе и становятся больными. Одна крестьянка въ Удинскомъ селеніи, что нынѣ городъ, три дни не могла ничего дѣлать, ни пить, ни ѣсть, по тому только, что не было у нее чаю. Сосѣдки, сберегая для себя лакомой напитокъ, отказались помочь ея горю. Бѣдная слегла бы въ постелю, естьли бы сострадательный проѣзжій не избавилъ ее отъ горькой участи.

Промыселъ кедровыми орѣхами.

Уралъ произращаетъ много кедровъ. Въ тамошнемъ краю сіе одно дерево можно назвать плодоноснымъ. Время, въ которое созрѣваютъ орѣхи, почитается пріятнѣйшимъ въ году для горныхъ жителей, не занимающихся хлѣбопашествомъ по причинѣ неурожая. Мущины и женщины, взрослые и малолѣтные удаляются на нѣсколько недѣль въ *кедровники* для собиранія кедровыхъ шишекъ. Очистивъ орѣхи, продаютъ ихъ купцамъ выгодною цѣною. Сей промыселъ составляетъ единственную прибыль между-лѣсныхъ обитателей. Чтобы

доставать шишки, надобно лазить на высокіе кедры. Взирая на промышленниковъ, не льзя не удивляться гибкости рукъ ихъ и вѣрности въ соблюденіи равновѣсія при переходѣ по голымъ и зыбкимъ сучьямъ. Нѣсколько разъ я любовался ихъ проворствомъ. Смотря, какъ взрослой человѣкъ перебирается отъ древеснаго ствола на высоту, простирающуюся до семи или осьми саженъ, по голому, отвислому и толстому суку, ни за что не придерживаясь, чтобы захватить больше шишекъ, растущихъ на вершинѣ — приходишь въ изумленіе отъ его искуства; смотря, какъ онъ, переступая по гибкимъ сучьямъ, подобно балансеру, качающемуся на канатѣ, забавляется надъ трусостію товарищей своихъ, въ низу стоящихъ — безпокоишься и трепещешь объ его жизни. Такая отважность бываетъ причиною увѣчья и даже смерти. Случается иногда, что промышленникъ, отошедши далеко отъ товарищей, заходитъ въ дремучіе лѣса; блуждая въ нихъ по нѣскольку дней, бываетъ жертвою алчности дикихъ звѣрей, или, изнуренный голодомъ, лишается жизни.

Кстати разскажу горестное произшествïе. Дѣвка изъ деревни Коптяковъ, находящейся въ Верхотурской округѣ, пошла съ прочими въ ближайшïй кедровникъ, и — не возвращалась. Спустя три и четыре дня, какъ она пропала безъ вѣсти, примѣтили въ кедровникѣ множество лѣсныхъ птицъ, летавшихъ надъ однимъ мѣстомъ; пришли посмотрѣть, и увидѣли — ужасное зрѣлище! — несчастную, вися-щую на сукѣ кедра. Зацѣпившись за него концемъ толстаго сарафана, она повисла на деревѣ. Естьли бы удалось ей оторваться, и тогда не избѣжала бы смерти, упавши съ высоты на каменистое мѣсто. Почти все тѣло ея изклевано было птицами; лицо, руки и ноги побагровѣли отъ налившейся крови. Что претерпѣла несчастная, естьли жила около сутокъ или болѣе, вися между небомъ и землею? . . . Это случилось около тринадцати лѣтъ тому назадъ.

Необыкновенный способъ, употребляемый Уральскими Козаками для рыбной ловли.

Одинъ Артиллерïйскïй Генералъ, нѣсколько лѣтъ имѣвшïй пребыванïе

въ Сибири, разсказывалъ мнѣ о странномъ празднествѣ, данномъ по случаю проѣзда его черезъ городъ Уральскъ главнымъ Начальникомъ Козацкимъ. По наступленіи дня, назначеннаго для увеселенія, Козаки, раздѣвшись до-нага, явились на рѣкѣ въ лодкахъ. Такая флотилія удивила почтеннаго гостя, сидѣвшаго въ особливой лодкѣ съ Козацкимъ Начальникомъ. Лишь только послѣднїе достигли извѣстнаго мѣста, вдругъ одинъ нагой пловецъ бросился въ воду; примѣру его послѣдовали и прочїе. Всѣ лодки опустѣли; одни кормщики въ нихъ остались. Долго ловцы были подъ водою, которая отъ быстраго движенія ихъ волновалась. Но вотъ одинъ Тритонъ вынырнулъ — съ плѣнникомъ, большимъ осетромъ, захваченнымъ за бокъ острымъ желѣзнымъ крюкомъ, единственнымъ оружїемъ побѣдителя. Вода около него побагровѣла отъ множества крови, вытекшей изъ рыбы. Осетра бросили въ лодку. Скоро показались изъ воды и другїе Козаки. Пятьдесятъ человѣкъ занимались сею забавною ловлею, и ни одинъ не явился съ пустыми руками. — Такой способъ ловить рыбу конечно страненъ; но быстрота и провор-

ство, съ которыми Козаки плаваютъ подъ водою и настигаютъ рыбу въ собственной ея стихіи, чрезвычайно удивительны.

Дичина.

Не знаю, можетъ ли какая страна изобиловать дичиною болѣе Сибири. Это происходитъ — естьли не обманываюсь — отъ малаго ея населенія, или отъ того, что тамъ не много охотниковъ. Сибирской крестьянинъ не имѣетъ большой нужды ловить дичину; онъ не знаетъ, кому продать ее; сверхъ того богатъ дворовыми птицами, которыхъ число всегда бываетъ достаточно для прокормленія семьи его. Посредственный стрѣлокъ, отправясь на охоту, продолжающуюся не болѣе сутокъ, часто возвращается со многочисленною добычею, подъ тяжестію которой лошадь едва передвигаетъ ноги. Въ Сибири не стрѣляютъ мѣлкихъ птицъ, какъ то: куликовъ, маленькихъ утокъ и сѣрыхъ куропатокъ; только для гусей, большихъ утокъ, тетеревей и журавлей охотникъ тратитъ порохъ, которой, правду сказать, не дешево ему достается. Есть и лебеди въ тамошней сторонѣ; но рѣдко

подстрѣливаютъ сію птицу: по мнѣнію жителей, грѣшно употреблять ее въ пищу. Ружейная стрѣльба для ловли птицъ вообще почитается тамъ болѣе мотовствомъ, нежели прибыльнымъ промысломъ. Стрѣляютъ по большой части изъ малокалиберныхъ винтовокъ, или большихъ фузей, *ермаковщинами* здѣсь называемыхъ. Мнѣ случилось видѣть охотника, которой, зарядивъ ермаковщину шестью картечами, однимъ выстрѣломъ убилъ 15 гусей, что, по его увѣренію, не рѣдко ему удавалось. Настоящіе ловцы употребляютъ силки, пленицы, слопцы, шатры и сѣти; набросавъ корму и приманивъ птицъ къ одному мѣсту, или замѣтивъ, гдѣ онѣ болѣе *табунятся*, закрываютъ ихъ и часто ловятъ цѣлыми сотнями. Одинъ горный Начальникъ, человѣкъ достойный всякаго вѣроятія и уваженія, сказывалъ мнѣ, что знаетъ крестьянина, живущаго на Барабинской степи, который, занимаясь охотою съ семействомъ своимъ, ловитъ въ круглой годъ до 25,000 штукъ дичины! Сей промышленникъ торгуетъ пухомъ и перьями; солитъ, сушитъ и коптитъ дичину.

Я видалъ утокъ, тучами подымающихся надъ озерами; онѣ, садясь ночью на прибрежныя пашни, пожираютъ хлѣбъ. Крестьяне, собравшись на ниву, посылаютъ дѣтей своихъ сгонять сихъ хищныхъ птицъ съ другаго конца: онѣ ни мало не боятся работниковъ, не въ дальнемъ разстоянїи находящихся. При семъ почитаю не излишнимъ разсказать смѣшное произшествїе: Крестьянинъ поѣхалъ верхомъ осмотрѣть свой ячмень. Досадно ему было, когда увидѣлъ въ немъ множество журавлей. Оставшись на пустырѣ, чтобы лошадь не помяла жатвы, послалъ собаку выгнать незваныхъ гостей. Какъ же онъ изумился, усмотрѣвъ, что господа долгоногїе не только не испугались ее, но храбро напали на соперницу, и длинными носами и крыльями безъ пощады били! Крестьянинъ, видя опасность, угрожавшую собакѣ въ семъ странномъ побоищѣ, поспѣшилъ къ ней на помощь, и едва успѣлъ выручить несчастную спутницу свою отъ разсвирѣпѣвшихъ непрїятелей.

Соколиная охота. Беркутъ.

Едва ли не въ одной Сибири соколиная охота составляетъ больше доходной промыселъ, нежели забаву. Степные жители, а особливо пограничные, какъ то: Башкирцы, Киргизы и Козаки часто и охотно занимаются ею. Съ помощію ястребовъ, соколовъ и большихъ орловъ, *беркутами* называемыхъ, бьютъ они перепелокъ, утокъ, гусей, зайцовъ, лисицъ, волковъ, дикихъ козъ, и даже оленей. Беркуты, налетѣвъ на послѣднихъ, выклевываютъ имъ глаза, и приводятъ въ утомленіе. Хозяинъ, скачущій за добычею на рѣзвой лошади, пользуется слѣпотою животнаго, и безъ дальнаго труда ловитъ его. Судя по величинѣ тѣла, по необыкновенной силѣ и проворству сихъ беркутовъ, дѣйствительно можно назвать ихъ царями пернатыхъ.

Одинъ Башкирецъ, косившій сѣно въ жаркой лѣтній день, скинулъ съ себя платье и легъ отдохнуть на копну. Лѣность, свойственная симъ кочующимъ народамъ, усталость и красное солнышко склонили его ко сну. Ужасной шумъ пробудилъ его. Въ ту же минуту онъ

почувствовалъ себя въ когтяхъ орла, которой, одною лапою схвативъ его за голову, а другою за грудь, старался поднять на воздухъ. Сколько ни испугался израненный Башкирецъ, однакожъ, ухватившись за крыло, силился высвободить изъ когтей непріятеля свою голову; но беркутъ, оставя грудь, сжалъ правую руку съ такою жестокостію, что она не могла уже дѣйствовать, и сильными ударами крыла оглушилъ бѣднаго Башкирца, считавшаго себя совершенно погибшимъ. Къ счастію, дворовая его собака случилась въ то время на покосѣ. Услышавъ крикъ хозяина, и видя его въ неминуемой опасности, бросилась она съ лаемъ и остервенѣніемъ на кровожаждущую птицу. Беркутъ — отъ того ли, что не могъ поднять Баркирца на воздухъ, или надѣялся скорѣе управиться съ собакою — оставилъ жертву свою, пустился на послѣднюю, схватилъ ее, и скрылся въ воздушномъ пространствѣ. И у полудикихъ народовъ собака, эмблема вѣрности и усердія, спасаетъ жизнь своимъ хозяевамъ. Сіе произшествіе разсказывалъ мнѣ горный Чиновникъ, которой долго жилъ между Башкирцами, и видѣлъ израненаго.

(*Продолженіе впредь.*)

Сибир. Каменской заводъ. *Н. Мамышевъ.*

XI.

ЗЛОСЧАСТНЫЙ.

Истинное произшествіе.

Проѣзжая черезъ Украйну въ Херсонъ, остановился я для ночлега въ мѣстечкѣ С*** у одного зажиточнаго купца. Хозяина на ту пору не случилось дома; солнце еще не закатилось; погода была хотя осенняя, но сухая и не слишкомъ холодная; окрестности показались мнѣ прекрасными; заняться было не чѣмъ — и я пошелъ бродить вокругъ селенія. „Какія живописныя мѣста!“ говорилъ я, вышедъ на ровной лугъ: „счастливые здѣшніе жители! всякой ли часъ вы благодарите Бога за то, что живете въ объятіяхъ прелестной Природы, щедро надѣляющей васъ дарами своими? Завидую участи вашей, естьли только привычка видѣть всегда одинакіе предметы не ослабила чувствительности вашей. Кто жилъ всегда въ шумной столицѣ, тотъ въ восторгѣ сердца готовъ цѣловать землю, на которой вы обитаете.“ Долго смотрѣлъ я на величественную картину Натуры, прислонившись къ сухой вы-

сокой ивѣ на берегу ручья, изкопавшаго въ вешнее полноводье глубокую крутоберегую ложбину. Влѣвѣ за обширнымъ лугомъ чернѣлся древній боръ; передо мною на гладкомъ косогорѣ было пространное сельское кладбище, обнесенное ветхою деревянною оградою и заросшее мѣлкимъ березникомъ, сквозь которой индѣ мелькали кресты и бѣлѣлись надгробные камни. Тихая рѣка, опушенная молодымъ ракитникомъ, обтекала его. Съ правой стороны видна неизмѣримая степь, чрезъ которую лежитъ прямая и широкая дорога, обсаженная по сторонамъ полуоблетѣвшими ивами и осинникомъ, изрѣдка краснѣющимся. Холмики, разбросанные по степи, и деревни, принадлежащія помѣщикамъ, съ обширными садами и рощами, а за ними темная за-Днѣпровская гора, подобная густому облаку, висящему на краю горизонта, ограничивали мое зрѣніе.

Въ задумчивости смотрѣлъ я то на заходящее солнце и бѣгущія сѣрыя облака — то на пустынную степь и поля, съ которыхъ весь хлѣбъ былъ уже собранъ — то на многочисленныя стада птицъ, съ томнымъ крикомъ отлетавшія въ теплыя полуденныя страны —

по на свѣтлый ручеекъ, который, извиваясь по равнинѣ между кустами дикихъ вишенъ, падалъ въ глубокой ровъ тонкими струями, и разсыпалъ, въ видѣ прозрачнаго бисера, мѣлкія капли свои по гладкой поверхности водоема; — слушалъ нѣжное воркованье голубей, уединенно сидѣвшихъ на старой часовнѣ; внималъ тихому шуму вечерняго вѣтра — и погрузился въ сладкое забвеніе.

Вдругъ послышался мнѣ печальной голосъ. Я оборотился. Человѣкъ, котораго платье не показывало ничего похожаго на бѣдность, а волосы покрыты были сѣдиною, проходилъ близь меня. Блѣдное, изсохшее лице, томные и впалые глаза обнаруживали душевную горесть его. Держа на рукахъ Болонскую собачку, дрожавшую отъ осенняго вѣтра, онъ шелъ тихо, и озираясь часто назадъ, изпускалъ тяжкіе вздохи. Бѣдный страдалецъ, примѣтивъ меня, остановился и съ горькою улыбкою сказалъ: „И ты тоскуешь, добрый человѣкъ! . . и ты бродишь одинъ! . . . . Я теперь былъ у нее. . . . . видѣлъ ли ты, какъ горько я плакалъ? . . . . . Я простилъ ее — и она простила меня. . . . Да покоится прахъ ея съ миромъ!“ . . . .

Я примѣтилъ, что губы его посинѣли, и всѣ мускулы въ лицѣ трепетали. Посмотрѣвъ въ ту сторону, гдѣ было кладбище, онъ опять взглянулъ на меня, и жалобнымъ голосомъ произнесъ: „Здѣсь, подъ тѣнью двухъ высокихъ тополей, она покоится; а прекрасная душа ея летаетъ тамъ — выше солнца и луны, въ обители праведныхъ . . . . Скоро ли, скоро ли увижусь съ нею?“ . . . Нечастный зарыдалъ, и скорыми шагами пошелъ къ селенію. Съ искреннимъ состраданіемъ въ душѣ я смотрѣлъ въ слѣдъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ скрылся изъ виду. Мое сердце вступилось за несчастнаго. „Онъ лишился любезнѣйшаго предмета — думалъ я: — тоска жестокая, подобная тяжкому бремени, тяготитъ его; чувство ненаградимой потери разстроило его разсудокъ. Ахъ! сколько есть горестей, отъ которыхъ никакая Философія изцѣлить не можетъ!“ Печальное воображеніе живо представило мнѣ всѣ бѣдствія, какимъ только слабый человѣкъ бываетъ подверженъ. Не довольно того, что страдаемъ отъ скорбей физическихъ, повреждающихъ наше здоровье и подавляющихъ душевныя способ-

ности; не довольно того, что терпимъ гоненіе отъ злобы и зависти, мучимся отъ страстей необузданныхъ, падаемъ подъ игомъ нищеты и презрѣнія; — даже и среди шумнаго веселія сердце ноетъ и терзается! Ахъ! часто опытъ увѣрялъ меня въ сей жестокой истинѣ; часто друзья и незнакомые слышали печальные мои вздохи, невольно изъ груди вырывавшіеся; часто видѣли слезы, орошавшія лице мое! Такая тоска была предчувствіемъ судьбы, ожидавшей меня въ будущемъ. Я перебиралъ въ мысляхъ все, что въ продолженіе краткаго бытія моего случилось со мною. Не имѣя еще понятія о томъ, что значитъ наслаждаться жизнію, я узналъ уже всю люютость злосчастія, всю горесть унынія; а удовольствія лишь показывались, и — вдругъ изчезали. Робкое сердце, оставленное въ юности самому себѣ, лишенное милыхъ предметовъ нѣжности, съ которыми могло бы цвѣсти и радоваться, безъ которыхъ вянетъ и сохнетъ — сердце мое привыкло даже при малѣйшихъ огорченіяхъ трепетать подобно беззащитной сиротѣ, приходящей въ ужасъ отъ суроваго взгляда людей, незнакомыхъ съ чувствительностію.

Печальныя мысли о жребіи земнородныхъ; закатывающееся солнце, котораго блѣдные лучи терялись во мракѣ древняго бора; унылый шумъ вѣтра, подобный стенаніямъ людей, оплакивающихъ безпріютное сиротство свое — все это столь сильно разстрогало меня, что я возвратился на ночлегъ съ сердцемъ, стѣсненнымъ отъ горести.

Хозяинъ съ радушіемъ встрѣтилъ меня у воротъ; извинялся, что во время моего пріѣзда отлучился въ ближнее селеніе; просилъ расположиться въ его домѣ, какъ въ своемъ собственномъ, и старался обласкать меня, какъ роднаго. Надобно признаться, что гостепріимство есть отличительное свойство добродушныхъ Малороссіянъ. Они принимаютъ неизвѣстнаго путешественника, какъ старинаго пріятеля, съ веселымъ лицемъ, съ ласковыми словами, съ отверстыми объятіями. Искренность ихъ при первомъ свиданіи, заботливость при услуживаніи страннику, утомленному отъ дальняго пути — часто приводили меня въ восхищеніе и заставляли забывать, что нахожусь не у ближнихъ родственниковъ. Хозяинъ ввелъ меня во внутренность домика. Почтенная супруга его разливала

чай. Не могу изобразить, сколько я удивился и даже обрадовался, нашедши тутъ же гонимаго судьбою. Онъ сидѣлъ за столикомъ, углубясь въ размышленіе; правою рукою переворачивалъ листы въ Библіи, а лѣвою гладилъ свою собачку. Лишь только увидѣлъ меня, всталъ и на поклонъ мой отвѣчалъ равною учтивостію. Казалось, сей страдалецъ не узналъ меня. Хозяинъ спрашивалъ меня о причинахъ, возбудившихъ во мнѣ охоту къ путешествію; хвалилъ добросердечіе соотечественниковъ своихъ, говорилъ о выгодахъ и удовольствіяхъ, находимыхъ имъ въ сей странѣ, изобильной и мирной.

Несчастливецъ между тѣмъ ходилъ по комнатѣ, потупивъ голову и не говоря ни слова. Между тѣмъ я разсказывалъ хозяину о превратностяхъ, случившихся въ судьбѣ моей. Старикъ, вслушавшись въ повѣствованіе о моихъ горестяхъ, и какъ бы отъ глубокаго сна пробудясь, быстро взглянулъ на меня, и спросилъ твердымъ, но не грубымъ голосомъ: „сколько тебѣ лѣтъ, добрый человѣкъ?“ — Осьмнадцатой годъ, любезный старикъ! — „Много еще горестей увидишь на свѣтѣ; много еще слезъ прольешь въ жизни; а я скоро буду спо-

коенъ. Пройдетъ одинъ годъ — не болѣе, и сердце мое перестанетъ обливаться кровію. Сего дня былъ я на кладбищѣ, и слышалъ голосъ изъ могилы, въ которой покоится милая моя Маша; этотъ Ангельской голосъ обрадовалъ меня увѣреніемъ, что черезъ годъ опустятъ меня въ сырую землю — и все мое горе кончится. Такъ ли, мой другъ?“ примолвилъ онъ, оборотясь къ хозяину и пожавъ его руку; потомъ съ улыбкою посмотрѣлъ на насъ, поклонился, запѣлъ стихъ изъ Псалма, и вышелъ.

„Жалко смотрѣть на него!“ сказалъ мнѣ хозяинъ: „болѣе года прошло, какъ онъ потерялъ разсудокъ. Мудрено, что до сихъ поръ переноситъ еще бремя жестокихъ горестей.“ Я изъявилъ желаніе узнать исторію жизни сего несчастливца. Хозяинъ охотно согласился удовольствовать мое любопытство, и началъ сими словами:

„А . . . болѣе двадцати лѣтъ извѣстенъ былъ между Московскими купцами, какъ человѣкъ прямодушный и основательный въ дѣлахъ своихъ. Посредствомъ знанія торговли, честности при продажѣ товаровъ купцамъ иногороднымъ, и безкорыстныхъ услугъ, оказан-

ныхъ покровителямъ и пріятелямъ своимъ, скоро пріобрѣлъ онъ почтеніе, любовь и богатство — три отличія, которыя рѣдко бываютъ вмѣстѣ. Казалось, счастіе водворилось въ его семействѣ. Имѣя отъ роду 55 лѣтъ, онъ наслаждался здоровьемъ, потому что всегда былъ дѣятеленъ и воздержанъ. Добрая жена, вѣрная подруга, дѣлившая съ нимъ и печали и радости — сынъ, котораго воспитаніе составляло главнѣйшій предметъ попеченія родителей, видѣвшихъ въ немъ плодъ любви своей, подпору старости — богатство, пріобрѣтенное трудами и доставлявшее ему способы жить для благополучія семьи своей и для вспомоществованія бѣднымъ — сіи дары милосердаго Промысла, дары, которыми рѣдкіе изъ рожденныхъ отъ женъ наслаждаются, умѣлъ онъ цѣнить выше всего на свѣтѣ. „Предъ Богомъ и передъ людьми могу сказать, что я и Царямъ не позавидую!“ — часто говаривалъ добродушный старикъ: — „не знаю, чѣмъ я заслужилъ милость Отца небеснаго!“

„Но кто не знаетъ, сколь превратно земное счастіе, и какъ часто обманываемся въ лестныхъ надеждахъ своихъ? И добрый старикъ испыталъ это надъ

собою. Жена его простудилась и слегла въ постелю. Ни старанія искусныхъ врачей, ни молитвы мужа, ни слезы сына — ничто не помогло: она закрыла глаза свои навѣки. Бѣдный вдовецъ едва не умеръ съ отчаянія; долго оплакивалъ кончину любезной подруги своей; долго не могъ забыть милой жены, съ которою болѣе двадцати пяти лѣтъ жилъ въ любви и согласіи. Наконецъ время, самое дѣйствительное лѣкарство отъ болѣзней душевныхъ, облегчило тоску его. Прошло три года; старикъ, наскучивъ одиночествомъ, вздумалъ жениться — для возстановленія порядка въ домѣ. По крайней мѣрѣ такъ говорилъ онъ друзьямъ и знакомымъ. Его намѣреніе скоро исполнилось. Молодая осьмнадцатилѣтняя дѣвушка разогрѣла почти застывшую кровь его — и вдовецъ женился. Пріятныя черты лица, скромные взоры стыдливости, томность и печаль, свойственныя сиротѣ безпріютной, робость и застѣнчивость, приличныя угнетенной невинности, незнаніе свѣтскихъ шумныхъ забавъ, почтительность къ старшимъ, привязанность къ благодѣтелямъ — кого не расположили бы въ ея пользу? Простодушный вдовецъ не могъ

противиться очарованїю юныхъ прелестей, покорился любви, воспылавшей въ груди его — и соединилъ судьбу свою съ Ангеломъ. Иначе онъ не называлъ ее — въ первые дни послѣ брака.

„Новая хозяйка начала вводить новости въ домѣ. Тихая обитель умѣренности превратилась въ шумное жилище роскоши. Бывало, пять или шесть вкусныхъ блюдъ, приготовленныхъ кухаркою, составляли обыкновенный обѣдъ старика; — при новой хозяйкѣ хитрый Французъ началъ изтощать искуство свое для оживленїя вкуса новаго Лукулла, для угожденїя супругѣ его, изнѣженной и прихотливой. Бывало, степенный купецъ любилъ проводить вечернее время въ разговорахъ со старинными пріятелями; сидя въ комнатѣ, чисто прибранной, съ чашкою чаю или со стаканомъ пуншу въ рукѣ, разсказывалъ объ успѣхахъ и неудачахъ своихъ въ дѣлахъ торговыхъ, шутилъ и веселился съ ними; — при новой хозяйкѣ явились щегольскїя мебели, фарфоровые и серебреные сервизы; на пышномъ диванѣ, къ которому бѣдный старикъ почти не смѣлъ прислониться, покоились молодые вѣтреники, утомившїеся отъ танцовъ, и пили

прохладительные напитки, какими только сластолюбіе пресыщаться можетъ. Бывало, старинный хлѣбосолъ обѣдывалъ въ годовые праздники, имянины и крестины съ друзьями, знакомцами и даже съ прикащиками, а во время святокъ приглашалъ къ себѣ сосѣдей съ дочерьми ихъ, которыя играли въ жмурки, кружились и пѣли подблюдныя пѣсни; отцы и матери, глядя на нихъ, радовались; а хозяинъ веселился, доставляя удовольствіе гостямъ своимъ; — при новой хозяйкѣ загремѣла огромная музыка для забавы льстецовъ, прославлявшихъ ея прелести, и подлипалъ, удивлявшихся ея вкусу — людей празднолюбивыхъ и легкомысленныхъ, между которыми добрый старикъ былъ совершенно лишній.

„Скоро Л... примѣтилъ, что чрезмѣрные расходы начали превышать доходы его. Хотя онъ считалъ себя счастливымъ, имѣя прекрасную жену; но боязнь, чтобы не прожить все имѣніе, безпокоила его день и ночь. Хотѣлось бы ему видѣть супругу свою скромною и бережливою, похожею на покойную его Софью, умную и трудолюбивую хозяйку; хотѣлось бы напомнить ей, что честь должна быть дороже и любезнѣе чув-

ственныхъ удовольствій; но мысль, что милая супруга можетъ оскорбиться и почесть дружескіе совѣты колкими упреками, заставила бѣднаго старика быть скромнымъ. Не смѣя сказать дражайшей половинѣ своей, что недостанетъ у него имѣнія на ея прихоти, онъ только изъявилъ сожалѣніе, что ея здоровье можетъ разстроиться отъ частыхъ баловъ и ночей, безъ сна проводимыхъ, а доброе имя можетъ пострадать отъ безмозглыхъ вѣтрениковъ, съ утра до вечера толпящихся въ его домѣ. Чтожъ? подѣйствовало ли дружеское предостереженіе? Дражайшая вздохнула, задумалась и залилась слезами. Старикъ, оробѣвшій и встревоженный ея горестію, бросился на колѣни, цѣловалъ ея руки, просилъ прощенія и говорилъ: „буду жить для тебя одной; ничего не пожалѣю для твоего удовольствія.“ Наконецъ красавица улыбнулась — и посѣдѣвшій младенецъ успокоился. Онъ чувствовалъ, сколь велико разстояніе между двадцатью и шестидесятью годами; видѣлъ дряхлость свою и ея прелести — и рѣшился снова угождать ей исполненіемъ всѣхъ затѣйливыхъ ея прихотей.

„Протекло пять лѣтъ. Разходы день отто дня увеличивались, а доходы уменьшались. Хозяинъ становился слабѣе и лѣнивѣе; прикащики начали пользоваться оплошностью его, и думали только о своихъ выгодахъ. Шелковыя фабрики пришли въ упадокъ. Остались одни доходы, получаемые съ капитала; но и сего послѣдняго пособія недоставало на непомѣрныя издержки. „Пущусь еще въ одно предпріятіе — говорилъ старикъ: — счастье помогаетъ смѣлымъ людямъ. Удастся получить выигрышъ и вознаградить потерянное — милая жена похвалитъ предпріимчивость мою, будетъ любить меня съ большею нѣжностію.“

„Не откладывая вдаль намѣренія своего, сѣдой Л . . . . является къ торгу, чтобы снять на себя питейный откупъ въ одной изъ отдаленныхъ Губерній. Въ это время вышелъ изъ пансіона сынъ его, умной и любезной юноша. „Батюшка!“ — сказалъ онъ ему: — „здоровье ваше день отто дня слабѣетъ, силы приходятъ въ изнеможеніе; кто же будетъ управлять вашими откупами? Естьли надежда обманетъ васъ, то мы навсегда пропали. Оставьте свое предпріятіе; не изнуряйте себя

лишними безпокойствами.“ — Подъ лежачій камень и вода не течетъ, другъ мой! нужно поправить разстроенное наше состоянїе; иначе, впадемъ въ долги неоплатные. — „Станемъ жить умѣреннѣе и бережливѣе.“ — Молодой Л... отсовѣтывалъ; мачиха его склоняла старика взять откупъ. Первый предвидѣлъ опасности, послѣдняя — одну прибыль. Малодушный старикъ, угождая женѣ своей, не уважилъ сыновнихъ убѣжденїй — и дѣло кончилось по желанїю любезнѣйшей.

„Съ сего времени мачиха возненавидѣла пасынка. Изнѣженная рабскою услужливостью мужа своего, она не терпѣла ни отъ кого противорѣчїя. Совѣты молодаго человѣка, несогласныя съ желанїями молодой вѣтреницы, могли имѣть слѣдствїемъ своимъ уменьшенїе удовольствїй ея. Она проникла его намѣренїе — и злоба закипѣла въ ея сердцѣ.

„Молодой Л... часто напоминалъ отцу о слабостяхъ мачихи; старикъ пускалъ все мимо ушей, или, не говоря ни слова, качалъ головою. Первый часто намекалъ послѣднему о соблазнительномъ обращенїи ея съ сїятельнымъ вертопрахомъ; старикъ, казалось, открывалъ глаза и приходилъ въ негодо-

ваніе; но черезъ часъ любовь снова ослѣпляла его — и бѣдный сынъ оставался въ проигрышѣ, и втайнѣ оплакивалъ заблужденіе родителя. Случалось иногда, что нескромный Л . . ., упоенный страстію, пересказывалъ женѣ своей объ отзывахъ, слышанныхъ отъ сына, оскорбительныхъ для ея чести. Вѣтреница притворялась спокойною, презирающею злословіе — и между тѣмъ таила въ душѣ злой умыселъ противъ пасынка.

„Батюшка! — сказалъ однажды молодой человѣкъ отцу своему при мачихѣ — не намѣрены ли вы сами ѣхать въ Херс... для управленія откупомъ?“ — Нѣтъ, другъ мой! мать не хочетъ пускаться въ дальній путь; а безъ нее и золотыя горы мнѣ не дороги. — „Естьли позволите, съ охотою приму на себя хлопоты по дѣламъ вашимъ.“ — *Мачиха* (обратясь къ старику). Онъ еще молодъ, не знаетъ торговыхъ оборотовъ. . . . *Молодой Л.* . . . По крайней мѣрѣ буду вѣрнѣе и старательнѣе всякаго наемщика. *Мачиха.* Не льзя вѣрить этому. На свободѣ, въ удаленіи отъ надзора родительскаго, долго ли молодому человѣку испортиться? *Молодой Л.* . . Батюшка знаетъ меня, и смѣло можетъ положиться

на мое усердіе. *Мачиха.* Легко станется, что, познакомясь съ вѣтрениками, ты не пожалѣешь ни здоровья, ни денегъ, для доставленія себѣ удовольствій. *Молодой Л. . . .* Вы жестоко меня обижаете. Кто получилъ доброе воспитаніе, тому честь кажется драгоцѣнностію, превышающею всѣ сокровища свѣта, тотъ умѣетъ управлять собою. *Отецъ.* Перестань умничать, сынъ мой! молодой разсудокъ не надеженъ; у кого нѣтъ ни уса, ни бороды, на того не льзя еще положиться.“ — И бѣдный сынъ принужденъ былъ замолчать.

„Мачиха нашла услужливаго и проворнаго коммисіонера. Старикъ, не входя въ дальнія изслѣдованія, съ полною довѣренностію препоручилъ ему дѣла свои. Между тѣмъ досада на пасынка не давала покою злой мачихѣ. „Этотъ человѣкъ, такъ много мечтающій о своихъ достоинствахъ, поклялся противорѣчить моимъ желаніямъ, ограничивать мою волю; но я скоро заставлю его раскаяваться въ дерзости. Не потерплю, чтобъ онъ жилъ въ одномъ домѣ со мною. Старикъ мягкосердеченъ, любитъ сына съ нѣжностію; рано или поздно послушается совѣтовъ его, и почувствуетъ свое ослѣпле-

ніе. Что будетъ со мною, естьли желаніе сего негодяя, очернить меня передъ легковѣрнымъ отцомъ своимъ, исполнится? Нечего мѣшкать: надобно сбыть его съ рукъ, во что бы то ни стало.“ Такъ размышляла мстительная женщина, и рѣшилась погубить невиннаго.

„Старикъ въ самомъ дѣлѣ горячо любилъ сына, единственную отрасль своей фамиліи, портретъ покойной жены, о которой часто воспоминалъ съ сожалѣніемъ. Видя несогласіе между имъ и мачихою его, и не находя средствъ ко примиренію ихъ, сокрушался въ душѣ своей. Но какъ онъ удивился, когда увидѣлъ, что мачиха вдругъ сдѣлалась отмѣнно ласковою и услужливою, начала заботиться о пасынкѣ, какъ о своемъ сынѣ! Толь неожидаемая перемѣна обрадовала отеческое сердце. Молодой Л... умѣлъ чувствовать благосклонность мачихи, и старался доказывать благодарность свою угожденіями, покорностью и почтеніемъ. Около года миръ и согласіе царствовали въ атомъ семействѣ. Всякой занимался своимъ дѣломъ — и былъ доволенъ: вѣтреница по прежнему веселилась на балахъ; супругъ ея считалъ доходы отъ питейныхъ сборовъ, а сынъ его зани-

мался упражненіями, благовоспитанному юношѣ свойственными. Бѣдный старикъ не предвидѣлъ грозной бури, собиравшейся надъ сѣдою головою его; бѣдный молодой человѣкъ не воображалъ, до какой степени ненависть раздраженной женщины простираться можетъ.

„Л... вставалъ иногда рано, занимался коммерческими дѣлами, или писалъ къ прикащикамъ; а дражайшая его нѣжилась до полудня на мягкихъ пуховикахъ. Въ одно утро, когда онъ пересматривалъ счеты, присланные отъ коммисіонера, вдругъ вбѣгаетъ къ нему жена его, блѣдная, растрепанная, внѣ себя отъ горести и гнѣва. Старикъ оцѣпенѣлъ. „Что съ тобою сдѣлалось, моя милая?“ спросилъ онъ ее дрожащимъ голосомъ. — „Твой сынъ .... ехидна породила его!... твой недостойный сынъ — не могу собраться съ силами — злодѣй хотѣлъ обезчестить меня .... стыдъ и смятеніе связываютъ языкъ мой“ ... сказала, и повергласъ въ объятія старика, пораженнаго ужасомъ.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.*)

ІЮНЬ.

XII.

ВОЛЬТЕРЪ къ ЖАНЪ-ЖАКУ РУССО.

Я получилъ новую книгу вашу (*), почтенный и любезный Руссо! — и благодарю за подарокъ. Симъ сочиненіемъ вы объявляете войну человѣческому роду: не правда ли? Вы надѣялись угодить людямъ, которые охотно читаютъ все странное и рѣдкое; но — повѣрьте мнѣ — это никогда не сбудется; вы хотѣли исправить нѣкоторые безпорядки, вкравшіеся въ общество — хотѣли вылѣчить отъ предразсудковъ и уменьшить число заблужденій; но это такъ же легко, какъ передвинуть гору съ одного мѣста на другое. Ваша кисть изобразила самыми яркими красками ужасы общежитія; а наша слабость и невѣжество привыкли почерпать изъ сего источника отраду въ скукѣ, облегченіе въ горестяхъ. Желаніе, сдѣлать насъ подобными скотамъ, заставило васъ блеснуть умомъ своимъ. Кажется, всякой, читая сочиненіе ваше, захочетъ

(*) О Неравенствѣ состояній между людьми.

ходить на четвереньках. Жаль, что мнѣ минуло уже шестьдесятъ лѣтъ; естьли бы я не устарѣлъ, непремѣнно попытался бы сдѣлать это. Чувствую къ несчастїю, что я опоздалъ знакомиться съ сею натуральною походкою; оставляю ее для тѣхъ, которые имѣютъ большее право на сїе отличїе, нежели вы и я. Не могу также собраться съ силами, чтобы, переплывъ бурное море, повидаться съ дикими, живущими въ Канадѣ. Болѣзни, которыя ни на шагъ отъ меня не отходятъ, приковали меня къ Фернейской пустынѣ. Искуснѣйшїй Медикъ въ Европѣ вливаетъ въ меня декокты и микстуры — и божится, что я выздоровѣю. Умно ли будетъ, оставивъ такого цѣлителя немощей, искать врачебныхъ пособїй у народовъ, кочующихъ на берегахъ рѣки Миссури? Сверхъ того въ тамошней сторонѣ пламя войны свирѣпствуетъ. Дикїе, не послѣднїя обезьяны въ своемъ родѣ, научившїяся перенимать многое у Европейцевъ, не уступаютъ уже имъ ни въ злости, ни въ мастерствѣ истреблять родъ человѣческой. Ничего больше не желаю, какъ только слышть миролюбивымъ дикаремъ, и кончить вѣкъ свой въ уединенїи, избранномъ мною

близъ вашего отечества, гдѣ всѣ любятъ васъ за доброту сердца и уважаютъ за таланты ума.

Согласно съ вами думаю, что искусства и науки часто производили великое зло въ общежитіи, превращались въ бичь для тѣхъ, которые предпочитали ихъ почестямъ и богатству. Стихотворецъ Тассъ терпѣлъ бѣдность и страдалъ подъ игомъ горестей. Непріятели Галилея, которому было уже около семидесяти лѣтъ — гонители мудреца, узнавшаго движеніе земли, лишили его свободы, заключили въ темницу и — что всего постыднѣе — принудили отречься отъ своихъ мнѣній. Вы знаете, какія ужасныя гоненія испытали и друзья ваши, когда начали заниматься Энциклопедіею — сочиненіемъ, столь же обширнымъ, какъ и полезнымъ.

Естьли бы я осмѣлился помѣстить себя въ число ревностныхъ поклонниковъ Минервы, то порые за неусыпные труды свои, съ добрымъ намѣреніемъ подъятые, вмѣсто похвалы и награды, навлекли на себя ненависть и злобу; то именовалъ бы людей, знатныхъ и низкихъ,

съ мечемъ и кадиломъ въ рукахъ — людей, поклявшихся погубить меня въ тотъ самой день, когда назначено было играть въ первой разъ Эдипа. Хотите прочесть все, написанное противъ меня клеветниками? сообщу вамъ огромную кипу язвительныхъ сатиръ и пасквилей. Могъ бы я изобразить вамъ неблагодарность, коварство и грабительство, которыми очернило себя сонмище невѣждъ, злившихся на меня цѣлые 40 лѣтъ; невѣждъ, которые считали меня извергомъ Природы, преслѣдовали до подножія Альпійскихъ горъ и — вѣроятно — не дадутъ покою до тѣхъ поръ, пока не скроюсь отъ нихъ туда, гдѣ не боятся тигровъ въ человѣческомъ видѣ — пока не опустятъ меня въ землю; могъ бы описать вамъ съ головы до ногъ явныхъ и тайныхъ непріятелей учености; но облегчу ли чрезъ то судьбу любителей просвѣщенія? Жалобы не уменьшаютъ горестей; роптанія не вливаютъ отрады въ оскорбленное сердце. Попъ, Декартъ, Бель, Камоэнсъ и многіе другіе испытали на себѣ гораздо большія несчастія отъ ненавистниковъ здраваго разсудка. Видно, такая участь опредѣлена всѣмъ труженикамъ, упражняющимся въ наукахъ.

Признайтесь, что общество не чувствуетъ ни малѣйшей боли отъ ударовъ, наносимыхъ частнымъ людямъ. Какая нужда человѣческому роду до того, что лѣнивые шмели похищаютъ медъ у пчелъ трудолюбивыхъ? Сколько бы Ученые ни жаловались на гоненіе ощъ невѣждъ; сколько бы ни шумѣли, стараясь возбудить общее негодованіе противъ мѣлкихъ умовъ и низкихъ душъ — все тщетно: или не слушаютъ ихъ, или смѣются надъ ними.

Сіи горести суть легчайшія изъ всѣхъ, обременяющихъ жизнь человѣческую. Терны, уязвляющіе Словесность, кажутся цвѣтами въ сравненіи съ другими несчастіями, отъ которыхъ бѣдные дѣти Адамовы во всѣ времена страдали. Цицеронъ, Варронъ, Лукреціи, Виргилій и Горацій посылали ли кого нибудь въ заточеніе, осуждали ли на смертную казнь? Марій былъ сущій невѣжда — и угнеталъ слабыхъ. Жестокій Силла, невоздержный Антоній и малодушный Лепидъ не читывали ни Платона, ни Софокла — и свирѣпствовали, какъ дикіе звѣри. Что касается до Октавія Цепія, подлыми льстецами наименованнаго

Августомъ, то сей робкой тиранъ сдѣлался гнуснымъ убійцею послѣ того времени, когда пересталъ пользоваться бесѣдою съ Учеными мужами.

Согласитесь со мною, что ни Петраркъ, ни Бокасъ не были виновниками ужасныхъ смятенїй, случившихся въ Италїи. Маротовы ли шутки произвели кровопролитїе, въ Варѳоломеевскую ночь совершившееся? Трагедїя ли *Цидъ* причинила мятежъ въ народѣ? Нѣтъ! одни невѣжды всегда были злодѣями; одни враги наукъ были врагами человѣческаго рода. Отъ чего сей мїръ кажется и всегда будетъ казаться юдолїю плача? Отъ необузданной гордости честолюбцевъ, гонителей просвѣщенїя. Всѣ — начиная отъ Тахмаса Кули-Хана, не умѣвшаго читать, до таможеннаго пристава, котораго все искуство состоитъ въ томъ, чтобы сбирать пошлину, считать деньги и туго набивать свои карманы — всѣ были виновниками несчастїй, постигнувшихъ цѣлыя Государства или семейства.

Науки питаютъ душу, утѣшаютъ въ горестяхъ, смягчаютъ грубые нравы, изкореняютъ предразсудки. Сїи самыя науки снабжали и васъ благодатными пособїями своими въ то время, когда вы

опровергали пользу, отъ нихъ происходящую. Позвольте сравнить васъ съ Ахиллесомъ, который, объявивъ себя гонителемъ славы, пріобрѣлъ громкую *славу* — или съ Отцемъ Мальбраншемъ, котораго воображеніе произвело прекрасное сочиненіе противъ *воображенія*.

Болѣе всѣхъ, кажется, имѣю право жаловаться на несчастія, которыя терплю изъ любви къ наукамъ. Во всякое время и во всѣхъ мѣстахъ я переносилъ огорченія отъ зависти, насмѣшки отъ невѣжества, гоненіе отъ злобы. Вся вина моя состояла въ томъ, что я старался о разпространеніи просвѣщенія. Надобно любить науки, почтенный Руссо! вопреки злоупотребленіямъ, какія изъ нихъ дѣлаютъ. Не должны ли мы любить общество, не смотря на то, что злые люди отправляютъ удовольствія, находимыя въ ономъ? не должны ли любить Отечество, не взирая на несправедливости и оскорбленія, тамъ встрѣчающіяся съ нами?

30 го *Августа*, 1755 *года*.

(*Изъ Bibliothèque des Ecrivains François.*)

XIII.

ВЕЛИКОДУШІЕ.

Анекдотъ.

Въ Татаріи жилъ нѣкогда остроумный и любезный Стихотворецъ. Всѣ уважали дарованія его, плѣнялись сочиненіями, но никто не хотѣлъ помочь ему въ бѣдности. Доведенный до крайней нищеты, нѣсколько разъ онъ покушался прекратить жизнь свою; но сколько робость, столько же и Философія удерживала его руку. Онъ возторжествовалъ надъ искушеніемъ, которому — правду сказать — рѣдкіе изъ Поэтовъ не умѣютъ противиться. Слухъ о щедрости Хана Оглая, Китайскаго Государя, дошелъ до него — и лучь надежды блеснулъ въ душѣ, помраченной унынiемъ. Бѣдный Делагъ — такъ назывался Поэтъ — вознамѣрился перейти песчаныя степи и крутыя горы, повергнуться къ стопамъ великодушнаго Оглая, и выпросить у него по крайней мѣрѣ 500 золотыхъ монетъ, чтобы разплатиться съ жестокосердымъ заимодавцемъ. Делагъ пустился въ дорогу. Никакія препятствія не сильны были остановить его.

Пришедши въ Китай, является въ нищенскомъ рубищѣ предъ лице добродушнаго Монарха. Оглай принимаетъ его съ лаской, слушаетъ съ удовольствїемъ. Поэтъ, желая воспользоваться благопрїятнымъ случаемъ, изтощилъ все витїйство, объяснилъ свои нужды и возбудилъ состраданїе въ чувствительномъ Ханѣ.

На другой же день первый Министръ получилъ повелѣнїе выдать Стихотворцу *тысячу* золотыхъ монетъ. „Ваше Величество!“ вскричалъ удивленный вельможа: „не ошиблись ли вы, назначивъ нищему толь великую сумму? Не спорю, что Делагъ уменъ и краснорѣчивъ; но тысяча золотыхъ монетъ стоитъ дороже тысячи Поэтовъ. На эти деньги можно купить всѣ стихотворенїя, какїя только со временъ великаго Конфуцїя вышли въ обширнѣйшемъ Государствѣ вашемъ.“ — Нѣтъ въ тебѣ ни жалости, ни человѣколюбїя! сказалъ Оглай съ негодованїемъ: мнѣ предлежитъ вѣдать, что я долженъ и что могу дѣлать. Поздно уже тебѣ учить меня. Знаешь ли, въ какомъ жалкомъ состоянїи находится Делагъ, гонимый судьбою? знаешь ли, что онъ, наслышавшись о благотвори-

нельности моей, пришелъ изъ отдаленной земли, терпѣлъ нужду и голодъ, для того только, чтобъ увидѣться со мною? Не стыдно ли тебѣ желать, чтобъ я отпустилъ его только съ пятью стами монетъ, которыя онъ заплатить долженъ? Возвращаясь въ отечество, гдѣ онъ возьметъ денегъ для доставленія себѣ потребностей, необходимыхъ во время дороги? Расплатившись съ неумолимымъ заимодавцемъ, можетъ ли жить спокойно, не опасаясь скудости, и съ веселымъ духомъ заниматься учеными трудами, имѣющими въ виду просвѣщеніе современниковъ и пользу потомковъ? Не погаснетъ ли геній его, естьли откажусь подать ему руку помощи? — „Почитаю Делага великимъ человѣкомъ — примолвилъ Министръ: — но не могу скрыть, что ненавижу его и почитаю недостойнымъ милостей вашихъ. Этотъ Стихотворецъ, узнавъ, сколь мало я расположенъ былъ ходатайствовать за него у Вашего Величества, написалъ на меня ѣдкую сатиру.“

Оглай, наморщивъ чело свое, произнесъ рѣшительнымъ голосомъ: „Жестокость твоя вывела изъ терпѣнія бѣднаго Поэта;

ты виноватъ, и непремѣнно долженъ загладить свой проступокъ. Сперва выдай Делагу тысячу монетъ изъ казны моей, а потомъ отсчитай ему столько же изъ кошелька своего. Строгое наказанїе постигнетъ тебя, естьли не исполнишь моей воли. Пусть этотъ честный человѣкъ, возвратясь на родину, разсказываетъ землякамъ своимъ, что есть еще на землѣ добрые и сострадательные люди; пусть благодаритъ Бога за то, что въ Китаѣ нашелся Государь справедливый, другъ человѣчества и покровитель дарованїй — Государь, который не только не позволяетъ Министрамъ управлять собою, но приводитъ ихъ въ раскаянїе, какъ скоро они забудутъ обязанности, на нихъ возложенныя."

(*Изъ Journal des Dames et des Modes.*)

XIV.

СТАРИКЪ и ДѢТИ,

или

Источникъ дружбы.

Престарѣлый Клиніасъ сидѣлъ на покатомъ холмѣ. Волосы его, посѣдѣвшіе отъ старости, возбуждали почтеніе. Свѣтлое лицо показывало спокойствіе души, вѣрной законамъ добродѣтели; тишина, царствовавшая въ Природѣ, обитала въ его сердцѣ. „Естьли румяное утро жизни — говорилъ онъ — изображаетъ плѣнительную картину, то тихій вечеръ не представляетъ ли величественнѣйшаго зрѣлища? Солнце при захожденіи своемъ не изливаетъ ли столь же кроткаго сіянія, какъ и при восхожденіи? Достигши до предѣловъ горизонта, оно разгоняетъ бурныя облака, скопившіяся отъ полуденнаго зною; лучи его, почти уже сокрывшіеся, разписываютъ еще западъ яркими красками. Такъ благотворительный человѣкъ, другъ Природы и совѣсти, приближаясь къ концу жизни, переходитъ въ другой совершеннѣйшій міръ. Слава добродѣтелей его процвѣ-

таетъ между людьми и тогда, когда безсмертный духъ, сложивъ съ себя тлѣнную одежду, воспаритъ въ горнія селенія праведныхъ.“

Клинѣасъ, занявшись сими размышленіями, удивлялся красотамъ величественной Природы, и улыбался, взирая на зеленѣющія равнины и тѣнистые лѣсочки, съ которыми вскорѣ долженъ былъ навсегда разстаться. Вдругъ, не въ дальнемъ отъ себя разстояніи, увидѣлъ онъ двухъ прекрасныхъ мальчиковъ. Удивленіе и печаль примѣтны были на лицахъ ихъ. Старикъ имѣлъ чувствительное сердце, а особливо любилъ счастливыя лѣта невинности, которыя нѣсколько изображаютъ безпечную старость, какъ вечерняя заря представляетъ подобіе раждающейся зари утренней. Клинѣасъ всталъ и, опираясь на посохъ, подошелъ къ миловиднымъ малюткамъ. „Чему вы удивляетесь, и о чемъ горюете, милыя дѣти?“ спросилъ онъ ихъ.

„Прошлою весною — отвѣчалъ одинъ изъ мальчиковъ — изъ этой утесистой скалы, покрытой зеленымъ мхомъ, вытекалъ прозрачной источникъ. Журчащія

струи его стремились въ обширной водоемъ, окруженный кустарникомъ и цвѣтущею муравою. Взирая на него, мы чувствовали радость и удивленіе — и назвали его *источникомъ дружбы*. Гиласъ, котораго видите передъ собою, съ самаго младенчества полюбилъ меня — и я не могу жить безъ него. Дружба соединила насъ нѣжными узами. Здѣсь мы поклялись жить для взаимнаго счастія. Теперь, когда лѣтній зной проницаетъ во глубину земли, мы пришли сюда насладиться прохладою быстраго источника и освѣжиться въ водоемѣ; но, увы! прекрасной источникъ изчезъ; въ водоемѣ нѣтъ ничего, кромѣ кучи горячаго песку; трава, лишенная животворной влаги, пожелтѣла. Не грустно ли видѣть, что въ толь короткое время изсякъ *источникъ дружбы*?“

„Любезныя дѣти! — сказалъ Клинѣасъ: — вы поступили какъ чувствительные, но неопытные люди, которые вступаютъ въ дружескія связи, не разсмотрѣвъ, достойны ли тѣ, кого называютъ *друзьями*, сего священнаго имени. Удивленные величественнымъ шумомъ кипящаго водопада, восхищенные

пѣнїемъ птицъ, свившихъ себѣ гнѣзда въ ближнемъ лѣсочкѣ, упоенные сладостнымъ запахомъ разцвѣтшихъ розмариновъ, насажденныхъ щедрою рукою Природы вокругъ сего обманчиваго источника, вы смотрѣли съ радостью на гордыя струи его, и хотѣли, чтобъ онъ принялъ участїе въ дружбѣ вашей. Недальновидные взоры ваши не могли примѣтить ручейка, которой вытекаетъ не изъ вершины, но изъ подножїя скалы, плющемъ увѣнчанной. Взгляните сюда: онъ течетъ безъ шуму — и воды его не высыхаютъ отъ палящихъ лучей знойнаго лѣта. Водопадъ — вѣрное изображенїе невѣрныхъ друзей — произвелъ въ васъ лестную надежду, но не могъ исполнить ее въ то время, когда вы почувствовали нужду въ его благодѣянїяхъ. Любезныя дѣти! подите за мною къ тихому ручейку, на которой, можетъ быть, вы не хотѣли обратить вниманїя; онъ течетъ между корнями деревъ, которыхъ густыя вѣтьви разпространяютъ тѣнь и прохладу на уединенныхъ берегахъ его; извивается подъ сводомъ кустарниковъ, и тамъ, среди долины, составляетъ прудикъ, котораго вода не уступаетъ въ чистотѣ кристаллу. Всякой вечеръ

ры можете въ немъ купаться, и всегда найдете его свѣтлымъ и прохладнымъ. Милыя творенія! назовите сей ручеекъ *источникомъ дружбы.*“

Клинїасъ привелъ дѣтей къ подножїю скалы, и показалъ источникъ, окруженной густымъ кустарникомъ. „Любите другъ друга — примолвилъ старикъ: — не разставайтесь до тѣхъ поръ, пока чистая вода будетъ въ немъ струиться; чаще приходите сюда и — когда смерть закроетъ глаза мои — вспомните иногда о томъ, кто привелъ васъ къ сему источнику.“

Дѣти слушали со вниманїемъ. Сердечное умиленїе блистало въ очахъ ихъ. Дафнисъ, смотря на своего друга Гиласа, сказалъ ему: „Будемъ любить другъ друга, пока не перестанутъ литься сїи тихїя воды. Естьли забудемъ когда нибудь добраго Клинїаса, то пусть изсякнутъ прохладныя струи сего источника.

Съ Франц. — К — на К — На Ш — ая.

XV.

ИСТОРІЯ НАРКИСА.

Все спокойно было въ Римѣ: Наркисъ правилъ Италіею — Наркисъ, великій изъ мужей, или лучше сказать, изъ евнуховъ — Политикъ, столько же властолюбивый, и почти столько же мудрый, какъ Маркъ-Аврелій. — Италія досталась ему по праву побѣды. Юстиніанъ, въ награду избавителя Римлянъ, воцарилъ его надъ достояніемъ побѣжденнаго Тотиллы.

Евнухъ былъ въ связи съ Папою Іоанномъ III — болѣе по привычкѣ, нежели по дружбѣ. Однажды, сошедшись въ Капитоліи, имѣли они слѣдующій разговоръ:

Наркисъ.

Не могу равнодушно войти въ Капитолію, иначе сказать, въ театръ величайшихъ и необыкновенныхъ переворотовъ! . . . Кто бы подумалъ, за нѣсколько вѣковъ, что жрецы Юпитеровы уступятъ нѣкогда мѣсто свое Папѣ? Ожидали ль во время Августа, что какой нибудь евнухъ Персидской, купленный

яко невольникъ, будетъ предписывать гражданамъ Рима свои законы? Самъ я воображалъ ли наслѣдовать престолъ Ромуловъ и Траяновъ? . . .

Пала.

Человѣкъ, одаренный великими талантами, всего можетъ ожидать, когда современники не стоютъ его! Тѣмъ лучше для человѣчества, ежели умные люди могутъ вознаграждать несправедливость случая. Наркисъ! какая нужда Риму, что покровитель его — *полу-мущина*? Не все ли сдѣлала для тебя Натура, назначивъ евнуха быть побѣдителемъ Тотиллы и соперникомъ Велизарія?

Наркисъ.

Что ты мнѣ говоришь о Натурѣ? Два дни могъ я благодарить ее — и шестьдесятъ лѣтъ слышу, что люди произносятъ имя ея только для посрамленія! — Послушай, Первосвященникъ! мы здѣсь одни. Могила разверзается подъ ногами моими . . . . не хочу больше притворяться. Скоро кончу блестящую роль, которую игралъ въ Европѣ: ты долженъ узнать Наркиса короче. Пускай станешь меня уважать меньше; за то научишься судить лучше.

П а л а.

Наркисъ! всегда буду любить тебя. Довольно ли выражаетъ слово *всегда* постоянство моей дружбы?

Н а р к и с ъ.

Дружбы! . . Не уже ли ты думалъ, что евнухъ способенъ питать это благородное чувство? Тринадцать лѣтъ я былъ привязанъ къ тебѣ — по нуждѣ, по привычкѣ, изъ одной корысти. Твое состоянїе также укрѣпляло нашу связь, начавшуюся изъ Политики. Меня лишилъ сладчайшаго чувства отецъ жестокосердый; тебя — худо понимаемая Религїя. Первосвященнику Іоанну недостаетъ, для ближайшаго сходства съ Наркисомъ, только того, чтобъ и онъ также проклиналъ родъ человѣческой!..

П а л а.

И ты можешь проклинать людей, простертыхъ къ ногамъ твоимъ? . . Ахъ, Наркисъ!

Н а р к и с ъ.

Выслушай, и будь справедливъ. — Я родился между людьми, непрїязненными Римлянамъ. Персїанинъ — называвшїйся моимъ отцемъ — въ угожденїе мачихѣ, превратилъ меня въ полу-чело-

вѣка, и продалъ Государю на службу при его Серали. Мнѣ минуло тогда четырнадцать лѣтъ. Я любилъ — и былъ любимъ. Въ ту самую ночь, когда надѣялся быть счастливъ — убїйцы, подговоренные моимъ отцемъ, совлекли меня съ брачнаго ложа — и произвели адское свое дѣйствїе. Не знаю, какъ я не умертвилъ себя отъ ярости и бѣшенства! Какъ бы то ни было, я пережилъ операцїю и — отчаянїе!

Когда умолкли страсти, и я могъ уже размышлять о своемъ состоянїи, тогда новой свѣтъ для меня открылся. Считая себя чуждымъ отечеству, которое не входитъ ни въ какїя обязательства съ невольниками — видя въ лицѣ начальниковъ моего семейства гнусныхъ тирановъ — наконецъ отдѣленный отъ общежитїя бездною неизмѣримою — я рѣшился питать вѣчную ненависть къ людямъ и — жить только для себя.

Натура одарила меня нѣкоторыми талантами. Безчеловѣчная операцїя имѣла и на нихъ пагубное вліянїе; но я призвалъ къ себѣ въ помощь — хитрость и коварство. — Увѣренъ бывъ, что люди обыкновенные, подобно кукламъ механическимъ, ожидаютъ только посторон-

няго впечатлѣнія, чтобы начать дѣйствовать, съ великимъ раченіемъ разбиралъ я всѣ пружины, которыми движется политическое тѣло; особливо разсматривалъ женщинъ съ фонаремъ Діогеновымъ — и признаюсь, не безъ пользы употребилъ на испытаніе женскаго пола время, которое мущины обыкновенно тратятъ на любовь! . . .

Съ тѣхъ поръ, какъ между моими чувствами и душою положили преграду, воображеніе, незанятое женщинами, обратилось къ честолюбію. Лестно казалось для евнуха повелѣвать существами, которыхъ самъ не стоилъ. Я восходилъ къ чинамъ посредствомъ женщинъ, мною впрочемъ ненавидимыхъ; успѣлъ войти въ довѣренность къ Государю, котораго презиралъ; наконецъ, сдѣлавшись Министромъ Юстиніана, пріобрѣлъ право притѣснять людей, и — къ стыду ихъ скажу — покровительствовать имъ!

Папа.

Какъ! не уже ли ты пятьдесятъ лѣтъ сряду притворялся и ни разу не измѣнилъ себѣ? Слѣдственно избавитель Рима только-что игралъ Римомъ! . . . а я, почитавшій тебя цѣлую жизнь

за Героя, долженъ, при концѣ дней моихъ, отнести къ классу обыкновенныхъ честолюбцевъ, которымъ слѣпое счастіе помогло прославишься!

Наркисъ.

Любовь и домогательство честей суть двѣ оси, на которыхъ Свѣтъ обращается. Цесарь дѣлилъ себя на двое; отъ того не все сдѣлалъ, что могъ; а я, лишившись одной страсти, которую у меня отняли, укрѣплялся въ другой, которая при мнѣ осталась. Счастливъ Римъ, что операція преградила мнѣ путь къ дальнѣйшему просвѣщенію! . . . Ежели *Наркисъ лолу-мущина* могъ своею дѣятельностью достигнуть званія Министра Юстиніанова, то *Наркисъ лолной человѣкъ* конечно свергнулъ бы его съ престола!

Вотъ тебѣ ключь для разрѣшенія моей политической жизни! Я не любилъ никого; но умѣлъ ласкать, чтобы войти въ силу; а когда усилился, началъ притѣснять. Природа создала меня робкимъ и малодушнымъ; я хотѣлъ казаться храбрымъ — и былъ шаковъ. Сперва подчинили меня Велизарію; я успѣлъ пристыдить его своими военными дѣйствіями. Скоро провозгласили Наркиса

главнымъ военачальникомъ — я побѣдилъ Римлянъ при Казилинѣ, Везувіи и Лентагіо. Для меня все равно было: поражать враговъ Имперіи, или воиновъ ея — лишь бы взять первенство, лишь бы сдѣлаться предметомъ удивленія! Я хотѣлъ быть побѣдителемъ; какая до того нужда: умомъ, или преступленіемъ пріобрѣталъ побѣду!

П а л а.

Надобно благодарить Бога, что такіе необыкновенные люди рѣдко являются въ мірѣ. Человѣчеству противно имѣть начальникомъ того, кто подавляетъ подчиненныхъ тяжестію своихъ талантовъ!

Горе тому извергу, кто, отдѣливъ тебя отъ среды человѣковъ, поселилъ въ оскорбленномъ евнухѣ мысль — наказать цѣлой свѣтъ за преступленіе частное! . . .

Но ты, Наркисъ, судьбою назначенный быть великимъ и славнымъ! для чего не хотѣлъ прославиться благостію? Не уже ли удовольствіе — дѣлать добро твоимъ убійцамъ — казалось недостойно твоего характера? не уже ли чувствительность твоя пропала вмѣстѣ съ наклонностію къ любви?

Бойся обнаруживать другимъ свою жестокую политику! бойся, врагъ человѣковъ, чтобы не стали враждовать на тебя человѣки!

Наркисъ.

Первосвященникъ! въ цѣломъ свѣтѣ не боюсь никого, кромѣ одной женщины. Софія, совершенно искусная въ придворныхъ хитростяхъ, поражаетъ меня собственнымъ моимъ оружіемъ. Ахъ! . . . и она, въ свою очередь, управляя недостойнымъ наслѣдникомъ Юстиніана, изъ-за этой вѣнчанной куклы, бросаетъ безбоязненно мѣткія стрѣлы въ евнуха! . . . Какая польза въ томъ, что я покорилъ Римъ, побѣдилъ Тотиллу и начальствую въ Италіи, ежели женщина можетъ опять погрузить меня въ ничтожество, изъ котораго вышелъ по уму своему? . . Одна мысль о паденіи убиваетъ меня. . . Послѣ безчестія — быть евнухомъ, не вижу другаго несноснѣйшаго, какъ быть побѣжденнымъ въ политикѣ — женщиною!

Пала.

Наркисъ! пятьдесятъ лѣтъ ты насмѣхался надъ добродушіемъ народа, тебѣ ввѣреннаго; ежели когда нибудь Римъ накажетъ тебя за это — я скажу только: за дѣло!

* *

Наркисъ, вышедъ изъ Капитолiи, встрѣтилъ Византiйскаго гонца, долженствовавшаго объявить ему отставку и немилость Государя, а отъ Софiи вручить пряслицу и веретено, съ таковымъ замѣчанiемъ: „Наркисъ, яко евнухъ, „опредѣляется въ Сералъ смотрителемъ „надъ женскимъ поломъ. Чтобъ управ„лять мущинами, надлежитъ самому „быть мущиною!“

Гордо взглянулъ Наркисъ на посланнаго, и крѣпко схвативъ пряслицу, сказалъ съ ядовитою усмѣшкою: *стулай, доложи своей повелительницѣ, что я напряду ей такой клубокъ ниток, котораго она вѣкъ не размотаетъ!* — Потомъ входитъ въ свои чертоги, и пишетъ къ Албоину, давно угрожавщему покорить Италiю подъ иго Лонгобардовъ: „У Рима „нѣтъ больше защитника. Спѣши освобо„дить потомство Катоновъ и Эмилiевъ „отъ деспотизма новаго Клавдiя и отъ „ярости новой Мессалины! Особливо пред„варяю: не опасайся побѣдителя Тотиллы: „мечь его опущенъ въ ножны, и до тѣхъ „поръ не вынется, пока надобно будетъ „приступить къ изпроверженiю престола „Кесарей. Ты легко узнаешь по печати, „а еще болѣе по духу мщенiя — *Наркиса.*“

Между тѣмъ, какъ онъ занимался письмомъ, ввели къ нему въ кабинетъ старика, требовавшаго тайной аудïенцïи. Евнухъ, всѣ способности души своей погрузившïй въ одну страсть мщенïя, не видалъ предъ собою ничего, кромѣ прялки, присланной отъ Софïи. Наконецъ незнакомецъ началъ говорить — и тѣмъ пробудилъ его отъ глубокой задумчивости.

* *

Старикъ.

И такъ . . . я вижу Наркиса — повелителя Италïи — прежде бывшаго невольникомъ въ Серали Персидскаго Шаха! Я просилъ Бога продолжить мою жизнь до тѣхъ поръ, пока увижу сïе чудо. Желанïя мои исполнились — теперь остается только умереть.

Наркисъ.

Кто ты таковъ, нескромный свидѣтель моего безчестïя?

Старикъ.

Человѣкъ, которой всегда бралъ участïе въ твоей славѣ и въ твоихъ страданïяхъ. . . .

Наркисъ.

Ты человѣкъ! . . я не люблю этого класса животныхъ. — Между мною и человѣчествомъ положена была преграда: ахъ! для чего я осмѣлился переступить за нее? Какой немилосердый Геній сблизилъ меня съ тварями, похожими на тебя? кто внушилъ мнѣ мысль, постыдную для моего ума — управлять людьми?

Старикъ.

Наркисъ! ты приводишь меня въ трепетъ. Оставь пагубное желаніе — мстить роду человѣческому. Я пришелъ тебѣ посовѣтовать. . .

Наркисъ.

Кто тебѣ далъ право совѣтовать побѣдителю Тотиллы и Министру Юстиніанову?

Старикъ.

Натура.

Наркисъ.

Натура! . . я разорвалъ обязательства, которыя соединяли меня съ нею нѣсколько минутъ въ жизни. Натура въ глазахъ моихъ то же, что Ариманъ для жителей Персіи — злой Геній, богъ истребитель! . .

Старикъ.

Наркисъ! . . взгляни на старика, пришедшаго изъ Персіи увидѣть тебя, обнять и умереть. — Какъ! ты меня не узнаешь? . . Сердце твое не предчувствуетъ тайной связи, соединяющей меня съ тобою? . .

Наркисъ.

О! ты сталъ уже во зло употреблять мое снизхожденіе! . . Безразсудный старикъ! разрѣши скорѣе мои сомнѣнія: не подосланъ ли ты гордою Софіею съ совѣтами, долженствующими ускорить мою погибель? — Трудно тебѣ назваться именемъ, которое не было бы ненавистно Наркису! Говори, кто ты? Какое чудовище въ лицѣ твоемъ я долженъ наказать?

Старикъ.

Я твой отецъ.

Наркисъ.

Такъ! я не ошибся, назвавши тебя чудовищемъ! . . . Съ подлымъ намѣреніемъ лишить меня званія человѣка, ты вырвалъ меня изъ объятій любовницы и продалъ прихотливому Государю, которому евнухъ понадобился! Жестокой отецъ! ты виною, что я презираю всѣхъ

мущинъ и ненавижу всѣхъ женщинъ. Естьли бы ты не изуродовалъ меня, дерзкая Софія не прислала бы ко мнѣ прялки, отъ которой должна погибнуть Италія, и, можетъ быть, изпровертнуться престолъ Кесарей! Убійственное желѣзо, которымъ ты свершилъ надо мною противо-законное дѣйствіе, прежде времени уморитъ меня, и обратится на погибель многихъ народовъ, мною вооружаемыхъ на отмщеніе. Въ моей волѣ теперь же наказать недостойнаго родителя; но ты не заслуживаешь этой чести! Я могу мстить только Софіи и Монарху Византіи — а не отцу евнуха. Удались немедленно: предоставляю твоей совѣсти быть твоею мучительницею!

* *

Гнѣвный евнухъ, еще болѣе раздраженный разговоромъ отца, запечаталъ своею печатью письмо къ Албоину, и кликнулъ чиновника, съ тѣмъ, чтобы послать его къ Королю Лонгобардскому. Тогда доложили Наркису объ одномъ слѣпомъ нищемъ, которой сказался, что знаетъ лично Албоина. Нетерпѣливый Наркисъ, не желая пропустить сего благопріятнаго случая, приказалъ ввести его

въ кабинетъ, и вошелъ въ слѣдующій разговоръ:

Наркисъ.

Мнѣ сказали, что ты знакомъ съ Албоиномъ.

Слѣпой.

Такъ; онъ мнѣ пріятель.

Наркисъ.

Король Лонгобардовъ пріятель слѣпому нищему!..

Слѣпой.

А ты думаешь, что у Королей друзья только при Дворѣ!... Знай впрочемъ, что и я не всегда былъ предметомъ жалости для человѣковъ! Я жилъ при Дворѣ Византійскомъ, и не одинъ разъ былъ полезенъ Албоину. Хочу теперь испытать дружбу сего Государя. Ежели онъ устыдится моего присутствія — такъ и быть! Въ Европѣ не станетъ еще одного великаго человѣка!...

Наркисъ.

Такъ ты надѣешься чрезъ Албоина поправить свои обстоятельства?

Слѣпой.

Я ничего не надѣюсь. Жизнь моя, какъ зданіе ветхое, близка къ разрушенію: — не хочу поправлять гостинницы, въ которой достанется мнѣ провести какую нибудь ночь.

Ахъ! сколько я пострадалъ отъ людей! . . Меня ограбили всего, лишили зрѣнія, обезславили въ глазахъ отечества — но при мнѣ остался Богъ и невинность: я не такъ жалокъ, какъ мои гонители! . .

Нарцисъ.

Удивительно, какъ несчастія сближаютъ людей и трогаютъ сердце! И я чувствую себя еще расположеннымъ любить человѣка! — Послушай, бѣдный старикъ! ты почитаешь себя несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ: ахъ! естьли бы ты видѣлъ эту прялку, присланную отъ Софіи къ побѣдителю Тотиллы! ты бы согласился, что для существа чувствительнаго могутъ быть гораздо большія несчастія, нежели бѣдность и слѣпота.

Какъ бы то ни было, мы жалуемся на одно — то есть, на людей. Полагаюсь на твою честность по тому, что тебѣ

нѣтъ никакой корысти измѣнить мнѣ. Отнеси это письмо къ Албоину: онъ прочтетъ его и отомститъ за насъ.

Слѣпой.

Вотъ хорошо! Король Лонгобардовъ станетъ разорять Италію за какого нибудь слѣпца и евнуха! . .

Наркисъ.

Да! его устрашало прежде только имя мое. Теперь самъ отворю городскія ворота Албоину: пускай войдетъ въ Римъ — и потрясетъ Италію, такъ чтобы честолюбивая Софія не усидѣла на престолѣ, а съ нею вмѣстѣ разбилась бы и эта вѣнчанная кукла, которую она вооружила противъ Наркиса! . . Неблагодарные дорого заплатятъ за то, что принудили насъ сдѣлаться измѣнниками.

Слѣпой.

Ахъ, Наркисъ! неблагодарные успѣли сдѣлать намъ зло; повѣрь мнѣ, еще больше возторжествуютъ, когда принудятъ насъ сдѣлаться буйными мятежниками! . . Естьли хочешь отомстить врагу благороднымъ образомъ, произведи въ немъ, буде можешь, угрызенія совѣсти.

Ты полагаешься на Албоина. Не думаешь ли, что онъ, покоривъ Италію, отдастъ тебѣ полное на нее право? или, содѣлавшись владыкою Рима, приметъ себѣ въ друзья — измѣнника своему Государю?

Нарцисъ.

Какая у меня дружба съ Государями! Я хочу наказать ихъ, а не любить.

Слѣпой.

Хорошо. Положимъ, что Лонгобарды успѣютъ свергнуть съ престола Наслѣдника Юстиніанова, и Софія, преданная въ твою власть, умретъ нѣсколькими днями ранѣе тебя; положимъ, что тебѣ достанется управлять Италіею, а мнѣ Дворомъ Византійскимъ — скажи, меньше ли я отъ того буду слѣпъ, а ты больше ли похожъ на человѣка?

Нарцисъ.

Ты говоришь со мною языкомъ разума — какъ будто въ сильномъ гнѣвѣ могу понимать тебя. . . До Философіи ли теперь, когда женщина отравляетъ бытіе мое, и въ одинъ день можетъ помрачить пятьдесятъ лѣтъ славы и трудовъ моихъ? . . . Оставимъ въ покоѣ холодной разумъ, который никогда не

производилъ великихъ дѣлъ. Старайся лучше, ежели можешь, усилить во мнѣ господствующую страсть, которою надѣюсь по крайней мѣрѣ отличиться въ потомствѣ. Въ эту рѣшительную минуту не привидѣніе Сократа призывать должно, а тѣни Атрея, Силлы и Коріолана. . . Пускай погибну подъ развалинами Имперіи — только бы она не существовала!

Слѣпой.

Когда не хочешь слушаться разума, стану бесѣдовать съ твоимъ сердцемъ. Что тебѣ сдѣлала Италія, что ты желаешь ей разоренія? Какъ! цѣлые города изпровергнутся — сто тысячь людей погибнутъ на полѣ сраженія — бѣдныя вдовицы будутъ проливать надъ могилами ихъ кровавыя слезы — отъ того, что одна Византійская женщина прислала къ евнуху прялку!.... И эта картина не возмущаетъ твоего сердца?

Нарцисъ.

Я ожесточенъ сильнымъ образомъ... Софія непремѣнно должна быть наказана. Пускай погибнутъ съ нею и мои современники!..

Слѣпой.

Варваръ! и тебя не трогаетъ гласъ оскорбляемаго отечества?

Нарцисъ.

У меня нѣтъ отечества.

Слѣпой.

По крайней мѣрѣ, ты принадлежишь къ великому семейству существъ разумныхъ. Собственное твое счастіе зависитъ отъ счастія человѣковъ.

Нарцисъ.

А! естьли бы я и позабылся, то Софія напоминаетъ мнѣ, что я не больше, какъ полу-человѣкъ!

Слѣпой.

Евнухъ немилосердый! не думаешь ли въ преступленіяхъ найти спокойствіе, котораго не находишь въ душѣ своей? Нѣтъ! тираны не блаженствуютъ. Природа создала насъ добрыми; слѣдовательно всякое отступленіе отъ законовъ ея ведетъ къ наказанію.

Твоя казнь . . . уже начинается. Мрачныя мысли умножаютъ только твое бѣшенство; возмущеніе чувствъ твоихъ дѣйствуетъ и на умъ; душа твоя жаждетъ крови; ненависть къ Софіи довер-

шитъ собственную твою погибель и безславїе. — Неумолимый врагъ человѣчества! ты умрешь съ отчаянїя — и никто изъ здравомыслящихъ не прольетъ слезъ на могилѣ твоей. Ежели ты успѣлъ заглушить гласъ Природы въ своемъ сердцѣ — вѣрно заглушишь его и во всѣхъ тѣхъ, до которыхъ только дойдетъ имя твое! . .

Наркисъ.

Кто ты, дерзновенный, что смѣешь явно порицать Наркиса?

Слѣпой.

Я — Велизарїй.

* * *

При семъ словѣ Наркисъ нѣсколько смутился — не зная самъ: доставить ли себѣ удовольствїе — наказать Софїю, или славу — подражать великодушному Велизарїю? Но видъ пряслицы снова разкрылъ его сердечныя раны. Евнухъ не послушалъ совѣтовъ Велизарїя, и послалъ съ нарочнымъ свое письмо къ Королю Лонгобардовъ. Албоинъ прочиталъ его, вооружился, облегъ стѣны Римскїя. Народъ, не видя болѣе въ Наркисѣ втораго Катилины, у ногъ его умоляетъ отвратить отъ града гроз-

ную бурю. Евнухъ, не совсѣмъ отказавшійся отъ Природы, смягчается на минуту, проситъ вторымъ письмомъ Албоина, отступить съ побѣдоноснымъ своимъ воинствомъ отъ предѣловъ Италіи; но уже поздно. Торжествующій Албоинъ отвѣчалъ, что не отступитъ до тѣхъ поръ, пока жители Рима не присягнутъ ему въ вѣрности, яко своему Государю.

Гордый евнухъ не перенесъ толикаго огорченія. Душа его терзалась попеременно то угрызеніями совѣсти, то яростію безсильнаго мщенія. Горячка произвела свое дѣйствіе — и Наркисъ испустилъ духъ свой въ заклятіяхъ на отца, Софію и Албоина.

Изъ Philosophie de la Nature — Слб. — Ив. Я — въ.

XVI.

СОКРАТЪ,

истинный Мудрецъ.

Сократъ, обвиняемый въ преступленіи, котораго зависть никогда не прощаетъ — въ томъ, что онъ умнѣе своихъ современниковъ — возвращался въ темницу, осужденный на смерть Ареопагомъ. Все, что ни составляло честь и красу Аѳинъ, слѣдовало за Сократомъ. Ксантиппа рыдала; Алкивіадъ гремѣлъ противъ своего отечества; краснорѣчивѣйшій Платонъ *наблюдалъ глубокое молчаніе*. . . Одинъ Сократъ не былъ побѣжденъ унынїемъ . . . онъ утѣшалъ друзей своихъ — и надобно было утѣшать ихъ! . . .

Платонъ, черезъ четверть часа ходьбы, пробудившись отъ унылой задумчивости, возвелъ очи свои къ небесамъ.

Платонъ.

Всевышнїй Распорядитель мїровъ! я благодарилъ Тебя, что произшелъ на свѣтъ въ странѣ просвѣщенной . . . увы! я обманулся.

Сократъ.

Другъ любезный! благодари Бога и за то, что можно иногда пріятнымъ образомъ обманываться. Что иное суть наслажденія жизни, какъ не пріятныя мечты? Здѣсь, на земли, все покровенно завѣсою . . . токмо при смерти увидимъ завѣсу сію подъятою и истину обнаруженную! . . . Я почти дожилъ до сей счастливой эпохи.

Платонъ.

Какъ! въ Аѳинахъ — гдѣ Ксенофанъ безбоязненно сокрушалъ Гезіодову Ѳеологію, гдѣ читаютъ книги седми Мудрецовъ, гдѣ Эврипидъ просвѣщалъ людей на театрѣ — въ Аѳинахъ Сократъ долженъ испить, какъ преступникъ, чашу яда, и никто не отомститъ за смерть его, кромѣ суетныхъ роптаній потомства! . . .

Сократъ.

Ты самъ сказалъ, что мы живемъ между людьми, еще непросвѣщенными. Родятся иногда великіе умы и являются на сценѣ міра; но толпа народная какъ бы не примѣчаетъ, что они существуютъ.

Философъ пишетъ; народъ трудится, имѣетъ *свои* интриги, гонитъ — и не читаетъ сочиненій просвѣтителей человѣчества.

Вообще люди непросвѣщенные робки, и потому притѣсняютъ умныхъ. Такъ дѣти, споткнувшись ночью о камень, въ наказаніе за свою неосторожность, перебрасываютъ его въ другое мѣсто.

Впрочемъ народъ не опасенъ, ежели не раздраженъ со стороны жрецовъ. Тимей и Ксенофанъ не возмущали спокойствія истолкователей боговъ — за то сами спокойно кончили вѣкъ свой. Я, къ несчастію, дерзнулъ презирать Аниту — и меня осудили на смерть!!

Платонъ.

Въ томъ-то и состоитъ подлость моего отечества. . . У насъ есть законы — а терпимъ Оракуловъ, и — какой нибудь жрецъ можетъ заклать невиннаго Философа! . .

Сократъ.

Другъ мой! повторяю тебѣ: народъ вездѣ одинаковъ. Это рабочій скотъ, которымъ управляетъ первый смѣльчакъ, успѣвшій накинуть на него оброть. Ежели этотъ смѣльчакъ одаренъ боль-

шимъ умомъ, тогда вѣкъ слыветъ *просвѣщеннымъ*; а естьли онъ энтузіастъ — вѣкъ называютъ *варварскимъ*.

Платонъ! ты могъ бы одинъ прославить вѣкъ свой; но не думай, чтобы твои уроки, преподаваемые только согражданамъ, тебѣ подобнымъ, возбудили въ народѣ хотя искру просвѣщенія и благодарности.

Ты хочешь основать Республику, во всѣхъ частяхъ совершенную. Посели въ ней народъ, но не давай ему власти. Существа, сотворенныя мыслить на чужой образецъ, не должны дѣйствовать сами собою. Вотъ тебѣ послѣдній совѣтъ моей дружбы. Желаю, чтобы онъ оставилъ глубокое впечатлѣніе въ памяти твоей; умру съ тѣмъ, чтобы доказать его спасительное дѣйствіе. —

* *

Такимъ образомъ Сократъ, наставляя учениковъ своихъ, подошелъ ко храму Цереры. На площади и по крыльцамъ толпился народъ во множествѣ. Тогда праздновали столѣтіе — и Аѳиняне стекались отвсюду во храмъ, для очищенія грѣховъ своихъ. Суевѣріе заразило не одинъ простой народъ. Жрецы увѣряли набожныхъ, что надежнѣйшее сред-

ство, преселиться по смерти на поля Елисейскія, состоитъ въ томъ, чтобы ходить со смиреніемъ изъ храма во храмъ, пѣть гимны на Египетскомъ языкѣ, котораго не понимаютъ, и — гнать Философовъ.

Анитъ, Первосвященникъ Цереры, выходя изъ храма, увидѣлъ Сократа, ведомаго въ темницу. — „Вотъ онъ“ — вскричалъ Первосвященникъ — „этотъ „врагъ Діаны, который утверждаетъ, „яко бы не она управляетъ колесницею „Луны! Вотъ губитель нашей морали, „не вѣрующій молебствіямъ и хожденіямъ „во святыя мѣста! вотъ чудовище, ко„торое ставитъ освященный соборъ жре„цовъ ниже Философовъ“ — и народъ повторялъ единогласно: *да! это врагъ Діаны! это губитель морали! это чудовище! это Философъ!*

„Аѳиняне!“ — продолжалъ хитрый Анитъ: — „Сократъ, котораго видите, „научалъ дѣтей вашихъ убѣгать нѣкото„рыхъ ловкихъ женщинъ: это — развра„шитель юности! онъ доказывалъ въ „своей книгѣ, которой я не читалъ, „яко бы въ мірѣ одинъ токмо Богъ — „это безбожникъ!“ — и народъ паки

повторилъ: *да! это развратитель юности! это безбожникъ!*

„Друзья мои!“ — присовокупилъ священный обманщикъ: — „помолитесь богамъ, чтобы, не дожидаясь наказанія, „на которое осудилъ его Ареопагъ, и „котораго можетъ онъ избѣгнуть лестію, Греція заблаговременно очисти„лась отъ сея скверны! Се жертва, пре„данная въ руки наши самимъ Юпите„ромъ! Течемъ отмстить за оскорблен„ныя небеса“ . . .

Друзья Сократовы не слыхали уже, чтобы народъ повторилъ слова Первосвященника; они бросились, въ слѣдъ за учителемъ своимъ, въ капище Цереры, совершенно опустѣвшее отъ выхода свиты Анитовой — затворили за собою двери, и въ молчаніи ожидали, пока благочестивое смятеніе кончится. . .

Анитъ не смѣлъ осквернить храма убійствомъ. Онъ продолжалъ водить свое стадо изъ улицы въ улицу — и Сократъ, избѣгшій кинжаловъ, могъ надѣяться спокойно умереть . . . отъ яда.

Какъ скоро волненіе мнимаго благочестія утихло, сей великій мужъ приближился ко святилищу, собрался съ духомъ, и возведши взоры свои къ небе-

самъ, произнесъ слѣдующую молитву, дошедшую до насъ по изустнымъ преданіямъ:

„О Ты, котораго власть простирается на всю вселенную! Вышній Правитель неизчислимыхъ сферъ, постигаемыхъ, но не объемлемыхъ умомъ ограниченнымъ! прими жертву хваленія отъ одного изъ поклонниковъ Твоихъ, который, разрѣшась отъ обязанностей своихъ къ людямъ, съ пламенною любовію спѣшитъ успокоиться въ нѣдрахъ Твоихъ.

„Народъ, не имѣющій яснаго понятія о Тебѣ, Вездѣсущій! обвиняетъ въ безбожіи кроткаго Философа, возсылающаго къ Тебѣ усердное моленіе — Философа, который отказался бы отъ сего почтеннаго имени, естьли бы хотя на минуту усомнился въ Твоемъ существованіи.

„Какъ можно, видѣвъ порядокъ, царствующій во вселенной, допускать удивительнѣйшія дѣйствія — и отвергать Виновника оныхъ?

„Такъ, Великій Боже! Ты существуешь. Я искалъ Тебя въ Природѣ: имя Твое начертано на каждомъ кольцѣ необозримой цѣпи творенія. — Вездѣ

„бытïе Художника доказывается бытïемъ „художественныхъ произведенïй.

„Я наслаждался благами настоя„щими, и ожидаю новыхъ въ будущемъ: „кого же, кромѣ Тебя, благодарить дол„женъ? Въ груди моей бьется нѣжное „сердце: могу ли не признать своего „Благодѣтеля? Чувствуя сладчайшее удо„вольствïе именоваться сыномъ Твоимъ, „осмѣлюсь ли чуждаться моего Отца?

„Но кто Ты? . . . чья рука осмѣ„лится раздрать строякую завѣсу, сокры„вающую Существо непостижимое?

„Ты не Богъ народа, ослѣпленнаго „суевѣрïемъ и предразсудками — народа, „который вѣруетъ, будто по Твоему „мановенïю совершаются ужасныя злодѣй„ства, и который воспѣваетъ Твои сла„бости, Твои превращенïя.

„Ты не Богъ Ареопага, который „мечемъ закона блюдетъ смѣшные обряды „суевѣрïя, и повелѣваетъ всѣмъ и каж„дому обманывать себя и другихъ, или „носить имя гражданъ безпокойныхъ.

„Ты не Богъ и жрецовъ сего храма, „которые гонятъ за преданïя, превышаю„щïя ихъ понятïе, и думаютъ угодить „Тебѣ пролитïемъ на олтаряхъ Твоихъ „крови невиннаго Философа.

„Ты существуешь; но легче сказать, „что не есть Ты, нежели описать, что „Ты такое.

„Народъ судитъ о Тебѣ, принаровля„ясь къ слабымъ понятіямъ своимъ; онъ „представляетъ Тебя и лукавымъ, и „непостояннымъ, и слѣпымъ, каковъ „обыкновенно бываетъ человѣкъ.

„Жрецы, питающіеся отъ олтарей „Твоихъ, прибѣгающіе къ обманамъ и „хитростямъ для удовлетворенія своему „корыстолюбію, даютъ Тебѣ разные „виды, смотря по своимъ выгодамъ. Иногда „представляютъ Тебя самовластнымъ „Правителемъ механическихъ тварей — „ежели это потребно для невѣжества „людскаго; иногда изображаютъ Тебя въ „лицѣ Мстителя праотцевъ до послѣдняго „поколѣнія — ежели это нужно для по„губленія Философа, который срываетъ „съ нихъ личину и вразумляетъ народъ.

„Не меньше заблуждаетъ и Мудрецъ, „когда хочетъ описать Тебя, Неизрече„ный! Сколько бы онъ ни умствовалъ, „какъ бы высоко ни воспарялъ на кри„лахъ воображенія, его Богъ — не „больше, какъ человѣкъ необыкновенный — „и его Юпитеръ кажется только ко„лоссомъ.

„Боже неизслѣдимый! я уповалъ слу-
„жить Тебѣ достойнымъ образомъ, когда
„поставлялъ Тебя въ срединѣ между
„людьми и мною, или когда молчалъ, не
„умѣя опредѣлить совершенствъ Твоихъ.

„Бывъ обязанъ избрать богослуженіе,
„согласное со здравымъ умомъ, я обра-
„тилъ внимательные взоры на нѣкото-
„рыя Религіи; нашелъ въ нихъ либо на-
„родное суевѣріе, либо фанатизмъ жре-
„цовъ: сердце мое отвратилось отъ вы-
„мысловъ человѣческихъ.

„Тогда, закрывъ книги, началъ бе-
„сѣдовать съ сердцемъ: нашелъ въ немъ
„Бога и простоту Религіи, прояснилъ
„темныя мои понятія, и снова вступилъ
„въ сообщеніе между Небомъ и людьми.

„Я научился быть хорошимъ отцемъ,
„вѣрнымъ другомъ, полезнымъ граждa-
„нином; научился дѣлать добро ближ-
„нимъ моимъ, видѣть неблагодарность
„людей — и прощать ихъ заблужденія.

„Всемогущій! безъ сомнѣнія, угодно
„было Тебѣ мое служеніе: ибо чрезъ него я
„блаженствовалъ. Скоро кончится поприще
„жизни моей; скоро спадетъ завѣса, простер-
„шая между мною и истиною. . . Надѣюсь,
„что я исполнилъ долгъ, здѣсь на меня
„возложенный, и возвращаюсь къ Тебѣ

„безъ боязни, съ покойнымъ ду-
„хомъ.“

Между тѣмъ стража Ареопага, выпустивъ изъ виду Сократа, по безполезнымъ исканіямъ входитъ наконецъ во святилище — и Философъ смиренно предаетъ себя во власть ея.

При выходѣ, нѣкто Пирроновой секты, случившійся на ту пору во храмѣ и слышавшій молитву Сократову, дернулъ его за платье. *Сократъ!* сказалъ Пирроникъ: *не уже ли въ самой вещи думаешь, что есть Богъ? — Другъ мой!* отвѣчалъ Философъ: *я никогда не былъ обманщикомъ; но естьли ты еще сомнѣваешься, приходи ко мнѣ посмотрѣть, какъ буду пить чашу яда!*

(*Продолженіе впредь.*)

XVII.

ПИСЬМА

Великаго Фридерика и Вольтера.

Отъ Короля.

Потсдамъ. 6го Декабря, 1772.

Увѣдомляю васъ, любезный другъ, что и въ нашихъ краяхъ хлѣбъ очень вздорожалъ; но, скажите мнѣ, отъ чего не стало хлѣба у жителей Швейцаріи, а особливо у Французовъ, которые столько написали книгъ *о сельской экономіи*, съ приличными наставленіями для насъ, невѣждъ, на счетъ удобности обрабатывать землю?

Мирные трактаты, о которыхъ спрашивали меня, писаны не въ Берлинѣ, какъ вы думаете, но въ Петербургѣ. Замѣтьте изъ сего случая, хорошо ли дѣлаетъ любопытная Публика, вѣря отъ добраго сердца всему, что ни печатаютъ въ газетахъ! Ежели и правдивыя вѣсти, переходя изъ одного дома въ другой, часто увеличиваются прибавленіями вздоровъ: то разочтите, сколько должно прирасти къ онымъ нелѣпой лжи на та-

комъ дальнемъ разстоянiи, какое находится отъ Петербурга до Фернея!

Какъ бы то ни было, повелитель правовѣрныхъ чалмоносцевъ со дня на день становится смиреннѣе. Переговоры снова начались — изъ этого должно заключить о скоромъ приближенiи мира. Въ противномъ случаѣ, ежели господинъ Мустафа заупрямится, такъ ему не дадутъ гостить въ Европѣ! Жаль только, что посторонiя причины портятъ иногда лучшiе планы Политики. Но — знать таковъ уже окаянный мiръ сей! Всегда мѣшается въ управленiе онымъ какой нибудь сватъ, либо сватья! . . .

Не льзя вѣрно гадать о будущемъ; однако, по дару предвѣдѣнiя, могу обѣщать вамъ громкую славу въ позднѣйшемъ потомствѣ. Ваши сочиненiя за то ручаются. У васъ уже въ рукахъ грамота на безсмертiе — такъ можетъ ли вредить старость и время? Пожалуйте, живите подольше. Ежели я не могу обладать вами, по крайней мѣрѣ хотѣлъ бы имѣть удовольствiе непрестанно читать ваши письма.

Фридерикъ.

Отъ Вольтера.

Ферней. 8го Декабря.

Всемилостивѣйшій Государь!

Ваша презабавная Поэма на Конфедератовъ подала мнѣ мысль написать скучную и усыпительную трагедію, подъ названіемъ: *Миносовы законы*, которые, вѣроятно, будутъ освистаны моими любезными Вельхами. Можетъ быть, изволите спросить: какимъ образомъ шутливое сочиненіе превратилось у меня въ источникъ горести и скуки? Отвѣтъ у меня готовъ: Увы! я не нахожусь болѣе при Дворѣ Вашего Величества, не одушевляюсь Вашимъ присутствіемъ, не наслаждаюсь Вашими разговорами. Самыя чистыя и легкія воды берутъ вкусъ той земли, гдѣ протекаютъ.

По нѣкоторому сходству Критскихъ Конфедератовъ съ Вашими Польскими, а еще больше со Шведскими, пріемлю смѣлость препроводить къ Вашему Величеству мою утомительную трагедію, и предварительно прошу извинить, ежели слишкомъ наскучу ею. Но какой Государь не могъ бы тотчасъ освободить себя отъ скуки, бросивъ въ огонь негодное сочиненіе?

Цѣлыя семьдесятъ лѣтъ постоянно любя кофе, теперь имѣю удовольствіе пить его изъ Вашей прекрасной чашки. Жаль, что ни крѣпкой кофе, ни мастерство Вашихъ фабрикантовъ не разгорячаютъ моего воображенія! ничто не мѣшаетъ мнѣ усыплять Фридерика Великаго. . . .

Красуйтесь, Государь, счастіемъ и славою, но паче всего будьте здоровы! Герой, Законодатель, Стихотворецъ, словомъ — Геній не можетъ назваться счастливымъ, ежели страдаетъ подагрою, какъ бы ни умничали хладнокровные Стоики.

Пишетъ ко мнѣ изъ Везеля нѣкто Мориваль Офицерскаго чина, что онъ желалъ бы положить голову свою, сражаясь подъ знаменами Вашего Величества. Родомъ онъ изъ Аббевиля, сынъ извѣстнаго Президента Этальонда, скряги, какого не было хуже въ цѣломъ городѣ. Его-то приговорили было на лютую казнь, вмѣстѣ съ Шевалье Делабарромъ, за то, что пѣлъ пѣсни и не скинулъ шляпы во время Капуцинскаго хода. Смѣю донести, что молодой человѣкъ достоинъ быть въ Вашей службѣ. Ахъ! какъ бы я порадовался, ежели бы дали ему

комманду солдатъ, и пустили погремѣть по улицамъ Аббевильскимъ, съ тѣмъ, чтобы привести въ трепетъ судей, обвинившихъ его на казнь, и — простишь имъ!

Повергаюсь къ стопамъ Вашего Величества съ обыкновеннымъ моимъ восторгомъ.

Больной старикъ.

Отъ Вольтера.

Ферней. 22го Декабря.

Всемилостивѣйшій Государь!

Вмѣстѣ съ письмомъ Вашего Величества получилъ я съ того свѣта извѣстіе отъ любезнаго Тирїо, который пишетъ слѣдующее:

„Все свершилось! Я отыгралъ роль коммисїонера, и писать о новостяхъ больше не стану. Живу теперь въ царствѣ забвенїя, гдѣ мертвые не доставляютъ мнѣ матерїи ни для стиховъ, ни для прозы. Впрочемъ они, не смотря на холодность ко всему земному, знаютъ исторїю Фридерика Прускаго; жаль только, что не очень разговорчивы!“..

Древнїе говорили: *post mortem nihil est: по смерти нѣтъ ничего.* — Ежели этому вѣрить, то кому захочется хлопотать о безсмертїи своего имени? Пускай лестная мысль: *буду жить въ потомствѣ*, разгорячаетъ воображенїе смертныхъ, начиная съ Героя, сидящаго на престолѣ Прускомъ, и оканчиваясь на мнѣ хворомъ, приклонившемъ голову къ смертному одру; но нѣкоторый Мудрецъ все будетъ правъ съ своею притчею: *мертвой левъ хуже живой собаки.*

Безъ сомнѣнїя, вы охотнѣе возьметесь доказывать преимущество безсмертїя. Мудрено ли? Всякъ любитъ самаго себя. Но всѣ ли изъ насъ сотворены мыслить, подобно Вамъ? Посмотрите на толстаго Мустафу. Невѣжа спитъ покойно, обнявшись съ Харемскими красавицами, не взирая на щелчки одной сосѣдней ему Великой Жены, не смотря на презрѣнїе другихъ Державъ и обманъ своихъ Министровъ. Спитъ Турецкой боровъ глубокимъ сномъ, и ежели желудокъ его варитъ исправно, то едва ли не можетъ назваться счастливѣе Мудреца, страдающаго подагрою! . . Впрочемъ отъ Васъ, Всемилостивѣйшїй Государь, зависитъ возпрепятствовать его

счастію. Будьте столько же здоровы, сколько всегда были славны, и не лишайте меня благоволенія на малое время, которое остается мнѣ прожить при подошвѣ горъ Альпійскихъ.

Ахъ! не здѣсь хотѣлось мнѣ жить и умереть; но да будетъ со мною воля державной судьбы!

Больной старикъ.

Отъ Короля.

Потсдамъ. 3го Января 1773.

Радуюсь, что покойный коммисіонеръ мой сталъ умнѣе по смерти. Бѣдненькой не успѣлъ при жизни снискать ни славы, ни довѣренности своими новостями. Солонъ правду сказалъ: *не надобно судить о людяхъ прежде смерти.* Я согласенъ съ мнѣніемъ Г-на. Тирію, что не слишкомъ питательно для самолюбія, быть прославляемымъ отъ черни, которая одобряетъ и отвергаетъ, любитъ и ненавидитъ все безъ разбору. Но естьли бы никто не хотѣлъ дорожить добрымъ своимъ именемъ, не было бы въ мірѣ и добрыхъ дѣлъ.

Victrix diis placuit, sed victa Catoni.

Побѣждающая сторона угодна богамъ, а побѣжденная Катону.

Дѣлай ближнему добро — и будешь прославленъ. Вотъ прямая цѣль человѣка! Пускай пересуды живыхъ столь же безполезны для мертвыхъ, сколь не любопытно знать теперь, о чемъ говорено было во время смѣшенія языковъ при строеніи столпа Вавилонскаго; но это еще не даетъ права живымъ, не уважать сужденія потомковъ.

Человѣкъ благомыслящій и чувствительный ищетъ уваженія сограждан для того, что пріятно отличить себя отъ толпы простолюдимовъ. Сіе естественное влеченіе къ славѣ есть какъ бы слѣдствіе *входящихъ матерій*, изъ которыхъ Природа составила наше тѣло. На мою часть досталось ихъ довольно; но увѣряю васъ, что не рѣшусь никогда оспоривать славы у толстаго Мустафы. Всякому свой удѣлъ назначенъ. Не намъ, существамъ слабымъ, предоставлено быть совершенными.

Естьли бы я захотѣлъ собрать въ кучу всѣ предразсудки, управляющіе міромъ, то одинъ реестръ ихъ составилъ

бы огромную книгу. Станемъ лучше искоренять предразсудки, вредные для общества, не безпокоясь о тѣхъ, которые или пріятны или полезны.

Въ заключеніе скажу: сколько бы я ни наклонялъ свой голосъ въ пользу любочестія, не хочу обманываться, будто одни Государи имѣютъ на него право исключительное и законное. Великіе Писатели, умѣющіе соединять пользу съ пріятностію, забаву съ наставленіемъ, и долговременнѣе и спокойнѣе могутъ наслаждаться славою. Имя Аристотеля гремитъ въ ученыхъ мѣстахъ пріятнѣе имени Александрова. Цицерона читаютъ чаще, нежели Записки Цесаря. Знаменитые Авторы истекшаго столѣтія болѣе прославили собою царствованіе Лудовика XIV, нежели побѣды завоевателя. Имена Франаоло, Кардинала Бембе, Тасса и Аріоста затмѣваютъ Карла V и самаго Леона X, хотя подданные и величаютъ послѣдняго титуломъ Намѣстника Божія. При одномъ словѣ объ Августѣ услышишь тысячу похвалъ Овидію, Горацію и Виргилію. Зайдетъ рѣчь объ Англіи — и матерія плодится о Невтонѣ, Локкѣ, Шафтсбури, Мильтонѣ, Болингброкѣ — такъ что не хочется и слушать о ро-

скошномъ дворѣ Карла II, о глупомъ суевѣріи Іакова II, и о хитростяхъ царедворцевъ, колебавшихъ престолъ Королевы Анны. Короче сказать: естьли вы, ученые, поставите въ предметѣ славу, вѣрно и получите ее; а мы, Государи, весьма часто въ разсчетахъ своихъ обманываемся — и не мудрено. Политика довольствуется успѣхомъ времени, а ученые пишутъ для потомства. Перестаютъ слушать высочайшіе Указы, когда Законодателя зароютъ въ землю; а ученый изъ гроба можетъ бесѣдовать съ живыми въ безсмертныхъ твореніяхъ своихъ. — Не смотря на то, люблю жить для славы. Положимъ, что эта самая дурная привычка; но въ шестьдесятъ лѣтъ поздно думать объ исправленіи. Сверхъ сего, не достоинъ уваженія тотъ, кто не старается заслужить его. — Вотъ настоящій образъ моихъ мыслей. Ежели Фернейскій Патріархъ и не одобритъ ихъ, увѣряю, что не меньше буду любить его, хотя бы наложилъ на меня эпитимію.

Дай Богъ прожить вамъ тысячную долю противъ того, что проживетъ имя ваше; вы бы и тогда были старѣе Маѳусаила.

Фридерикъ.

Отъ Короля.

Берлинъ. 16го Января 1773.

Мильтонъ, во время путешествія по Италіи, увидя на театрѣ довольно дурную пїесу, подъ названіемъ: *Адамъ и Ева*, получилъ отъ нее матерію для прекрасной Поэмы *Потерянаго рая*: такъ и я, говоря о смѣхотворной моей Поэмѣ на Конфедератовъ, развѣ тѣмъ могу похвалиться, что подалъ вамъ мысль написать хорошую трагедію, за доставленіе которой благодарю почтеннаго и любезнаго Автора.

И такъ для васъ и время теряетъ быстроту свою! . . . Семидесятилѣтній Вольтеръ такъ же пылокъ и нѣженъ, какъ будто ему тридцать лѣтъ. Гдѣ вы научились искуству казаться всегда молодымъ? Завидую вашей Магіи. Карлъ V-й уже завирался на пятидесятомъ году жизни. Многіе Владыки земные еще въ молодости были точь въ точь Карлы Пятые!! Славный Кларкъ и пресловутый Свифтъ сдѣлались на старости похожими на ребятъ, а Тассъ — и того хуже — сошелъ съ ума. Виргилій и Гомеръ не дожили до вашихъ дней. Не знаю, удалось ли Гомеру выдержать себя до по-

слѣдней минуты жизни; но всѣ увѣрены, что ни старикъ Фонтенель, ни столѣтній Олеръ не имѣли пылкости вашего воображенія, ни вашей способности писать плавные и легкіе стихи; и потому, ежели вы умрете, надобно будетъ похоронить съ вами цѣлой Парнассъ Французской.

Скоро будетъ у насъ праздникъ. Ландграфъ Гессенскій женится на моей племянницѣ, и мнѣ достанется играть самую скучную роль, то есть, быть только *свидѣтелемъ*! Между тѣмъ мы не забываемъ хлопотать о мирѣ. Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы прекратить вражду Польскую, въ чемъ Императрица Всероссійская, счастливая во всѣхъ предпріятіяхъ, непремѣнно успѣетъ. Не взыщи, что мало пишу: гости мѣшаютъ; за то въ другой разъ на досугѣ побесѣдуемъ больше.

Фридерикъ.

Отъ Вольтера.

Ферней. 1го Февраля 1773.

Всемилостивѣйшій Государь!

Я благодарилъ Ваше Величество за фарфоръ, которой изволили мнѣ пожаловать. Король Французской не даритъ для того, что не имѣетъ лучшаго. Но Вы одолжили меня больше тѣмъ, что отняли, а не тѣмъ, что пожаловали: въ послѣднемъ письмѣ своемъ скинули мнѣ съ костей ровно десять лѣтъ старости — да и поздравляете, что я молодъ! Вотъ какъ обыкновенно обманываются Государи! Не прогнѣвайтесь, Ваше Величество! мнѣ изходитъ седьмой уже десятокъ — и едва ли я доживу до истребленія нечестивыхъ Сарацинъ, которые женщинъ запираютъ, а Грацій и Музъ не умѣютъ приласкать къ себѣ.

Носятся слухи, будто Россія въ худомъ положеніи. Дай Богъ, чтобъ эта молва была пустая. Я очень люблю Сѣверную мою Владычицу.

Лихорадка не даетъ мнѣ справиться съ силами: едва я могъ написать нѣсколько строчекъ. Въ старыя времена умирающіе могли предсказывать будущее;

но нынѣ, увы! и то уже не по старому! Ничего не могу на-вѣрное угадывать, кромѣ того, что умру почитателемъ и поклонникомъ Вашимъ.

Больной старикъ Фернейской.

Отъ Короля.

Потсдамъ. 4го Апрѣля 1773.

Вы знаете, что у всякаго Государя водятся шпіоны. Тѣ, которыхъ держу при подошвѣ Альпійскихъ горъ, прислали ко мнѣ не очень радостныя донесенія на счетъ болѣзни вашей. Хорошо, что вся бѣда кончилась подагрою. Въ ваши лѣта она предзнаменуетъ долговременную жизнь — и я очень радъ, что могу сопричислить васъ къ нашему обществу подагриковъ.

Благодарю за присланную трагедію. Польскія приключенія и Шведскіе перевороты доставили вамъ матерію для Драмы; но вы въ состояніи и изъ газетныхъ новостей составить трагедію. Для чего же и не такъ? Только не требуйте отъ меня хвораго Драматическихъ сочиненій. Въ нашей сторонѣ лучше принимаютъ комедіи.

Вы пишете ко мнѣ объ интригахъ вашихъ Вельховъ. Я знаю все на перечотъ — все, что ни дѣлается отъ Стокгольма до Константинополя; но подождемъ конца, чтобъ увидѣть, кто будетъ послѣдній смѣяться!

О Всероссійской Императрицѣ пожалуйте не безпокойтесь. Престолъ Ея довольно твердъ и безопасенъ; естьли бы кому изъ сосѣдей и вздумалось потрясти его — повѣрьте мнѣ, какъ ни холоденъ Сѣверъ, но обожжетъ всякому руки!

Выздоравливайте скорѣе — и вамъ и мнѣ будетъ веселѣе.

Фридерикъ.

Спб. — съ Франц. Ив. Я — ъ.

XVIII.

УТѢШЕНІЕ ВЪ ГОРЕСТИ.

Мудрый Абуленъ, прославившійся ученостію и остроумѣемъ, былъ весьма бѣденъ. Нужда заставила его ходить всякой день къ Визирю Измаилу, сыну Базалову; надежда, возбудить въ немъ состраданіе, подкрѣпляла его душу. Дочь Абуленова, прекрасная и благовоспитанная дѣвица, встрѣтивъ однажды отца

своего, возвращающагося домой съ необыкновеннымъ унынїемъ, сказала: „Батюшка! прибѣгая часто къ Визирю, пересказываете ли вы ему о своихъ нуждахъ?“ — Говорю, другъ мой! — отвѣчалъ Абуленъ — но все безъ успѣха: слова мои не доходятъ до ушей его; униженныя прозьбы остаются безъ исполненїя. — „Судя по вашему лицу и платью, не ужь ли онъ не догадается, что вы терпите бѣдность, и ожидаете отъ него помощи?“ примолвила она. — Государственныя дѣла, которыми Визирь занятъ съ утра до вечера, не допускаютъ его и взглянуть на меня — произнесъ Абуленъ съ глубокимъ вздохомъ. Тогда умная дѣвушка прочла слѣдующїя слова изъ Алькорана: *Не раболѣпствуйте идолу, лишенному слуха и зрѣнїя; не ищите состраданїя въ камнѣ, чувствительности въ жестокомъ сердцѣ. Прибѣгайте къ Тому, Кто посылаетъ плодотворной дождь на изсохшую землю, и питаетъ росою растѣнїя, поблекшїя отъ солнечнаго зною. Онъ видитъ наши слезы, слышитъ воздыханїя — и посылаетъ Ангела-утѣшителя для облегченїя нашихъ горестей.*

(*Изъ Journal des Dames et des Modes.*)

ІЮЛЬ.

XIX.

РАЗГОВОРЪ СОКРАТА съ ФИЛОКСЕНОМЪ.

Филоксенъ — такъ назывался Пироникъ — хотѣлъ посмотрѣть, какъ умираетъ Философъ. Онъ чувствовалъ, что одинъ часъ, проведенный съ Сократомъ умирающимъ, подастъ ему больше наставленій, нежели полвѣка общежитія съ людьми злыми, или невѣждами.

Филоксенъ былъ почти непобѣдимъ въ прѣніяхъ; ибо научился у Зенона стоическому равнодушію. Холодное сердце его не принимало никакихъ впечатлѣній чувствительности: надлежало произвести громовой ударъ, чтобы поколебать его, или яркой блескъ молніи, чтобъ озарить его.

По странному стеченію обстоятельствъ, сей умствующій истуканъ женился на дочери извѣстной Аспазіи — юной, прекрасной, чувствительнѣйшей изъ всѣхъ Аѳинянокъ. Соединеніе существа живаго съ тѣломъ бездушнымъ имѣло нѣкоторое сходство съ казнію Мезенція.

Аспазія занемогла отчаянно, когда Филоксенъ собирался идти въ темницу Сократа. Супругъ ея въ первой разъ почувствовалъ терзаніе сердца. Въ жару онъ желалъ быть безсмертнымъ; но по привычкѣ къ софизмамъ скоро вдался въ новыя заблужденія, и смерть Аспазіи была для него нѣчто постороннее.

Сократъ былъ одинъ въ темницѣ, когда пришелъ къ нему Пирроникъ. Въ этотъ день надлежало Философу умереть. Вся Греція казалась въ томленіи; но учитель Платоновъ приготовлялся къ смерти съ такимъ же спокойствіемъ духа, съ какимъ обыкновенный человѣкъ ложится спать. Долго смотрѣлъ на него Филоксенъ въ почтительномъ молчаніи, какое чувствуютъ при входѣ во святилище полуразвалившагося храма; наконецъ возвысилъ голосъ:

Сократъ! я вижу, что ты не изъ числа тѣхъ Мудрецовъ, которыхъ можно узнать съ перваго взгляда. Твоя Философія, таящаяся подъ завѣсою скромности, скрываетъ великаго человѣка.

Сократъ.

Я старался быть только добрымъ человѣкомъ. Большія дарованія рѣдко бы-

ваютъ не пагубны: ибо служатъ укоризною для невѣждъ, не имѣющихъ просвѣщенія. Вопреки прорицалищу Аполлонову, я прожилъ вѣкъ свой въ неизвѣстности — и ежели имя Сократово прославится въ потомствѣ, этимъ обязанъ буду смерти моей. — Но ты кто, человѣкъ чувствительный, пришедшій навѣстить меня при концѣ дней моихъ?

Филоксенъ.

Чувствительный! . . Нѣтъ! я не имѣю этой слабости.

Сократъ.

Ты нечувствителенъ? Что же дѣлаешь въ общежитіи съ людьми?

Филоксенъ.

Наблюдаю ихъ!

Сократъ.

Хорошо, что можешь это дѣлать, не входя ни въ какія связи съ людьми. Не имѣлъ ли ты несчастія управлять ими?

Филоксенъ.

Случай даровалъ мнѣ знатность, а несчастіе — нѣкоторую способность къ добродѣтели. Я былъ сперва вельможею,

потомъ перешелъ въ классъ земледѣльцевъ, наконецъ — сталъ только добрымъ человѣкомъ.

Сократъ.

Не было ли тебѣ хуже отъ того, что сдѣлался честнымъ? Нѣтъ ли въ твоемъ отечествѣ какого нибудь Аристофана, который дурачитъ тебя, или какого нибудь Анита, который приводитъ тебя у всѣхъ въ ненависть? Здѣсь — не безопасно имѣть дѣло съ дурнымъ Стихотворцемъ, или съ Первосвященникомъ Цереры. . .

Филоксенъ.

Къ счастію, я не хожу ни въ театръ, ни во храмъ.

Сократъ.

И мнѣ думается, что это не мѣшаетъ быть добрымъ въ душѣ; но долгъ вѣры . . . .

Филоксенъ.

Не уже ли Сократъ вѣритъ предразсудкамъ черни и признаетъ Божество? Я, съ своей стороны, не имѣю слабости бояться сего призрака; не имѣю и хвастовства презирать его — разумѣется, ежели бы онъ существовалъ. Я то, что въ народѣ называютъ безбожникомъ.

Сократъ.

И такъ ты измѣнилъ себѣ. Въ Греціи одинъ только Филоксенъ — и я конечно съ нимъ бесѣдую.

Филоксенъ.

Такъ; я Филоксенъ, супругъ младой Аспазіи. Шесть лѣтъ сія красавица старалась своими прелестями, краснорѣчивымъ молчаніемъ, самою скорбію уловить меня въ сѣти набожности; но, ежели я устоялъ противъ чувствительной женщины, какой Софистъ понадѣется увѣрить меня?

Сократъ.

Судя по твоему хладнокровію, конечно не увѣришь тебя, однако же можно усовѣстить. — Не беру этого на себя, но прошу сдѣлать мнѣ честь своею откровенностію. Скажи: какихъ ты мыслей о родѣ человѣческомъ?

Филоксенъ.

Люди, сколько мнѣ извѣстно, всегда одинаковы. Я старался узнавать ихъ для того, чтобы пріобрѣсть право презирать ихъ. — Не хочу сказать, чтобы мои прежнія несчастія поселили во мнѣ ненависть къ человѣчеству; но я позналъ собственнымъ опытомъ, что вообще люди,

управляемые корыстолюбіемъ, суть горделивые бѣдняки, собранные въ общество либо политическими, либо духовными обманщиками. . . .

Сократъ.

Но ты самъ живешь среди народа подлаго и законопреступнаго. . .

Филоксенъ.

Я живу только съ Аспазіею: мой домъ замѣняетъ мнѣ цѣлую вселенную.

Сократъ.

Въ свѣтѣ только одна Аспазія — и очень не много Философовъ. Не будемъ ставить себѣ за образецъ случаи чрезвычайные. Естьли бы надлежало тебѣ управлять народомъ — скажи, какъ бы ты не допустилъ его сдѣлаться обманщикомъ, или обманутымъ?

Филоксенъ.

Нечувствительно я разположилъ бы его жить по моему; сперва сталъ бы дѣлать добро собственно для себя, потомъ для счастія моихъ подданныхъ.

Сократъ.

Вотъ ты уже отступаешь отъ своего правила — будто люди управляются только своимъ интересомъ. Желаю тебѣ имѣть подданныхъ добрыхъ и послуш-

ныхъ, паче же раболѣпныхъ; но они могутъ разсуждать — и всякой по своему. Большая часть скажетъ: „За чѣмъ у насъ Государь? выбирали ль мы его? да и какое право имѣемъ поставить надъ собою Владыку? Сильнѣе ль онъ насъ со стороны физической? совершеннѣе ли со стороны нравственной?“ Другіе прибавятъ: „Свергнемъ же его съ престола: мы и сами, на его мѣстѣ, не хуже будемъ царствовать.“

Филоксенъ.

Въ такомъ случаѣ, я составилъ бы книгу законовъ, по примѣру Зороастра, Миноса и Солона. Пускай мои подданные слушаются не меня, а законовъ.

Сократъ.

Подумалъ ли ты, что говоришь? . . Люди станутъ жить по законамъ, предписаннымъ людьми же! . . По какому праву человѣкъ, мнѣ равный, смѣетъ налагать на меня оковы? Его законы годятся противъ нарушителей оныхъ; да и преступники не существовали бы безъ законовъ! Что за варварство дѣлать меня виноватымъ для того, чтобъ имѣть право казнить?

Филоксенъ.

Понимаю, что хочешь сказать. — Пожалуй, я согласенъ съ тобою, что для народа потребно учредить Богослуженïе: то есть, покрыть ихъ завѣсою суевѣрïя, дабы отнять возможность дѣлать зло, и подавить разсудокъ, чтобъ они не употребили во зло своихъ способностей. . . Но Философъ, любя справедливость, станетъ ли терпѣть заблужденïя? Онъ можетъ сохранить правосудïе, не сообразуясь съ народными предубѣжденïями.

Сократъ.

Филоксенъ! сколько разъ могъ бы я сразить тебя твоими же словами, естьли бы менѣе уважалъ тебя! Какъ! и ты совѣтуешь обманывать людей, а называешься добрымъ! Слово: *честность*, у тебя на языкѣ, а въ сердцѣ лукавство. . . Не думай, чтобъ я хотѣлъ насмѣяться надъ почтеннымъ человѣкомъ, которому могу дать наставленïе. Нѣтъ, любезный Филоксенъ! заблужденïе никогда не приносило пользы роду человѣческому; оно безславитъ и законодателя, отъ котораго изходитъ, и народъ, которой пріемлетъ его. Отъ чего напротивъ Религïя

дѣлаетъ насъ счастливыми? Отъ того, что служитъ основанїемъ всякой истины и началомъ всякой добродѣтели. Безбожїе выгодно для немилосердыхъ богачей, живущихъ въ свое удовольствїе, и для вельможъ, любящихъ притѣснять слабыхъ и не опасающихся наказанїя. Такова система тирановъ, которые, упитавшись злодѣянїемъ, на краю могилы призываютъ въ помощь свою — ничтожество.

Филоксенъ.

Сократъ! ты меня не увѣришь однимъ краснорѣчїемъ. Скажи пожалуй, съ чего взяли допускать бытїе Бога?

Сократъ.

Вся Природа проповѣдуетъ Его.

Филоксенъ.

Но самая Природа есть ничто иное, какъ слѣпое дѣйствїе причинъ невразумительныхъ. Слѣдовательно когда Оракулъ непонятенъ, то и провозвѣстникъ его таковъ же.

Сократъ.

Не суди рѣшительно тамъ, гдѣ должно, по крайней мѣрѣ, усомнишься. Отвѣчай, Филоксенъ: полагаешь ли какое нибудь различїе между травой, поростшей около этой темницы, и Сократомъ?

Филоксенъ.

Я не такъ глупъ, чтобы существо разумное смѣшать съ прозябеніемъ.

Сократъ.

По этому, судя о порядкѣ моихъ умствованій, ты предполагаешь во мнѣ здравой разсудокъ?

Филоксенъ.

Я самъ потерялъ бы разсудокъ, естьли бы сталъ сомнѣваться въ тебѣ.

Сократъ.

И такъ, за два или три философическіе довода, ты называешь человѣка существомъ разумнымъ — а удивительной порядокъ, царствующій во вселенной, приписываешь дѣйствію слѣпаго случая! — Углубись въ нѣдра земныя: увидишь, какъ Природа въ безмолвіи трудится надъ образованіемъ минераловъ и произведеніемъ травъ. Обозри поверхность земную: увидишь, что человѣкъ умный и свободный утѣшается добрыми дѣлами въ случаяхъ несчастія и болѣзни. Возведи взоръ свой къ небесамъ: увидишь, что свѣтоносные міры, въ различныхъ видахъ своихъ, никогда не отступали отъ круга движеній, имъ предписаннаго. — Ежели въ этомъ согласіи существъ ничего не

примѣчаешь, кромѣ нѣмой, механической работы — о Филоксенъ! для чего мнѣ приписываешь разумъ? Ласкать ли вздумалъ, или хочешь уязвить сатирою?

Филоксенъ.

Я ни Сатрапъ Персидской, ни Аристофанъ, а любитель истины. — Имѣю право предполагать въ человѣкѣ разумъ по тому, что самъ въ себѣ чувствую его, и могу даже опредѣлить; но что касается до Существа Вышняго, Оно непостижимо; и для того хочу быть безбожникомъ. Совѣстно назвать Богомъ какое нибудь скрытное и неизвѣстное качество.

Сократъ.

Позволь же обратиться мнѣ къ этой совѣстности, для которой дѣлаешься безбожникомъ. Скажи, хорошо ли бы я сталъ умствовать: „Не понимаю причинъ „прилива и отлива морскаго; слѣдова„тельно нѣтъ прилива и отлива. По „большой части, свойства веществъ мнѣ „неизвѣстны; слѣдовательно нѣтъ ихъ. „Я не посвященъ въ таинства рожденія; „слѣдовательно не буду никогда от„цемъ.“ — Безъ сомнѣнія, эта Логика покажется нелѣпою.

Филоксенъ! за тѣмъ, что не постигаешь Бога, ты отвергаешь бытіе Его! . . Пусть натура вещей останется неизвѣстна; но ежели зданіе существуетъ — надобно быть и Архитектору.

Филоксенъ.

Отъ чего же закралось во мнѣ сомнѣніе о Божествѣ, ежели Оно существуетъ отъ вѣка?

Сократъ.

Отъ того, что хочешь ограниченными своими понятіями разобрать всѣ іероглифы Натуры; имѣя только пять чувствъ, осмѣливаешься изслѣдывать ея таинства.

Не одни безбожники отвергаютъ то, чего не видятъ ясно. Въ Аѳинахъ есть Софисты, которые, не вѣря собственнымъ чувствамъ, утверждаютъ, яко бы матерія не существуетъ; называютъ тѣло какимъ-то призракомъ, и гнѣваются, что болѣзни изпровергаютъ ихъ безумную систему.

Филоксенъ! народъ ничего не изъясняетъ; Софистъ хочетъ все изъяснить; но Философъ старается разобрать нѣсколько строкъ древней рукописи Природы —

и ежели находитъ какія нибудь трудности, пѣняетъ только на себя самаго, но рукописи не раздираетъ.

Филоксенъ.

Сократъ! въ устроеніи мїра есть недостатки существенные, на примѣръ: зло моральное и физическое, въ чемъ никто не сомнѣвается. И такъ выбирая изъ двухъ причинъ, либо злую, либо слѣпую, хочу лучше приписать бытїе мїра случаю, нежели Богу, котораго надлежало бы мнѣ представить тиранномъ своего творенїя.

Сократъ.

Филоксенъ! давно уже рѣшена задача о произхожденїи зла физическаго. Какъ ты хочешь, чтобы вещество, ежечасно перемѣняющееся въ пріемныхъ видахъ своихъ, имѣло Божескую неизмѣняемость? Что касается до зла моральнаго, оно произходитъ отъ свободы человѣческой. — Первое не дѣлаетъ никакого впечатлѣнїя въ Философѣ; второе даетъ ему право на добродѣтель. Человѣкъ можетъ иногда въ жизни разстроиться, но при смерти все приходитъ въ свой порядокъ. . . Смерть! . . какую страшную мысль сїе слово должно возбудить

въ тебѣ? Что, ежели на краю могилы не найдешь чаемаго уничтоженія; ежели тѣло твое разрѣшится на стихіи, для того только, чтобы пробудить душу твою въ вѣчности? . . Ахъ, Филоксенъ! мнѣ пріятно думать, что ты не для преступленій хочешь освободить себя отъ угрызеній внутреннихъ, и что частное твое желаніе, обратиться въ ничтожество по смерти, не вовлекло тебя въ заблужденіе вѣрить системѣ уничтоженія; но ежели есть предвѣчный Благодѣтель рода человѣческаго, не ужаснешься ли, когда подумаешь, что умножишь собою число неблагодарныхъ? — Другъ мой! я отжилъ свой вѣкъ; скоро и ты кончишь поприще свое. Голова твоя посѣдѣла — ты близокъ къ разрушенію. Преклони колѣна предъ Существомъ Верховнымъ, да пріиметъ тебя на лоно Свое.

Ты любишь Аспазію — на что же хочешь изкопать бездну неизмѣримую между ею и собою? Аспазія! . . . Не знаю, какое-то предчувствіе объемлетъ меня . . . . слышу гласъ неложнаго моего Генія. . . . Трепещи, несчастный! скоро свѣтъ изчезнетъ для тебя; завѣса смерти закроетъ отъ глазъ твоихъ любимѣйшіе

предметы. Можетъ быть, черезъ нѣсколько дней черви будутъ глодать твое сердце. . . . Ахъ! ежели добродѣтель умирающей Аспазіи была для тебя не больше, какъ незначущее движеніе оборвавшейся пружины; ежели ты, въ послѣдній разъ обнявъ супругу свою, не чувствовалъ желанія возродиться съ нею. . . . Филоксенъ, ты не любилъ ее! нѣтъ! ты не достоинъ срѣтить Бога на пути къ вѣчности!

(*Будетъ продолженіе.*)

XX.

ВОСТОЧНЫЯ БАСНИ.

1. *Ааронъ Рашидъ.*

Молодой человѣкъ жаловался Аарону Рашиду на клеветника, разпустившаго дурные слухи о его матери, и просилъ, чтобы дерзкой злоязычникъ строго былъ наказанъ. „Сынъ мой!“ сказалъ ему Ааронъ Рашидъ: „ты хочешь нанести матери своей болѣе оскорбленія, нежели подлый клеветникъ — хочешь заставить думать, что она не научила тебя прощать враговъ своихъ.“

2. *Два брата.*

Нѣкто небогатый человѣкъ имѣлъ двухъ сыновей. По смерти его, старшій сынъ вступилъ въ придворную службу, умѣлъ понравиться, и получилъ выгодное мѣсто при Государѣ. Младшій обработывалъ поле, оставленное отцемъ, и жилъ трудами рукъ своихъ. Старшій, увидясь съ братомъ своимъ, говорилъ: „Для чего ты не научился искуству нравиться и угождать людямъ? Тогда не было бы тебѣ нужды проливать потъ и платить дорогою цѣною за каждой кусокъ хлѣба.“ Младшій отвѣчалъ: „Для чего ты не принялся за плугъ и соху, чтобы работать вмѣстѣ со мною? Тогда не вздумалось бы тебѣ быть невольникомъ.“

3. *Видѣніе.*

Ааронъ Рашидъ видѣлъ во снѣ, будто нѣкій духъ перенесъ его въ адскую пропасть. Вступивъ туда, увидѣлъ онъ Дервиша и Калифа. „За что ты терпишь здѣсь наказаніе?“ спросилъ онъ Дервиша. — *За честолюбіе и гордость, свойственныя Калифу.* — „А ты за что осужденъ здѣсь мучиться?“ примолвилъ онъ, обратясь къ Калифу. — *За суевѣріе, приличное Дервишу.*

(*Изъ Fables orientales.*)

XXI.

СОКРАТЪ среди ЖРЕЦОВЪ.

Извѣстно, что казнь Сократова отсрочена была, радипраздниковъ народныхъ, на тридцать дней. И такъ Аѳины одолжены суевѣрію тою выгодою, что Сократъ жилъ для нихъ еще тридцать дней.

Обыкновенно жрецы торжествуютъ на сихъ праздникахъ: почему со всѣхъ сторонъ стеклись они проповѣдывать святость своей Религіи. Узнавъ объ участи Сократовой, каждый спѣшилъ въ темницу, привлечь его въ свою секту — и чтобы лучше ослѣпить Философа блескомъ церемоніи, нанесли къ нему пламенниковъ, кадильницъ и кумировъ.

Зданіе, въ которомъ Аѳиняне содержали преступниковъ, было столь обширно, что могло помѣщать всю священную чернь. Не надобно судить о сихъ великолѣпныхъ монументахъ Греціи по нашимъ тюрьмамъ, сырымъ и нездоровымъ, гдѣ преступники, отдѣленные другъ отъ друга однимъ промежуткомъ цѣпей, кажется, перехватываютъ заразительной воздухъ, и умираютъ тысячью смертей прежде, нежели казнь освободитъ ихъ навѣки отъ изтязанія законовъ.

Прежде всѣхъ вошелъ къ Сократу Халдейскій старецъ, имѣвшій на плечахъ золотой кумиръ щуки. „Аѳиняне! — воскликнулъ старецъ: — се „великій богъ Оаннъ, сотворившій землю „за 480 тысячь лѣтъ предъ симъ, и „пріявшій зракъ щуки, да тако удобнѣе „познается человѣками. Се простираетъ „къ тебѣ, съ высоты небесъ, безсмертныя свои жабры; вѣруй въ нее — и „почіешь въ мирѣ!“

Сократъ улыбнулся. — „Другъ мой!“ сказалъ онъ: „жалѣю о твоихъ сограждданахъ, ежели не имѣли они другаго „законодателя, кромѣ щуки. Ты успѣлъ „въ послѣдствіи обоготворить ее; но, по „моему мнѣнію, лучше сѣсть твое „новоизобрѣтенное божество, нежели „ждать отъ него милости! Жалкой „старикъ! ты носишь своего бога на „плечахъ, а я — моего въ сердцѣ. Мой „олтарь превосходнѣе твоего: поди отъ „меня прочь!“

Едва кончилъ Сократъ бесѣду съ Халдеемъ, какъ Египетскій жрецъ вошелъ къ нему съ бѣлымъ теленкомъ. „Сократъ! — сказалъ онъ: — се пре„емникъ бога Аписа, мною воспитываемый „ради спасенія Египтянъ! слыши восхи-

„тительныя мычанія его, возносящіяся „ко странамъ пренебеснымъ; се прорицанія его изображены на моихъ іероглифахъ! — Вѣруй въ него — и почіешь „въ мірѣ!“

„Обожатель Аписа!“ отвѣчалъ Сократъ: „не вѣрю, чтобы ты самъ понималъ мычаніе твоего небеснаго четвероногаго. Личная твоя польза велитъ „сберегать бытіе вола, подъ видомъ безсмертія. Какое отношеніе, въ глазахъ „умнаго человѣка, между жалкимъ воломъ, „жующимъ траву на олтаряхъ твоихъ, „и Существомъ безпредѣльнымъ, сотворившимъ міріады міровъ и съѣшилъ?

„Ежели твой Апись, Анубисъ и „крокодилы священные суть какъ бы аллегорическія существа, то по крайней „мѣрѣ будь умнѣе въ своихъ апологахъ. „Посмотри на Езопа: у этого добраго „Фригіянина скоты говорили гораздо „лучше, нежели у Ѳеологовъ Мемфійскихъ — самыя божества.“ . . .

Египтянинъ покраснѣлъ отъ сознанія укоризненной правды, и ушелъ въ уголокъ темницы съ своимъ бѣлымъ теленкомъ. Тамъ была подъ пару ему Вавилонская щука.

Между тѣмъ стражъ темничный разтворилъ всѣ двери — и Философа тотчасъ окружила толпа священныхъ шутовъ.

Одинъ игралъ съ лебедемъ Леды; другой гладилъ телицу Іо; третій разправлялъ перья орла Ганимедова.

Маленькой Негръ принесъ съ собою жука, который свято жузжалъ въ степяхъ Африканскихъ. Гишпанецъ привелъ чудотворную лань, славную по своимъ провозвѣстіямъ въ пользу Серторія.

Но всего соблазнительнѣе для Сократа были Вакханки, возсылавшія къ небесамъ молитвы въ такомъ положеніи, которое наиболѣе приличествовало для сладострастія — обнаженные Аугуры, празднующіе Люперкалы свои, и евнухи, Цибелы или Комбабы, съ торжествомъ показывающіе орудіе своего изкаженія.

„Я думалъ, что мнѣ дозволятъ еще пожить съ тобою“ — сказалъ Сократъ Платону — „но теперь . . . чувствую, что казнь моя начинается.“ — Сказалъ, и закрылся мантіею.

Между тѣмъ Іерофантъ славнаго храма Элевзинскаго скромно подошелъ къ наставнику Платона, и совѣтовалъ ему посвятить себя въ таинства Цереры,

для очищенія души своей отъ того грѣха, что онъ . . . Философъ!

„Добрый старикъ!“ отвѣчалъ Сократъ: „я не ставлю тебя наравнѣ съ „этими шарлатанами, которые живутъ „на счетъ заблужденій народныхъ.

„Въ таинствахъ твоего Богослуже„нія поставлено цѣлію — научить, что „Богъ единъ и душа наша безсмертна; „счастіе рода человѣческаго зависитъ „отъ принятія сихъ высокихъ догматовъ. „Но для чего все это — таинства? Ка„кая мнѣ нужда въ вашихъ испытаніяхъ, „когда хочу быть истолкователемъ При„роды? Совѣтую и тебѣ бросить пустые „обряды суевѣрія. Не завязывай глазъ „тому, кого хочешь просвѣтить: скажи „смѣло: *народъ! ты боготворишь лу„стые призраки!* и, естьли должно, „рѣшись по-моему умереть за правду.

„Анитъ и Ареопагъ сказали тебѣ, „что грѣшно быть Философомъ! Счастли„вы народы тѣмъ, что являются иногда „въ мірѣ сіи грѣшники! Безъ нихъ зара„зительное суевѣріе взяло бы силу и по„давило бы истинную добродѣтель. Во„преки жрецамъ скажу: надобно желать, „чтобъ у насъ было больше Философовъ, „а не гнать ихъ.“

Іерофантъ отошелъ прочь отъ Сократа, не показавъ вида оскорбленія. Ему не было никакой отъ того прибыли, чтобы считать Сократа — по примѣру Анита — преступникомъ. Іерофантъ былъ гражданинъ миролюбивый. Онъ повторялъ, въ слѣдъ за другими жрецами, клеветы на Философовъ, потому что самъ былъ жрецъ; но не бранился съ ними, потому что любилъ Философію.

Между тѣмъ жрецы мало по малу разходились по своимъ мѣстамъ. Скоро темница Сократова очистилась отъ скверноты кумировъ — и, по совершенномъ выходѣ служителей ихъ, паки содѣлалась храмомъ Божества.

Платонъ.

Любезный наставникъ! жаль, что ты потерялъ время въ разговорахъ съ лицемѣрами, могши лучше употребить его на просвѣщеніе сердецъ добрыхъ, но не образованныхъ. Не уже ли ты думалъ, что успѣешь поселить любовь къ истинѣ въ душѣ упрямаго изувѣра? Что подѣйствуетъ разумъ, когда подавлена чувствительность? какое общеніе между жреца и добродѣтели?

Ты издѣвался только надъ кумирами, а тебя станутъ обвинять въ оскорбленіи самаго Божества. Толпа благочестивыхъ невѣждъ, преданныхъ Аниту, не укоснитъ донести, что ты безбожникъ — и клевета, къ несчастію, оправдаетъ твое наказаніе!

Сократъ.

Знаю, что для нѣкоторыхъ фанатиковъ все равно: *быть совсѣмъ безъ вѣры*, или *не быть ихъ вѣры*! Польза жрецовъ требуетъ обезславить меня въ потомствѣ — но Платонъ останется на сторонѣ умирающаго Философа. Я доволенъ. Тебѣ завѣщеваю пещись о славѣ моей. Ежели бы весь свѣтъ называлъ меня виновнымъ, но ты скажешь противное — и я умру спокойно. Одобреніе Платона послужитъ въ глазахъ потомства свидѣтельствомъ всего рода человѣческаго.

Платонъ.

Долго я дивился, по чему невѣжды называютъ безбожникомъ деиста, иначе сказать, явнаго врага безбожію; но, испытывая людей, примѣтилъ, что умъ слабой и сердце легковѣрное способно ко всякимъ противорѣчіямъ. Не для того

гонятъ, чтобы наказать преступленіе; но для того выдумываютъ преступленія, чтобъ имѣть удовольствіе гнать. Такъ поступаютъ всѣ заводчики сектъ. . .

Сократъ.

Скажи лучше: фанатики, любящіе только *свою* вѣру. Они раздѣляютъ землю на двѣ части. Въ первой помѣщаютъ своихъ единовѣрцевъ; въ другой, остальную долю человѣческаго рода. Маленькая точка міра, въ которой они живутъ, кажется имъ единственнымъ, исключительнымъ предметомъ небесной милости — и сіи насѣкомыя, называющіяся ревнителями славы Божіей, изъ центра своей планеты мещутъ громы проклятія на всѣ точки окружности. . . .

Деизмъ, напротивъ, не вооружаетъ людей противъ людей, но паче связуетъ всѣхъ союзомъ мира и любви.

Платонъ.

Я согласенъ, что Философъ всегда предпочтетъ деизмъ суевѣрію; но простой народъ разсуждаетъ иначе, нежели Философъ. Отними капища, жрецовъ и приношенія жертвъ — отнимешь самаго Бога у трехъ четвертей рода человѣческаго.

Сократъ.

Другъ мой! отнимемъ у народа его заблужденія, и оставимъ при нихъ капища.

Платонъ.

Въ такомъ случаѣ, деизмъ будетъ составлять какъ бы *философическое* идолопоклонство?

Сократъ.

А развѣ Богослуженіе внѣшнее противно человѣку, живущему по закону Природы?

Платонъ.

А развѣ человѣку, живущему по закону Природы, нужно имѣть Богослуженіе внѣшнее? Что мы думаемъ сдѣлать жертвами нашей горделивой бѣдности? Фиміамы и колѣно-преклоненія умножатъ ли сколько нибудь славу Того, Кто управляетъ милїонами свѣтилъ?

Сократъ.

Нѣтъ, Платонъ! такъ называемое прославленіе Существа Вышняго доказываетъ только наше хвастовство. Богъ не имѣетъ нужды въ олтаряхъ и жертвоприношеніяхъ — но сіе Богослуженіе

нужно собственно для человѣка. Естьли бы я одинъ жилъ въ мірѣ, тогда довольствовался бы деизмомъ; но родившись для общежитія, имѣю въ виду другія обязанности. — Вошедши, на примѣръ, во храмъ, всегда думаю, что могу проповѣдывать несчастнымъ, окружающимъ меня: *ежели слитъ правосудіе на земли, то Вѣчный Судія не дремлетъ!*

Да, любезный другъ! естьли бы Законодатели не учредили Богослуженія общественнаго для напоминанія людямъ о Божествѣ, то я попросилъ бы тебя, непремѣнно ввести его въ свою Республику. Оно только возводитъ къ первобытной свободѣ сердца, порабощенныя предразсудкамъ. — При подножіи престоловъ Монаршихъ, народъ чувствуетъ токмо свое ничтожество; но въ храмѣ Бога, послѣдній рабъ можетъ быть равенъ своему Государю.

Платонъ.

Очень хорошо. Ты хочешь доказать, что Богослуженіе внѣшнее полезно для нѣкоторыхъ людей; но — необходимо ли оно вообще для человѣка? — Нѣсколько вѣковъ славится Лакедемонъ за-

конами Ликурга: слѣдуетъ ли изъ того, что во всей землѣ надобно портить нравы, для огражденія общественнаго спокойствія, и что всѣ Государи должны воспитывать подданныхъ своихъ по примѣру Спартанцевъ?

Сократъ.

Я считаю оскорбленіемъ Божества и подумать, что Богослуженіе полезно только *нѣкоторымъ*; ибо это изключеніе слишкомъ ограничило бы идею о Богѣ. Всеобъемлющій Повелитель мировъ распространяется на всю Природу.

Должно имѣть Богослуженіе внѣшнее по тому, что мы составлены изъ души и тѣла. — Хорошо быть деистами существамъ безтѣлеснымъ; но человѣкъ обязанъ и наружнымъ образомъ доказывать, что онъ *весь* — Божій.

Короче сказать: народъ грубый и чувственный мало занятъ Религіею, а больше торжественными обрядами. Безбожники отвергаютъ обряды сіи для того, чтобы считать себя въ правѣ не имѣть Религіи: но истинный Философъ сближается съ Богомъ посредствомъ Религіи, а съ людьми чрезъ обряды.

Платонъ.

Ты просвѣтилъ меня, великій мужъ! Твоя Философія любезна для сердецъ чувствительныхъ, и твое ученіе не похоже на глупости софистовъ, которые для того только отвергаютъ Богослуженіе внѣшнее, чтобъ отличиться отъ простаго народа, достойнаго, какъ они думаютъ, одного презрѣнія.

Скоро ты насъ оставишь, великій Сократъ! но твоя слава и благодѣянія, оказанныя роду человѣческому, не будутъ вмѣстѣ съ прахомъ твоимъ погребены во гробѣ. Аѳиняне выдутъ нѣкогда изъ своего заблужденія — и воздвигнутъ олтари Мудрецу, нынѣ приносимому въ жертву Анита. Тогда меньше стыдно будетъ и Юпитеру имѣть храмъ, когда раздѣляетъ съ нимъ честь сію — Философъ!

(*Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ.*)

XXII.

СМѢСЬ.

Два Кардинала укоряли Рафаеля за то, что на большой картинѣ, имъ писанной, лица Апостоловъ изображены красноватыми. „Не удивляйтесь этому, почтенные Отцы!“ — отвѣчалъ живописецъ, оскорбленный упрекомъ: „я написалъ Апостоловъ такими, каковы они теперь на небесахъ среди торжествующей церкви. Сія краска на лицахъ ихъ есть слѣдствіе стыда, чувствуемаго ими отъ того, что земные Пастыри худо управляютъ воинствующею церковію.“

*

Одинъ Дервишъ, оставивъ сословіе братій своихъ, вступилъ въ общество Мудрецовъ. — Какое находишь различіе между Мудрецомъ и Дервишемъ? спросилъ у него Садій. „И Дервишъ и Мудрецъ — отвѣчалъ онъ — плывутъ по большой рѣкѣ со многими спутниками; первый удаляется отъ товарищей, чтобы плыть на свободѣ, безъ всякой помѣхи, и скорѣе другихъ выдти на берегъ; а послѣдній плыветъ съ подвиж-

никами своими, безпрестанно на нихъ оглядывается, и часто протягиваетъ руку для подкрѣпленія ослабѣвшихъ отъ усталости.“

Англійскій сатирикъ, сидя въ кофейной, забавлялся на счетъ новыхъ Писателей. „Въ Сочинителяхъ нынѣшняго времени — говорилъ онъ — не видно ни здраваго смысла, ни слога, ни остроумія.“ Докторъ Гай, наскучивъ слушать новаго Зоила, сказалъ сидѣвшимъ около него: „Не огорчайтесь, государи мои, критикою сего насмѣшника: онъ не лучше отозвался бы и о древнихъ Писателяхъ, естьли бы зналъ имена ихъ.“

Спрашивали Кребильйона: для чего всѣ трагедіи его наполнены ужасными сценами? — „Корнель присвоилъ себѣ небо, а Расинъ землю — отвѣчалъ онъ: — мнѣ остался одинъ адъ, и я стремглавъ бросился въ него.“ — Сему же Трагику нѣкто предложилъ вопросъ: для чего онъ такъ страстно любитъ собакъ, что безъ нихъ не можетъ пробыть ни минуты? — „Я завелъ ихъ у себя съ тѣхъ поръ, какъ узналъ людей“ — отвѣчалъ онъ.

Г. Гено, славный Медикъ, проѣзжая глухимъ переулкомъ, остановленъ былъ толпою подозрительныхъ людей. „Отсторонитесь и дайте проѣхать сему Медику — закричалъ одинъ изъ нихъ: — я знаю его; онъ оказалъ намъ великую услугу, уморивъ лѣкарствами Кардинала Мазарина.“

*

Генрихъ IV, изъясняясь въ любви своей къ Катеринѣ Роганъ, убѣждалъ ее оставить непреклонность. „Богатства у меня столь мало, что не могу быть вашею супругою — отвѣчала она: — а любви къ добродѣтели столь много, что никогда не соглашусь быть вашею любовницею.“

*

Одинъ Неаполитанской дворянинъ *четырнадцать* разъ выходилъ на поединокъ противъ тѣхъ, которые увѣряли, что Дантъ ничѣмъ не лучше Аріоста. Не смотря на то, сей ревностный защитникъ Дантовъ, лежа на смертномъ одрѣ, часто произносилъ съ глубокимъ вздохомъ: „какъ жаль, что я не читалъ ни одного изъ сихъ Стихотворцевъ!“

*

Лессингъ, Нѣмецкій Стихотворецъ, часто напивался до-пьяна. Однажды, возвращаясь отъ пріятеля и едва передвигая ноги, упалъ онъ посреди улицы. Прохожіе, обступивъ его, начали смѣяться; но Поэтъ, съ покойнымъ духомъ взглянувъ на нихъ, сказалъ: „Вино сильнѣе воды, друзья мои! въ этомъ признаются и самые враги его. Вода опрокергаетъ домы, вырываетъ дубы; чемужъ дивиться, естьли вино подкосило мои ноги?“

*

Шутъ Елисаветы, Англійской Королевы, долго не смѣлъ показываться во Дворецъ. Смѣлость его раздражила Елисавету. Наконецъ позволено ему было явиться. „Еще ли ты станешь укорять насъ въ слабостяхъ?“ сказала ему Королева. „Нѣтъ, Ваше Величество!“ отвѣчалъ шутъ: „не мое дѣло повторять то, о чемъ говоритъ цѣлой городъ.“

(*Изъ Choix d'anecdotes, anciennes et modernes.*)

XXIII.

СМЕРТЬ СОКРАТА.

Утренній свѣтъ начиналъ озарять темницу Сократову. Злосчастный Мудрецъ провелъ всю ночь въ размышленіяхъ о безсмертіи души. Ксантиппа, жена его, не сводила томныхъ и орошенныхъ слезами глазъ своихъ съ мужа, которому столько досадъ причиняла въ жизни. Передъ тѣмъ, какъ ей надлежало лишиться Сократа, и она почувствовала, какого великаго мужа теряетъ. Маленькой сынъ почивалъ у ногъ ея, разметавши свои ручонки — одну на колѣни матери, другую на оковы родителя. Вдругъ отворяются двери; входитъ Филоксенъ. „Сократъ!“ — сказалъ сей непоколебимый безбожникъ: — „я при„шелъ посмотрѣть, какъ ты умирать „станешь. Друзья твои ничего не успѣли „выработать; чаша яда уже готова, и „ты долженъ умереть!“

При семъ ужасномъ словѣ Ксантиппа хотѣла приподняться — и снова пала на землю. Испуганное дитя вдругъ проснулось, и протянуло свои ручонки къ отцу. Сократъ не можетъ противиться

природѣ, но не побѣждается скорбїю...: онъ не робѣетъ за себя, но приходитъ въ умиленїе отъ сей разительной картины; несетъ встревоженное дитя къ матери, дабы хотя дѣтскїя ласки привели въ чувство жену его; потомъ, разтворивъ окно, освѣщенное первыми лучами солнца, сказалъ: „Дайте мнѣ, въ „послѣднїй разъ, насладиться зрѣлищемъ „Природы!“ и немного помолчавши, воскликнулъ: „Свѣтило дневное уже не „закатится болѣе для Сократа! Молю „Всевышняго, да повелитъ возстать ему „нѣкогда для Филоксена!“

Въ сїю минуту входитъ стражъ (*satellite des onze*) по обычаю, снять съ заключеннаго оковы. Сократъ сѣлъ на скамью и легонько началъ оттирать ногу, изнемогшую отъ тяжести оковъ. — „Было больно — сказалъ онъ — „а теперь такъ легко!.. Хорошо, „естьли бы Платонъ взялся доказать, „что боль не разлучна съ прїятностїю. „Однако же друзья мои не йдутъ. Вчера „предупредили они восходящее солнце: „не уже ли грустнѣе видѣть со стороны, „какъ умираетъ человѣкъ, нежели са„мому умереть?“

Ксантиппа, пробужденная какъ бы отъ смертнаго сна, жалобными воплями оглашала темницу, взывала къ Юпитеру, прижимала къ трепещущей груди своей милаго сына — и проклинала Анита.

Является Платонъ, сопрогождаемый свитою Философовъ: увидѣвъ Сократа, испускаетъ болѣзненной стонъ и закрывается мантіею. Дружина его, разсѣявшись по темницѣ, въ безмолвіи утѣшаетъ Ксантиппу пролитіемъ слезъ вкупѣ съ нею, и ласкаетъ малютку, которой невинно игралъ въ углу отцовскими цѣпями. Одинъ токмо Филоксенъ не трогался съ мѣста и ни съ кѣмъ не входилъ въ разговоръ. Въ этомъ случаѣ онъ похожъ былъ на Скиѳа, пришедшаго въ Аѳинской театръ посмотрѣть Софокловой трагедіи.

Сократъ, неколеблемый толикимъ смятеніемъ друзей своихъ, подходитъ къ стражу темничному, и помогаетъ ему приготовить ядоносной порошокъ. Послѣ чего обращается къ Философамъ: „Ну что же, друзья мои! станемъ ли „сего дня продолжать вчерашній разговоръ „о безсмертіи души нашей?“

„Какъ!“ воскликнулъ Платонъ: „и Анитова душа безсмертна?“ Сказалъ — и паки закрылъ лице свое мантïею.

„Безъ сомнѣнïя! отвѣчалъ Кевесъ: „безсмертны души Титïевъ, Танталовъ „и Атреевъ. Судьбы Провидѣнïя должны „оправдаться казнïю убïйцы Мудрецовъ!“— Говоря сïе, Кевесъ печально бродилъ по темницѣ, и по временамъ издавалъ несвязные клики отчаянïя.

„Любезные!“ — говорилъ Сократъ: — „не помрачайте славы умирающаго друга „вашего. На что слишкомъ тягчить „Анита ужасомъ вѣчнаго мщенïя? Я по„кушался отнять у него мнимыхъ бо„говъ, которыми онъ ослѣплялъ народъ— „Анитъ сталъ за себя, и успѣлъ отнять „меня у друзей моихъ. . . Этого тре„буетъ порядокъ вещей. Естьли бы я „умеръ на постелѣ въ Аѳинахъ, не было „бы фанатизма, и Анитъ не былъ бы „Анитомъ.

„Знайте, что я, положивши въ „мысляхъ сокрушить олтари суевѣрïя, „рѣшился умереть. Я сказалъ самъ себѣ: „пускай казнятъ меня; не убоюсь гово„рить правду . . . и велико ли съ моей „стороны пожертвованïе, когда семи„десятилѣтнïй старикъ, котораго бытïе

„начинало быть въ тягость отечеству,
„смертію постраждетъ за Истину?

„Нѣтъ, Кевесъ! не постыжду моей
„Философіи малодушіемъ. Лучше хочу
„быть жертвою въ той Религіи, кото-
„рая прощаетъ, нежели убійцею въ той,
„которая казнитъ.

„Приму ядъ — и не произнесу ни
„единыя хулы на Аниша. Одни токмо
„преступники проклинаютъ судей своихъ,
„а сердце мое говоритъ, что я не вино-
„ватъ: ибо вы меня любите.“

Между тѣмъ ядъ былъ приготовленъ — и стражъ наполнялъ чашу смертнымъ питіемъ. Отчаянная Ксантиппа бросилась на стража, изхитить изъ рукъ его роковой сосудъ; но Сократъ успѣлъ удержать. „Любезная!“ говорилъ онъ: „не давай торжествовать Аниту!
„Твое усердіе ко мнѣ, во всякое другое
„время, почелъ бы я за героизмъ, но
„здѣсь оно преступленіе. . . Оставь меня
„съ друзьями . . . не отравляй послѣд-
„нихъ минутъ жизни моей твоею горе-
„стію. . . Поди вонъ. — Мы увидимся
„нѣкогда. . . Ксантиппа! вѣрь мнѣ,
„увидимся!“

Тогда онъ обнялъ Ксантиппу — и, по данному знаку, Критонъ вывелъ ее изъ темницы.

Философу труднѣе было разставаться съ сыномъ. Милой ребенокъ ухватилъ ручонкою отца за шею, а другою отталкивалъ невольника, хотѣвшаго унесть его къ матери; требовалъ помощи у друзей отцевскихъ, называя каждаго по имени — и друзья только-что плакали, вмѣсто отвѣта . . . Сократъ, видя, что Философія борется въ немъ съ чадолюбіемъ, отдалъ дитя на руки Платону. „Тебѣ, любезный другъ — сказалъ онъ — тебѣ завѣщеваю моего сына. Будь ему вмѣсто отца — и ежели сынъ мой будетъ похожъ на тебя — онъ ничего не потеряетъ моею смертію.“

Платонъ вышелъ вонъ съ малюткою, отдалъ сей священной залогъ матери — и вошелъ опять въ темницу.

Между тѣмъ часъ совершенія казни наступилъ: молчаливый стражъ подошелъ къ Сократу съ цикутою. — „Понимаю! воскликнулъ Мудрецъ: надобно умереть . . . подай, любезный, эту *чашу безсмертія*!“ . . .

Вся дружина Сократова обратила на него взоры — и едва переводила дыханïе; даже холодный ФилоксенЪ начиналЪ одушевляться. . . Уже СократЪ приближилЪ кЪ устамЪ своимЪ смертное питïе — вдругЪ съ сильнымЪ стукомЪ разтворяются двери темничныя: входитЪ грозный АлкивïадЪ, ведя за собою нѣсколько человѣкЪ, вооруженныхЪ скрытными кинжалами.

Алкивïадъ.

СократЪ! я хочу избавить отечество отЪ раскаянïя. Ты свободенЪ . . . мое оружïе лучше защититЪ правду, нежели АреопагЪ!

Сократъ.

Безразсудный юноша! за что хочешь обезславить послѣднïя минуты жизни моей? ВЪ твоей ли волѣ не допустить меня умереть?

Алкивïадъ.

Умри — ежели такЪ надобно — токмо, какЪ Герой, на полѣ сраженïя, а не какЪ преступникЪ, въ темницѣ.

Сократъ.

Что до того, на брани ли умру для пользы отечества, или въ оковахЪ?

Всякому свой жребій. Леониду назначено было погибнуть, для спасенія сограждан, при Термопилахъ, а мнѣ — въ этой темницѣ.

Алкивіадъ.

Такъ ты не боишься помрачить славу свою безчестною казнію? . . Вообрази, что клевета начертаетъ на мѣди твоего гроба вымышленныя злодѣянія; законы подкрѣпятъ ихъ — и потомство повѣритъ. . .

Сократъ.

Нѣтъ, Алкивіадъ! потомство не захочетъ унизить меня тѣмъ, что я принялъ ядъ. При мнѣ останутся друзья; душа моя возродится въ нихъ; потомство узнаетъ мою невинность — и отомститъ за меня. . .

Алкивіадъ.

Непостижимый человѣкъ! и ты самъ связываешь мнѣ руки! . . ты не хочешь больше жить!

Сократъ.

Алкивіадъ! не смѣю безъ причины переступать за рубежъ моей жизни. Естьли бы Судьбою назначено мнѣ было

еще жить — я не спѣшилъ бы сократить долготы дней моихъ; но отечество повелѣваетъ мнѣ кончить бытіе; повинуюсь охотно. Черезъ часъ меня уже не будетъ.

Отечество! . . кажется, оно вѣщаетъ, сквозь глухія стѣны темницы, къ пылкому Алкивіаду: *Безразсудный! кто поставилъ тебя судіею между Сократомъ и мною? Мечь брани долженъ ли сокрушать мечь законовъ? Оставь оружіе, и помни, что ежели станешь вновь судить виноватаго, мною уже осужденнаго, тогда мнѣ должно будетъ наказать двухъ виноватыхъ!*

Алкивіаду.

Сократъ! твоя добродѣтель губитъ меня. Пей свой ядъ . . . ахъ! я не переживу твоей потери!

* * *

Тогда Алкивіадъ бросилъ оружіе, и приказалъ соучастникамъ своимъ удалиться. Сократъ заключилъ его въ объятія; все стало покойно въ темницѣ.

За симъ разительнымъ явленіемъ наступаетъ глубокое молчаніе. Напуганный стражъ, собравшись нѣсколько съ духомъ, паки приближается: Сократъ

беретъ сосудъ, взглядываетъ съ умиленіемъ на дружину свою — и пьетъ.

Искуство отравлять ядомъ не было еще тогда доведено до совершенства. Спустя много столѣтій убійца Британника научилъ Локуста положить одну минуту въ промежутокъ между жизнію и послѣднимъ вздохомъ. Сократъ принужденъ былъ ходить долго, чтобы ядъ подѣйствовалъ. Тогда онъ утѣшалъ друзей своихъ, и каждаго по очереди.

Нѣтъ! говорилъ Сократъ Платону: *я не чувствую еще зла, которое мнѣ хотѣлъ сдѣлать Анитъ.* — *Любезный юноша!* сказалъ Алкивіаду: *на полѣ брани такъ спокойно не умираютъ.* — Потомъ обратился къ Филоксену: *сталъ ли бы я равнодушно умирать, естьли бы Богъ не взиралъ на меня?*

Между тѣмъ колѣна его подгибались: съ трудомъ могъ онъ добрести къ постелѣ, и еще говорилъ о безсмертіи до тѣхъ поръ, пока голосъ его началъ прерываться. Скоро Сократъ ослабѣлъ и — потерялъ дѣйствіе нѣкоторыхъ чувствъ. . . *Платонъ!* сказалъ Философъ черезъ минуту: *я не вижу тебя больше — но желалъ бы тебя послушать.*

Нѣжный ученикъ едва переводилъ самъ дыханіе . . онъ могъ только пожать руку своего Наставника. Кевесъ напечатлѣлъ на ней горячій поцѣлуй; Сократъ паки разкрылъ глаза. *Теперь я ближе къ богамъ, нежели къ человѣкамъ!* Это были послѣднія слова его. Начались консульсіи — вдругъ Сократа не стало.

Алкивіадъ бросается на хладное тѣло друга своего, съ жаромъ прижимаетъ его къ сердцу, и видя, что слезы его наводняютъ бездушной трупъ, паки предается бѣшенству. „Аѳиняне! восклицаетъ раздраженный юноша: такъ-то поступаете съ Мудрецами, дѣлающими вамъ честь! Что мнѣ пользы въ вашихъ законахъ, ежели они, покровительствуя мнѣ, подавляютъ моего просвѣтителя! Да погибнутъ жрецы ваши подъ развалинами капищъ своихъ! да поглотитъ бездна преизподняя вашъ Ареопагъ! Нога моя да не покроется перстію земли, которую попираетъ законопреступный Анитъ! . . Персія будетъ моимъ отечествомъ. . . Не столько страшенъ деспотизмъ потомства Ксерксова, какъ вольность Республики, погубившей Сократа.“

Послѣ всѣхъ вышелъ изъ темницы Филоксенъ. *Признаюсь*, сказалъ онъ, *что исповѣдующій Бога быть можетъ великимъ человѣкомъ.*

(*Взято изъ Philosophie de la Nature.*)

XXIV.

БУГУРОВЫ МЫСЛИ.

Ежедневный опытъ доказываетъ, что воспоминаніе прошедшаго благополучія дѣлаетъ живѣйшимъ чувство настоящаго несчастія. Сенека, вопреки сему мнѣнію, утверждаетъ, что злосчастнѣйшій человѣкъ есть тотъ, съ кѣмъ никакого несчастія не случалось.

*

Добродѣтель есть внутренняя красота, а красота — наружная добродѣтель.

*

Деньги суть добрые слуги, но худые господа.

*

Люди, управляющіе судьбою другихъ, подобны тѣламъ небеснымъ, которые имѣютъ много блеску, но за то бываютъ въ безпрестанномъ движеніи.

❁

Живя съ людьми, помните, что Богъ взираетъ на васъ; бесѣдуя съ Богомъ, думайте, что люди внимаютъ словамъ вашимъ.

❁

Естьли вы, при удовлетвореніи жизненныхъ потребностей, соображаетесь съ Природою, то никогда не будете бѣдны; естьли же нужды ваши управляются людскимъ мнѣніемъ, то никогда не разбогатѣете.

❁

Добрый человѣкъ, обвиненный клеветою и обремененный оковами, не лишится славы своей и въ стѣнахъ мрачной темницы. Мѣсто, гдѣ былъ Сократъ, гонимый злобою, превратилось изъ темницы во святилище" — сказалъ Сенека.

❁

Лукіанъ говоритъ, что дѣла великихъ людей составляютъ самый лучшій ихъ панегирикъ. Воатюръ утверждаетъ,

что гораздо пріятнѣе слышать похвалу изъ устъ народа, нежели отъ Стихотворцевъ.

❁

Кто скрывается въ уединеніе, тотъ, по мнѣнію Аристотеля и Бакона, есть или Богъ, или дикой звѣрь.

❁

Благодѣянія — естьли вѣрить Тациту — пріятны бываютъ только тогда, когда мы въ состояніи платить за оныя; но естьли онѣ простираются слишкомъ далеко, то нечувствительность заступаетъ мѣсто благодарности.

❁

Какъ несчастливъ тотъ, кто не знаетъ, чего желать, и кому со всѣхъ сторонъ угрожаютъ опасности!

❁

Фортуна, по мнѣнію Канцлера Бакона, продаетъ за дорогую цѣну нетерпѣливымъ людямъ то, что со щедростію раздаетъ тѣмъ, которые безъ роптанія и съ терпѣніемъ ожидаютъ ея милостей.

(*Изъ Bibliothèque des Ecrivains François.*)

XXV.

МЫСЛИ СЕН-ЭВРЕМОНА.

Заблужденія сердца гораздо опаснѣе заблужденій, производимыхъ воображеніемъ. Послѣднее доводитъ насъ до дурачествъ, которыя при помощи размышленія могутъ быть поправлены; но сердце влечетъ насъ къ злу, и заставляетъ любить его вопреки совѣтамъ здраваго разсудка.

❋

Добродѣтели счастливаго человѣка легки и пріятны; добродѣтели злосчастнаго трудны и скучны. Первый безъ принужденія предается добродѣтелямъ своимъ; а послѣдній, изъ любви къ нимъ, долженъ многимъ жертвовать.

❋

Тотъ жалокъ, кто ищетъ горестей въ будущемъ; одно воззрѣніе на сію бездну удобно привести въ ужасъ неустрашимаго героя. Человѣкъ, наслаждающійся настоящими благами, знаетъ тайну, рѣдкимъ изъ земнородныхъ извѣстную.

❋

Всѣ дѣла наши имѣютъ единственнымъ своимъ предметомъ удовольствіе. Безъ него самые дѣятельные люди сдѣлались бы лѣнивыми. Одно удовольствіе побуждаетъ насъ пускаться на всѣ опасности; оно приводитъ въ движеніе всѣ тѣла, управляетъ всѣмъ міромъ.

*

Есть нѣчто геройское въ великой щедрости и въ великой храбрости. Сіи двѣ добродѣтели похожи одна на другую тѣмъ, что первая возноситъ душу выше пристрастія къ богатству, а послѣдняя забываетъ думать о сбереженіи жизни. Но какъ скоро здравый разсудокъ отказывается управлять ими, то одна ведетъ за собою нищету, а другая сопровождается преждевременною смертію.

*

Грековъ называли *отцами мудрости* по тому, что отечество ихъ изобиловало превосходнымъ виномъ; древняя слава сихъ народовъ померкла съ тѣхъ поръ, какъ виноградные сады ихъ разорены Турками!!

(*Оттуда ж.*)

XXVI.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО ПИСЕМЪ,

Фридерика Великаго и Г-на. Вольтера.

Отъ Короля.

Потсдамъ, 9го Октября, 1773.

СЪ прискорбїемъ усматриваю, сколько сдѣлало различїя между нами двадцать лѣтъ разлуки! — Еще воображенїе ваше представляетъ меня молодымъ человѣкомъ, имѣющимъ *l'air à la danse*; но естьли бы теперь взглянули на меня, нашли бы дряхлаго и немощнаго старика. Каждой день теряю часть бытїя моего, и непримѣтно подвигаюсь къ жилищу тѣней.

Наблюдатели замѣчаютъ, что большая половина Героевъ подъ старость завираются; а Ученые напротивъ. Великїй Конде, Малборугъ, Принцъ Евгенїй испытали собственнымъ примѣромъ, что мыслящая часть пропадала въ нихъ прежде, чѣмъ чувствующая. Увы! и мнѣ также не миновать сей участи, хотя правда и не имѣю подобныхъ имъ дарованїй. Между тѣмъ Аттикъ, Гомеръ, Варронъ, Фонтенель и другїе славные мужи достигли глубочайшей старости,

не испытавъ слабостей возраста. Желаю вамъ превзойти всѣхъ ихъ долготою жизни и учеными трудами.

Обращаюсь теперь къ Польскому Королю, о которомъ вы упомянули въ послѣднемъ письмѣ. Знаю, что вся Европа приписываетъ раздѣлъ Польши моимъ политическимъ видамъ; но это несправедливо. Послѣ всѣхъ безполезныхъ предложеній о мирѣ, не было другаго средства избѣжать войны, какъ приняться за раздѣлъ. Наружность обманчива, а Публика судить не умѣетъ иначе.

Не дивитесь, что не мѣшаюсь въ брань съ жителями Востока. Мое дѣло содѣйствовать Россіянамъ вспомогательными деньгами; и вы должны знать, что союзныя Державы не обязываются въ одно время деньги давать и войско ставить. Сверхъ того отказываюсь отъ войны лично изъ любви къ себѣ.

Я читалъ въ Энциклопедіи статью о *войнѣ*, и содрогнулся. „Государь, кото„рый одѣваетъ солдатъ своихъ въ тол„стые, темнозеленые мундиры съ бѣлою „тесьмою на шляпахъ, и поворачивая ихъ „то на право, то на лѣво, — не къ „славѣ командуетъ маршъ, когда водитъ „за собою толпу *бездѣльниковъ*, *отъ*

„*нужды записавшихся въ солдаты*, для „того, чтобы прикрыть честнымъ име„немъ ремесло разбойничье.“ Развѣ позабыли вы, что война есть *бичь*, *язва*, *сколище всѣхъ злодѣяній*? Вы можете видѣть, что всякой благомыслящій человѣкъ, начитавшись толь мудрыхъ правилъ въ Энциклопедіи, долгомъ почтетъ уклониться отъ тѣхъ прилагательныхъ именъ, которыя приличны только подлецамъ.

Впрочемъ бываетъ война и законная, хотя вы сего не допускаете. Подъ словомъ *законной* разумѣю оборонительную. Положимъ, что властители Турціи суть варвары, а Греція, самая жалкая страна, стонетъ подъ игомъ невѣждъ. Не забудьте и того, сколь несправедливо поступилъ Ареопагъ съ Сократомъ, а Аѳиняне съ своими Пелархами (Адмиралами), которые, выигравъ сраженіе на морѣ, не смѣли во время бури похоронить своихъ мертвецовъ.

Сами говорите, что Греки, можетъ быть, въ наказаніе за свои преступленія порабощены варварамъ. По чему я знаю, кончился ли срокъ покаянія ихъ, или надобно ему еще продолжиться нѣсколько времени? Дерзну ли я, прахъ

и пепелъ земный, прошивиться предвѣчнымъ судьбамъ Всевѣдущаго? Вотъ сколько убѣжденій, съ моей стороны, спарашься о продолженіи мира! . . Безразсуденъ тотъ, кто произвольно вызовется лишать себя покоя. Вы думаете, будто я не въ силахъ драться? Нѣтъ. Не воюю для того, что увѣренъ въ силѣ Россійскихъ войскъ, которыя и однѣ могутъ счастливо кончить войну. — Легкой толчокъ, данной арміи Румянцова, ничего не значитъ въ связи побѣдъ, которыми знаменуются ратные подвиги Россіянъ.

Посмотрите, сколько я набросалъ вамъ воинскихъ сужденій! . . . . Прошу въ томъ прощенія у миролюбивой Философіи. Теперь пока еще я полу-квакеръ; а когда сдѣлаюсь Вильгельмомъ Пенномъ, неумолкно стану вопіять противъ *наемныхъ убійцъ, опустошающихъ землю.*

Въ надеждѣ на снизхожденіе ваше, пребываю, и проч.

Фридерикъ.

Отъ Вольтера.

Ферней, 28го Октября, 1773.

Всемилостивѣйшій Государь!

Гибертъ разсказываетъ мнѣ о Вашемъ Величествѣ, такъ какъ водится у всѣхъ удостоившихся видѣть Короля Прускаго, то есть, съ восторгомъ неизъяснимымъ. Онъ говоритъ, будто Ваше Величество въ состоянiи еще двадцать сраженiй выдержать. Боже насъ сохрани отъ этого! Однакожъ пожалуйте и не совсѣмъ противорѣчьте Гиберту. Онъ находитъ тѣло Ваше достойнымъ Вашей души; а Вы думаете о себѣ противное! . . . Правда, Гибертъ видѣлъ Васъ въ парадѣ; слѣдовательно могли Вы на тотъ разъ вытянуться по солдатски и принарядиться не хуже модной красавицы.

Государь! я не предлагалъ Вамъ двадцати кампанiй, а только двѣ или три, да и тѣ противъ враговъ имени Божiя, противъ истребителей изящныхъ Наукъ. Вы боитесь нашей Энциклопедiи? . . . . Я снова прочелъ въ ней статью о *войнѣ*, о которой Ваше Величество изволите упоминать. Признаюсь, она писана дерзко

и слишкомъ горячо отъ избытка любви къ человѣчеству; но смѣю присовокупить, что сіи порицанія относятся единственно на счетъ злочестивыхъ Сарацинъ, пришедшихъ отъ восточнаго края Каспійскаго моря даже къ Неаполю, и по дорогѣ завладѣвшихъ Святыми мѣстами и самымъ гробомъ Господнимъ. Короче сказать: я похожъ былъ, какъ двѣ капли воды, на глупаго Петра пустынника, проповѣдывавшаго Крестовые походы. Императоръ Римскій вѣрно не сталъ бы на меня жаловаться, потому что я однимъ почеркомъ пера дарилъ ему очень выгодную область; лѣтъ черезъ десять можно бы и Греческія Оперы играть въ Константинополѣ! Богъ не внялъ моимъ преднамѣреніямъ и не благословилъ Вашихъ оружій; по крайней мѣрѣ благословятъ Васъ Философы за то, что воздвигаете мавзолей Копернику въ такое время, когда Мустафа повелѣваетъ учиться Аристотелевой Философіи въ Стамбулѣ.

Хотя и просилъ я Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, воскресить въ Греціи свободныя Науки, но не заключалъ въ прозьбѣ моей возстановленія Аѳинской

демократіи (*народоправленія*). Не люблю видѣть верховную власть въ рукахъ черни . . . . Вы могли бы препоручить ее Вашему *Лентулу*, или другому Генералу, который былъ бы въ силахъ запретить нынѣшнимъ Грекамъ дурачиться по обычаю предковъ своихъ. Какъ бы то ни было, оставляю безъ исполненія всѣ мои планы.

Что же мнѣ теперь дѣлать? какую область подарить ЕКАТЕРИНѢ *Второй*, и при чемъ Васъ оставить? . . . Но это уже дѣло Вашего Величества.

Благословляю Васъ въ моей хижинѣ за то, что многихъ несчастныхъ вселяете въ Ваши области; благословляю Васъ при брегѣ блата моего за то, что осушаете Прускія болоты; благословляю Васъ съ моими земледѣльцами за то, что сему классу людей даруете свободу, возвративъ достоянїе человѣка! Много Чингисъ-Ханъ и Тамерланъ пріобрѣли земель оружїемъ; но сїи завоеватели грабили и опустошали, а Вы приводите ее въ лучшее состоянїе. Сомнѣваюсь, чтобъ они могли терпѣть Езуитовъ; а въ Васъ очень увѣренъ, что за-

ставите и Езуитовъ быть полезными обществу. Повѣствуютъ объ Антоніи, яко бы пріѣхалъ изъ Бринда въ Римъ въ колесницѣ, заложенной львами. Вы хотя и лисицъ впрягли въ свою, за то опутали ихъ веревками; а ежели нужда потребуетъ — не преминете навязать къ хвостамъ ихъ пучковъ зажженной соломы, по примѣру Самсона, и перевязавъ вмѣстѣ, пустить въ чистое поле.

Отъ Короля.

26 Ноября, 1773.

Г. Гибертъ видѣлъ меня черезъ призму, въ которой всякой предметъ кажется лучше. Нѣтъ, любезный другъ! я уже весь посѣдѣлъ и опустился. Только одинъ Вольтеръ не знаетъ старости... любимцы Аполлона долговѣчнѣе и здоровѣе Марсовыхъ. Изъ двадцати кампаній, которыя по милости своей жалуетъ мнѣ Гибертъ, пускаюсь только на одну — и это будетъ послѣдняя въ моей жизни.

Куда мнѣ старику, дряхлому и увѣчному, драться во Ѳракіи и Скиѳіи! Будьте увѣрены, что Императрица Всероссійская, изъ любви къ славѣ народа Своего, сама

въ состоянїи заключить выгодной миръ безъ помощи другихъ Державъ. — Ты, котораго, кажется, ничто не переживетъ, безъ сомнѣнїя хотѣлъ бы видѣть событїе великаго переворота въ Европѣ: припиши кротости Сѣверной Владычицы своей, ежели дѣло обойдется безъ всякаго шума. ЕКАТЕРИНА II не думаетъ, такъ какъ Карлъ XII, будто не иначе можно поручиться за прочность мира, какъ низложивъ врага съ престола. . . . Греки, за которыхъ вы столько хлопочете, до того, какъ говорятъ, унизили себя, что сдѣлались недостойными свободы. . .

Но скажите пожалуйте, какъ вамъ въ голову пришло возбуждать Европу къ войнѣ послѣ той брани, которую сыплете въ Энциклопедїи на людей военныхъ? Кому захочется добровольно подвергать себя проклятїямъ Патрїарха Фернейскаго и всей братїи Энциклопедизма? Кому прїятно взять на себя титулъ *вождя убїйцъ* и самому быть первому въ числѣ ихъ?

Нынѣ господа Философы вздумали мѣшаться въ управленїе Европою, такъ какъ Папы нѣкогда старались о ея порабощенїи. Думаю, что и Гибертъ въ состоянїи отказаться отъ своего ремесла,

по вашему головорѣзнаго, и посвятить себя въ Капуцины или Философы, для того, чтобы найти въ особѣ вашей сильнаго покровителя. Мудрено, что господа Философы не разошлютъ до сихъ поръ во всѣ концы вселенной миссіонеровъ для обращенія въ свою вѣру. Такимъ способомъ нечувствительно можно бы освободить Имперіи и Государства отъ всепожирающихъ армій, такъ что напослѣдокъ не съ кѣмъ было бы воевать! Въ наше время народъ и Государи стараются отвыкать отъ бѣдственной страсти, которая столько зла надѣлала въ свѣтѣ — и принимаются за Философію...

Я съ своей стороны сожалѣю, что не доживу до эпохи всеобщаго примиренія. Мои современники также достойны сожалѣнія, что родились имянно въ вѣкѣ тьмы, послѣ которой долженъ настать разсвѣтъ здравомыслія!...

Продолжайте любить меня, и наслаждайтесь мирно своею славою, чего усердно желаетъ вамъ Сансусійскій Философъ.

Фридерикъ.

Отъ Вольтера.

Ферней, 8го Декабря.

Всемилостивѣйшій Государь!

Одна Парижская красавица — о которой конечно и не думаете — воображаетъ, будто Вы прогнѣваетесь на меня за то, что я въ одномъ мѣстѣ предалъ Васъ дїаволу; а я увѣряю ее въ противномъ, въ той надеждѣ, что и самъ Веельзевулъ останется мною доволенъ. — Разумѣется, никто больще Вашего не похожъ на проворнаго бѣса, когда дѣло идетъ о изобрѣтенїи плана для войны, или о способѣ привести его къ исполненїю, или о поправленїи обстоятельствъ!

Правду сказать, совсѣмъ не люблю Вашего геройскаго ремесла; однако имѣю къ нему почтенїе. Не хочу мѣшаться въ сужденїе о Тактикѣ Гиберта. . . Я не знатокъ въ вещахъ сего рода . . . Знаю только то, что онъ считаетъ Васъ первымъ Тактикомъ; а я могу присовокупить и титулъ перваго Политика; ибо Вы успѣли прїобрѣсть очень хорошее владѣнїе, не убивши ни одного человѣка, и не только разжились теперь Епископствами и Аббатствами, не только сдѣ-

лались Генераломъ Езуитовъ, бывши Генераломъ отъ арміи; но копаете каналы, по примѣру Китайцевъ, для обогащенія областей, пріобрѣтенныхъ перомъ. . . . Что Вамъ остается теперь дѣлать? ничего больше, какъ жить и наслаждаться. . . .

Не оскорбитесь, Всемилостивѣйшій Государь, что сердечную питаю ненависть къ Вашему Цесарскому ремеслу. Цесарь, какъ сами изволите знать, всегда прощалъ врагамъ побѣжденнымъ: и Вы должны оказать мнѣ эту милость, позабавившись довольно на мой счетъ!

Больной старикъ Фернейской дѣлаетъ отъ пяти до шести родовъ поклоненій Вашимъ пяти или шести родамъ талантовъ и Вашей особѣ, всѣ сныя вмѣщающей.

Отъ Короля.

10го Декабря.

Справедливость требовала не допускать отчизну Коперника закоснѣвать въ невѣжествѣ, въ которое погрузила ее власть сильныхъ. У тирановъ всегда была главная цѣль стѣснять умы народа, для

того, что легче управлять невѣждами, нежели просвѣщенными.

Что касается до Польскихъ областей, ихъ не лвзя сравнить ни съ однимъ Европейскимъ Государствомъ. Это настоящая Канада. Много потребно времени и работы, чтобы возстановить въ нихъ порядокъ, о которомъ столько вѣковъ небрегла дурная Министерія.

Моленія ваши услышаны: Турки побиты Россіянами; Силистрія взята, и Визирь предался бѣгству отъ Адріанополя. Пускай дрожитъ теперь Мустафа въ своемъ Харемѣ! Можетъ быть, личное его несчастіе заставитъ подписать миръ, по обстоятельствамъ толико необходимый. Ежели побѣдоносное воинство Россіянъ пройдетъ въ Стамбулъ, я попрошу Императрицу, чтобы Она выбрала для васъ пригожую Черкашенку изъ Харема Султанскаго, которую черный евнухъ доставитъ въ Харемъ Фернейскій.

Супруга Ландграфа Дармштадскаго возвратилась изъ Петербурга — и не можетъ наговориться о полезныхъ учрежденіяхъ и планахъ ЕКАТЕРИНЫ. Гримъ и Дидеротъ проведутъ всю зиму тамъ же. Россійскій Дворъ соединяетъ въ себѣ великолѣпіе, празднества и тонкую вѣж-

ливость, а особливо Императрица безпримѣрна въ ласковыхъ пріемахъ, какіе дѣлаетъ чужестранцамъ.

Говоря о ЕКАТЕРИНѢ, могу ли перейти къ Езуитамъ? Я оставилъ ихъ у себя, единственно для образованія юношества. Папа обрубилъ имъ хвосты; слѣдовательно и не могутъ они служить Самсонскими лисицами для зажженія полей Филистимлянъ; къ тому же, въ нашей Силезіи нѣтъ ни отца Гиньяра, ни Малагриды. Нѣмцы не такъ пылки и отважны, какъ народы полуденные!.. Ежели всѣ сіи причины покажутся вамъ неудовлетворительны, то приведемъ еще одну: я обѣщалъ трактатомъ о Дрезденскомъ мирѣ — оставить неприкосновенными права Религіи, господствующей въ моихъ провинціяхъ. — Можно проказничать Государямъ Католическимъ, которыхъ Папа тотчасъ разрѣшаетъ отъ всякой клятвы и присяги властію, свыше ему данною; а я, не имѣя въ повелѣніяхъ своихъ Папы, обязанъ свято хранить данное слово...

Патріархъ Фернейскій да пріиметъ поклоненіе отъ Философа Сансусійскаго.

Фридерикъ.

Отъ Вольтера.

Декабря.

Всемилостивѣйшій Государь!

Не спросясь броду, я сунулся въ воду: разшевелилъ всѣхъ ученыхъ людей своимъ новымъ и страннымъ способомъ хвалить Героевъ — предая ихъ чорту (*). Это де сказано не безъ умыслу! — Мысль стихотворца Руссо: *Предъ лицемъ Сократа Александръ можетъ казаться послѣднимъ изъ смертныхъ*, по мнѣнію знатоковъ столько же груба, какъ и несправедлива. Въ самой вещи, не всякой изъ Циниковъ осмѣлится сказать знаменитому Греческому вождю, побѣдителю Азіи, мстителю за смерть Дарія, Герою, основавшему болѣе городовъ, нежели сколько Чингис-Ханъ истребилъ ихъ: *ты послѣдній изъ смертныхъ!* Но болѣзновать объ участи людей, страждущихъ отъ лютости войны, и въ

(*) Посланіе къ Королю Прускому, подъ названіемъ: *Тактика*, не понравилось Его Величеству. Во многихъ письмахъ примѣтно его неудовольствіе; а въ одномъ изъ нихъ Король явно досадуетъ на Автора.

то же время удивляться мастерамъ сего ремесла — пагубнаго, хотя и необходимаго — восхвалять Кировъ, Александровъ и Густавовъ, притворяясь, будто на нихъ сердишься — это всѣмъ вообще нравится.

Естьли бы надлежало мнѣ истребовать у Александра увольненія въ отпускъ нѣкоторому Греческому Офицеру, осужденному Ареопагомъ — стоило бы только послать къ Царю сочиненіе о *Тактикѣ*.

Въ древнія времена Парижской Парламентъ наблюдалъ правосудіе еще менѣе Ареопага — и Вы ни въ чемъ не уступаете Александру, котораго Ювеналъ и Буало бранятъ немилосердо.

Отъ Короля.

Потсдамъ, 29 Марта 1774.

Вы подобны въ краснорѣчіи славному Антонію, Оратору Римскому, которой умѣлъ и несправедливыя тяжбы выигрывать. Я вамъ очень благодаренъ за вашу *ненависть* ко мнѣ, прося и впредь продолжать ее, какъ единственное одолженіе, какое только можете мнѣ оказать.

Сей часъ получаю ваше письмо. Оно застало меня безъ подагры. Но я тѣмъ не меньше благодарю васъ за комплиментъ на счетъ моей болѣзни. Впрочемъ будьте увѣрены, что свѣтъ былъ до меня хорошъ, и послѣ меня останется таковымъ же. Что значитъ одинъ человѣкъ передъ милiонами существъ, населяющихъ мiръ сей? Царей и Князей всегда много, а Виргилiевъ и Вольтеровъ напротивъ.

Продолжайте не старѣться въ преклонности дней своихъ; питайте еще ко мнѣ свою ненависть; браните немилосердо людей военныхъ, защитниковъ отечества, и знайте, что это не помѣшаетъ мнѣ любить васъ.

P. S. Лейденской газетчикъ, видно, не очень жалуетъ меня. Онъ изволилъ разблаговѣстить въ Европѣ, будто я разшибся отъ паденiя съ лошади — чего и не бывало. У меня была только рожа.

Вотъ и добрый нашъ Лудовикъ скончался! . . Жаль этого. Онъ былъ очень хорошiй человѣкъ, кромѣ одной слабости, что былъ — Королемъ. Говорятъ, что буря скопляется надъ главою Филосо-

фовъ. . . . Стану спокойно ожидать въ моемъ уединенїи новыхъ произшествїй отъ новаго правленїя; стану удивляться всему, что будетъ достойно сей чести, и размышлять о томъ, что не заслуживаетъ удивленїя.

Отъ Вольтера.

Іюль, 1774.

Всемилостивѣйшїй Государь!

Не безъ причины Ваше Величество опасаетесь новыхъ перемѣнъ во Франціи отъ человѣка, который поручаетъ себя управленїю монаховъ. Не могу предвидѣть будущаго, но всего опасаюсь. Старики обыкновенно бываютъ робки: только Вы одни способны въ старости укрѣпляться мужествомъ; но и Фридерикъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ мы!

Правду изволите говорить, что въ добромъ Лудовикѣ можно назвать слабостїю — быть Королемъ. Онъ совсѣмъ не свое занималъ мѣсто — какъ то и со многими случается. Равнодушный ко всему постороннему, но гордый въ лич-

носпи, онъ никогда не могъ простить мнѣ того, что я промѣнялъ его Католическое Величество на другое, достойнѣйшее быть моимъ Государемъ; а мнѣ право и въ голову не приходило подумать, чтобы Король Французскій столько интересовался числомъ своихъ подданныхъ. Благоговѣю предъ памятію усопшаго, а Вамъ желаю жизни долговременной.

Отъ Короля.

Потсдамъ, 30 *Іюля.*

Оставьте въ покоѣ душу усопшаго Лудовика XV, хотя и выгналъ онъ васъ изъ отечества, а мнѣ объявилъ несправедливую войну! Позволительно чувствовать обиды, но надобно умѣть и прощать. Свирѣпая страсть мщенія не прилична Философу.

Я видѣлъ Офреня на нашемъ театрѣ въ роляхъ *Куси* и *Митридата*. Узнавъ, что онъ былъ въ Фернеѣ, тотчасъ я вошелъ съ нимъ въ разговоръ объ васъ. — Слова: онъ лежитъ въ постелѣ и страждетъ жестоко — огорчили меня; но прибавленіе: впрочемъ декла-

мируетъ сильно — совершенно успокоило меня.

Пока еще вы въ силахъ бранить воинское искуство, а по вашему: адское, то жизнь ваша не въ опасности; но какъ скоро перестанете гремѣть противъ защитниковъ отечества, героевъ, которые жертвуютъ здоровьемъ и всѣми любезнѣйшими сердцу наслажденіями пользѣ и невредимости согражданъ, тогда можно заключить о скорой кончинѣ вашей. И такъ, ежели сохранность Вольтера зависитъ отъ продолженія брани, которую сыплетъ онъ на людей военныхъ, то я охотно уступаю вамъ изключительное право веселиться на нашъ счетъ. Но представьте на минуту, что непріятель грозитъ вторженіемъ въ предѣлы Фернейскіе: — не назовете ли Ангеломъ своимъ хранителемъ того, кто для личнаго вашего спокойствія выгѣсняетъ врага изъ мѣста, пограничнаго вашимъ владѣніямъ?

Угадываю вашъ отвѣтъ. Скажете, что позволительно обороняться, но противно человѣчеству — нападать. По крайней мѣрѣ выключьте изъ общаго правила хотя исполнителей вышней власти. Ежели Тюрень и Лувуа огнемъ

истребили Фалц - графство, а Маршалъ Белиль осмѣлился дать совѣтъ, превратить Гессенъ въ пустыню — не увеличиваетъ ли это пятна Французской націи, которая въ жестокостяхъ своихъ доходила до варварства?

Прошу замѣтить, что Лудовикъ XV не принялъ совѣта Маршала Белиля — и въ этомъ превзошелъ Лудовика XIV.

Но къ чему это меня дернуло, войти съ вами въ политическіе разговоры? мнѣ ли снабжать мыслями Философа, который изъ уединеннаго кабинета обогащаетъ ими всю Европу? Сами чувствуете, что противъ войны, какъ противъ воздушной непогоды и бури, кричать не льзя, и что съ достоинствомъ Философа несообразно возставать противъ золъ необходимыхъ.

Отъ лихорадки просятъ у лѣкаря рецепта, а не сатиры на нее. — Ежели вы имѣете средство изцѣлить родъ человѣческій, сообщите и намъ; а ежели не имѣете, будьте по крайней мѣрѣ снисходительны.

Между тѣмъ ваши Рускіе Герои непрестанно учатъ смиренію гордаго Султана. Они читаютъ ваши сочиненія, а все таки идутъ на брань, и Императ-

рица — которую вы называете своею — выслала новой флотъ въ Средиземное море! . . Да и вы сами, въ двадцати письмахъ, совѣтуете мнѣ идти на Востокъ войною, противъ которой неумолкно вопіете въ своихъ сочиненіяхъ. Согласите, ежели можно, сіи противорѣчія, а о послѣдствіи насъ увѣдомьте.

Я читалъ стихи такъ называемаго Россіянина, писанные къ *Нинонѣ Ланкло*. Не льзя не видѣть въ нихъ мыслей Патріарха Фернейскаго, которому здравія и долгоденствія желаетъ *Философъ Сансусійскій*.

Отъ Вольтера.

16го Августа.

Всемилостивѣйшій Государь!

Я всегда былъ одного съ Вами мнѣнія. Вы изволили написать: *представь себѣ на минуту, что непріятель грозитъ вторженіемъ въ предѣлы Фернейскіе; не назовешь ли Ангеломъ своимъ хранителемъ того, кто сталъ бы защищать тебя?* И я въ своей *Тактикѣ* написалъ нѣчто подобное: „Какъ! ты ропщешь, что за тебя

„сражаются! Развѣ лучше будетъ, когда „бы какой нибудь Готѳъ сжегъ твои ни„вы, житницы и хижину? Добрый песъ „всегда нуженъ для обороны стада. — „Есть случаи, въ которые самая спра„ведливость требуетъ войны.“

Изволите примѣтить, что я разсуждаю очень близко къ образу мыслей извѣстнаго Героя нашего времени. Гжа. Дезульеръ говоритъ: *люди часто ссорятся изъ бездѣлки и кричатъ отъ того, что не хотятъ объясниться. . .*

Правда, мысли бѣднаго Философа, умирающаго при подошвѣ горъ Алпїйскихъ, не могутъ равняться мыслямъ извѣстнаго Владыки земнаго. Мы Философы проповѣдуемъ, по большой части, на вѣтеръ; а вы, Герои - Монархи, умѣете каждому слову своему дать вѣсъ и силу. . .

Сколько ни плачешь объ отечествѣ Гомера, доставшемся въ руки варваровъ Турокъ; сколько ни просишь Короля Прускаго, чтобъ онъ соизволилъ принять трудъ выгнать ихъ оттуда и водворить Алкивїадовъ — дѣла Европы не перемѣняютъ своего хода. За то ежели собственно Вамъ вздумается разпространить свои владѣнїя къ Востоку или

Западу; тогда только крѣпись . . . и горе тому, кто сталъ бы противиться!...

Посланіе къ *Нинонѣ* точно писано Рускимъ Графомъ Шуваловымъ, который воспитывался въ Парижѣ, и отъ природы украшенъ отличными дарованіями. За пятьдесятъ лѣтъ назадъ, не льзя было подумать, чтобы Руской писалъ хорошіе Французскіе стихи; но одинъ Сѣверный Государь проложилъ къ этому дорогу своимъ примѣромъ.

У насъ не давно явились письма покойнаго Милорда Честерфильда къ побочному сыну, котораго онъ любилъ, какъ Госпожа Севинье дочь свою. — Въ этихъ письмахъ упоминается о Васъ. Авторъ отдаетъ Вамъ всю справедливость, которой ожидаю отъ потомства.

Честерфильдъ заслуживаетъ уваженіе не по тому, что принадлежитъ къ той націи, которая не любитъ ласкать Государямъ, но по тому, что изо всѣхъ Англичанъ, можетъ быть, онъ только одинъ пишетъ съ величайшею пріятностію.

Всегда напоминаю себѣ, что главная моя страсть была прежде — нравиться Вамъ; а теперь счастливъ, ежели могу казаться *непротивнымъ*! . . . Все

пропадаетъ со временемъ. Чѣмъ больше чувствуемъ въ себѣ недостатковъ, тѣмъ становимся скромнѣе.

Вашъ старый почитатель.

Отъ Короля.

Потсдамъ, 1774.

Пишете ко мнѣ, что за счастïе почитаете быть хотя непротивнымъ; но я васъ люблю по прежнему, не смотря на маленькïя ваши невѣрности. Благодарю Судьбу за то, что родился при Вольтерѣ, а васъ прошу на сводообразныхъ раменахъ своихъ, подобно Атласу, поддерживать храмъ наукъ и ума человѣческаго.

Въ Природѣ все преобразуется. Египетъ и Грецïя погрузились во тьму невѣжества; болоты Римскïя потопили сады Лукулла, а Россïя начинаетъ производить источники просвѣщенïя. Въ мірѣ все можетъ случиться; а чего еще нѣтъ, то будетъ со временемъ.

Фридерикъ.

Отъ Вольтера.

8го Ноября, 1776.

Всемилостивѣйшій Государь!

Ваше Величество изволили прислать ко мнѣ очень рѣдкое сочиненіе (*), потому что въ немъ все — правда. Предоставляю Философу Даламберту изъявить также въ стихахъ свою благодарность Вашему философическому Величеству. Увы! не восемьдесятъ два года жизни моей препятствуютъ сказать Вамъ въ стихахъ, что Вы говорите правду, но горестное испытаніе собственнымъ примѣромъ того, что изволили писать въ прекрасномъ своемъ посланіи: *Отъ бѣды нигдѣ не укроется: одинъ плачетъ на престолѣ, а другой въ хижинѣ.*

Хотя я и не проливаю слезъ въ моей хижинѣ, разумѣется отъ того, что слишкомъ сухощавъ; по крайней мѣрѣ есть, о чемъ поплакать! Нѣкоторымъ людямъ вздумалось вырыть меня изъ могилы и пощипать за то, что я посмѣивался иногда на ихъ счетъ. Всѣ напасти, могу-

(*) Сіе сочиненіе должно быть въ стихахъ, но оно не отыскано.

шія случиться съ бѣднымъ созданіемъ, обрушились на меня вдругъ: тяжба, потеря имѣнія, болѣзнь, скорби душевныя. Истинно, я тотъ *другой*, который плачетъ въ своей хижинѣ. Но Вы, Всемилостивѣйшій Государь, совсѣмъ не изъ числа *однихъ*, которые плачутъ на престолѣ. — Случалось и Вамъ испытать несчастія: но съ какимъ мужествомъ, съ какою твердостію духа Вы пили чашу горести! . . Самыя искушенія напастей послужили Вамъ въ честь и славу. Не смѣю возвести глазъ моихъ къ Вашему Величеству изъ глубины нищеты моей. Не знаю и того, гдѣ дадутъ умереть мнѣ. Герцогъ Виртембергскій долженъ мнѣ небольшою суммою деньжонокъ, на которыя могъ бы я приготовить себѣ пристойное погребеніе. Бѣда, ежели умру, а онъ не заплатитъ! . . Не смѣю просить Ваше Величество о неоставленіи меня Вашимъ покровительствомъ; а лучше, естьли бы Вы соизволили поручиться за Его Свѣтлость.

Шутки на сторону. Богъ знаетъ, гдѣ меня похоронятъ. Бѣдной старичонка ни дать ни взять, какъ Іовъ, на своемъ Швейцарскомъ гноищѣ. Разница только въ томъ, что Іовъ оттерпѣлся,

и сталъ здоровъ и счастливъ; а я — увы! увы! . . . .

Навѣщалъ меня одинъ молодой Баронъ, или Графъ Саксонской, по имени (ежели не ошибаюсь) Жесдорфъ — человѣкъ любезный, вѣжливый и умный. Говорятъ, что Ваше Величество сами изволили воспитывать его для себя. Это и видно. Въ старыя времена Феникъ былъ наставникомъ у Ахиллеса, а нынѣ Ахиллесъ воспитываетъ Феникса.

Повергаюсь къ стопамъ Вашимъ.

Отъ Короля.

25го Ноября, 1776.

Письмо ваше очень огорчило меня. Не могу постигнуть причины сильныхъ безпокойствъ вашихъ. Изъ газетъ ничего не видно; въ донесеніяхъ изъ Женевы и Швейцаріи также ничего не говорятъ о васъ. Не знаю право, на что подумать?

Вы упоминаете о потерѣ какого-то иска. Но ваши владѣнія состоятъ по большой части въ Кадиксѣ, и я не думаю, чтобы юстиція Епископа Анесія простиралась такъ далеко! —

Я писалъ въ Виртембергъ, чтобы вамъ заплатили долгъ, и мнѣ отчасти извѣстной. Но предваряю васъ, что я не

въ большой силѣ у Двора Его Герцогской Свѣтлости! . . Удивляюсь самъ, съ чего вздумалось Судьбѣ назначить меня въ утѣшители Философовъ! Я отпускалъ всѣ мягчительныя лѣкарства моей фармакопеи страждущему Аламберту. Охотно бы и для васъ сдѣлалъ то же, естьли бы зналъ напередъ вашу болѣзнь. Гиппократъ пишетъ, что не должно пользовать больнаго на угадъ. Опишите свою болѣзнь; — аптека моя къ вашимъ услугамъ: но лучше, естьли бы вы не имѣли въ ней нужды!

Фридерикъ.

Отъ Вольтера.

Ферней, 9го Декабря, 1776.

Всемилостивѣйшій Государь!

Нѣтъ ничего мудренаго, ежели человѣкъ, непрестанно смѣявшійся надъ обманщиками и грабителями народа, подъ старость самъ попалъ въ ихъ когти; а то еще немудренѣе, что Маркъ-Аврелій нашего времени принимаетъ участіе въ судьбѣ стараго Эпиктета.

Беру смѣлость донести Вашему Величеству: по чему такъ долго не имѣлъ

счастія писать къ вамъ. Вопервыхъ, я вынужденъ былъ давать нѣкоторые отчеты оскорбленному духовенству.

Муравейникъ, которой я себѣ сдѣлалъ въ моемъ уединеніи, и на которой напали крысы Французскихъ финансовъ, былъ второю причиною моей печали и молчанія; а забвеніе стараго вашего питомца, Герцога Виртембергскаго, было третьею.

Въ хаосѣ маленькихъ дѣлъ, приводящихъ въ разстройство маленькія головы, я не смѣлъ писать къ Вашему Величеству по тому единственно, что боялся на старости проговориться . . Но рука, преподавшая наставленіе Царямъ и утѣшеніе Философу Аламберту, также простерлась и на меня. Благодарю чувствительнѣйше Ваше Величество, что изволили писать обо мнѣ въ Виртембергъ! . . По несчастію, долгъ мой причитается на Графствѣ Монбельярскомъ, а сіе относится въ Парламентъ Безансонской! . . Тутъ и конца дѣлу не будетъ, между тѣмъ я близокъ къ моему разрушенію! . . Его Свѣтлость обѣщаетъ удовлетворить меня въ теченіи будущаго года; его регенція должна мнѣ сто тысячь франковъ. . . Сущее разореніе для

человѣка, который и безъ того уже разорился на построенїе одного городка... Пришлось терпѣть, пока Герцогъ надумается заплатить, или ожидать смерти, которая обыкновенно концы хоронитъ.

Удостойте продолжить Ваши милости къ моей дряхлой душѣ, которая скоро оставитъ свое дряхлое тѣло.

Отъ Короля.

Потсдамъ, 26го Марта 1777.

Изъ трехъ причинъ долговременнаго молчанїя вашего, первая и вторая суть слѣдствїе законовъ Природы, а третья — злости человѣческой. Ужасно подумать, до какой степени простирается мстительность и жестокосердїе. За удовольствїе вмѣняютъ отравлять горестїю послѣднїя минуты старика, близкаго уже къ разрушенїю! Стриженые злодѣи столько опротивѣли въ глазахъ моихъ, что я всѣхъ бы перевѣшалъ, естьли бы дали мнѣ волю.

О Французскомъ правленїи, кажется мнѣ, слишкомъ насказано добраго. Я имѣлъ случай узнать его политическое состоянїе: долги чрезвычайные; казна

изтощена; пособій нѣтъ; налоги увеличиваются. Не остается инаго средства уменьшить долги, какъ ограничить разходы и покинуть всѣ излишки. Къ сожалѣнію, объ этомъ всего менѣе думаютъ. Вмѣсто того, чтобы сказать: *у меня доходу столько, а довольно прожить столько-то*; у васъ говорятъ: *мнѣ надобно то и то . . . достань, гдѣ хочешь, или. . .*

Можно бы этому и помочь, отнявъ на примѣръ нѣкоторые доходы у стриженыхъ головъ: но истинная подпора Государства, народъ, останется все при тѣхъ же нуждахъ; слѣдственно, частная экономія ни мало не послужитъ имъ облегченіемъ. —

Посмотрите, какъ легко попадаются на глаза чужіе недостатки, между тѣмъ какъ своихъ не видимъ! . . Лучше бы мнѣ наблюдать свои собственныя дѣла, чтобы не вышло гдѣ нибудь прорухи, чѣмъ разбирать пружины большихъ Монархій, которыя до меня не касаются.

Презирайте недоброжелателей, любите друзей своихъ.

Фридерикъ.

Спб. — Съ Франц. Ив. Я — з.

АВГУСТЪ.

XXVII.

РАЗГОВОРЪ

Между Парижанином и Карибскимъ жителемъ.

Карибъ.

Господинъ Парижанинъ! мнѣ хотѣлось бы . . .

Парижанинъ.

Государь мой! говорите громче, чтобъ я могъ васъ слышать.

Карибъ.

Странное дѣло! на кого ни посмотри — всѣ съ ушами, и всѣ глухи! — Государь мой! мнѣ хотѣлось бы знать, по которой дорогѣ ѣздятъ въ Орлеанъ; я долженъ быть тамъ не позже вечера.

Парижанинъ.

Теперь девятой часъ. Едва ли поспѣете туда сего дня, хотя бы и на почтовыхъ поѣхали; вѣдь двадцать восемь миль до Орлеана!

Карибъ.

Для того-то я и не намѣренъ брать лошадей. Ты смѣешься! — Но для Караиба этотъ переходъ ошнюдь не страшенъ. Милая Ярико ожидаетъ меня сего дня ввечеру, и я не пропущу случая видѣться съ нею. Ноги у меня совершенно крѣпки, потому что мнѣ не болѣе пятидесяти четырехъ лѣтъ, и я вмигъ поспѣю въ Орлеанъ. Не рѣдко случалось мнѣ переходить миль по тридцати въ день, чтобы поймать кролика: какъ же не перебѣжать двадцати осьми, чтобы поспѣть на ужинъ къ любовницѣ?

Парижанинъ.

Господинъ Карибъ! вы мнѣ кажетесь страннымъ животнымъ, котораго женщины наши охотно бы сдѣлали ручнымъ. . . . Я самъ выведу васъ на дорогу; мнѣ хочется знать, такъ ли дикій хорошо мыслитъ, какъ ходитъ.

Карибъ.

Не льзя и быть иначе; тѣломъ я здоровъ: такъ отъ чего же повредиться моему разсудку? — Но скажи пожалуй, что дѣлаютъ всѣ эти умствующія головы, собравшіяся тамъ на террасѣ, мили за двѣ отсюда?

Парижанинъ.

Признаюсь, не только людей, но и террасы не вижу. Чтобъ отвѣчать тебѣ, надобно имѣть орлиные глаза.

Карибъ.

И человѣческихъ довольно. По чести, вся сторона ваша жалости достойна; въ нашихъ лѣсахъ найдется нѣсколько тысячь Индійцовъ, коихъ глаза несравненно быстрѣе моихъ. Въ Парижѣ почитаютъ меня за орла; но я тотъ же кротъ въ сравненіи со многими Карибами.

Парижанинъ.

Скажу съ обыкновеннымъ своимъ чистосердечіемъ, что, не бывши никогда столь дальновиднымъ, какъ Карибы, я имѣлъ однакожъ въ молодости довольно зоркое зрѣніе; но балы, книги и оперныя красавицы ослабили оное до невѣроятности. Въ здѣшнемъ краю удовольствіе стоитъ очень дорого. Счастливѣе всѣхъ тотъ, кто отдѣлывается однимъ кошелькомъ.

Карибъ.

Мнѣ кажется, непокупное удовольствіе меньше ослабило бы и больше до-

ставило бы пріятности. — Послушай: сего дня намѣренъ я упоиться восторгами любви въ объятіяхъ милой моей Ярико; но ничего не подарю ей, кромѣ сердца и этого пучка травъ, которыя самъ набралъ.

Парижанинъ.

Не стыдно ли вамъ, Г. Караибъ? эти травы не имѣютъ никакого запаха; для любовницы нужны цвѣты.

Караибъ.

Довольно и этихъ травъ; онѣ просты, какъ Природа, и новы, какъ сердце, любимое мною. Конечно, я могъ бы сплести вѣнокъ изъ вашихъ цвѣтовъ; но запахъ ихъ очень силенъ и тяжелъ для моей чувствительности; привыкнувъ къ вашимъ розамъ и фіалкамъ, не могъ бы я найти пріятнаго запаха, въ этой зелени скрывающагося; потомъ, наскучивъ цвѣтами, потребовалъ бы духовъ и кончилъ бы потерянѣемъ обонянія.

Парижанинъ.

Это случается и съ нами. Мы Парижане, находясь въ средоточіи утѣхъ, заранѣе изтощаемъ всѣ наслажденія,

и въ тридцать лѣтъ дѣлаемся ни къ чему неспособными.

Карибъ.

И такъ въ Парижѣ старѣются въ тридцать лѣтъ? Вотъ странность, которую должно внести въ записки моего путешествія, лишь бы не сочли меня мечтателемъ сограждане мои, которые, живя на свѣтѣ около полутораста лѣтъ, жалуются на скупость Природы. — Но скажи мнѣ пожалуй, я видѣлъ за десять миль отсюда, въ вашихъ деревняхъ, людей довольно бодрыхъ и сильныхъ, которые не чувствуютъ старости прежде шестидесяти лѣтъ. За чѣмъ не бросишь сего алчнаго города, пожирающаго своихъ жителей, и не удалишься въ это убѣжище? Десять миль не значатъ ничего для мыслящаго существа, когда чрезъ то еще тридцать лѣтъ можно покланяться богамъ и быть полезнымъ человѣческому роду.

Парижанинъ.

Это правда, господинъ Карибъ! но вы не найдете здѣсь послѣдователей вашему ученію. Въ деревняхъ живутъ долго по тому, что не гоняются за пре-

лестями, которыхъ не понимаютъ; но въ большихъ городахъ, кто захочетъ быть Философомъ до того, чтобы лишить себя всѣхъ благъ, которыя сами васъ ищутъ? Праздполюбецъ, скитающійся въ столицѣ, хочетъ имѣть разомъ всѣ удовольствія, которыми простой пахарь наслаждается по одиначкѣ. Имѣя не болѣе десяти тысячь ливровъ дохода, я испыталъ въ 30 лѣтъ всѣ утѣхи, до коихъ поселянинъ не доберется и въ цѣлое столѣтіе. Вельможѣ, имѣющему милїонъ доходу, довольно, кажется, и десяти лѣтъ для окончанія любострастнаго своего поприща. Я зналъ одного молодаго Князя, который въ теченіе четырехъ лѣтъ умѣлъ совокупить дѣтство съ возмужалостію и старостію; онъ умеръ, гоняясь за утѣхами, и испуская послѣднее дыханіе, сказалъ: *довольно я пожилъ на свѣтѣ!*

Карибъ.

Не постигаю мыслей твоего Князя. — Вотъ корзина съ плодами. Естьли бы Природа сказала мнѣ: вотъ трехнедѣльная твоя пища! хорошо ли бы я сдѣлалъ, съѣвши все сего дня для того, чтобъ умереть съ голоду черезъ четыре дня?

Великій законодатель Пашимекъ оставилъ Карибамъ совершенно противное правило. *Человѣки!* говорилъ онъ имъ: *живите мало, и ложивете долго!* Въ семъ изреченіи нахожу великій смыслъ.

Парижанинъ.

Любезный дикарь! философія ваша обворожила меня. Сдѣлайте одолженіе, пойдемте позавтракать вмѣстѣ. Трактиръ въ тридцати шагахъ отсюда; это подкрѣпитъ васъ на дорогу.

Карибъ.

Я право не голоденъ; не прошло еще и четырнадцати часовъ, какъ я подкрѣпилъ себя пищею.

Парижанинъ.

По крайней мѣрѣ выпейте Барбадскихъ сливокъ.

Карибъ.

Развѣ онѣ такъ же хороши, какъ наше молоко?

Парижанинъ.

Вы все еще новы, хотя и много путешествовали. — Не уже ли не знаете, что Барбадскими сливками называется ликёръ спиртуозной, нѣсколько

разъ передвоенной въ кубикѣ и составленной . . . .

Карайбъ.

Поберегите для Парижанъ ваши сливки и вашъ ядъ. — Когда вкусъ начнетъ притупляться, тогда стану пить вино; а потерявъ вкусъ, примусь и за ликёры; до тѣхъ же поръ довольно и одной воды. Въ Орлеанѣ напьюсь ее, дабы придать себѣ силъ для милой Ярико.

Парижанинъ.

Простите, естьли не могу избавиться отъ застарѣлыхъ своихъ предразсудковъ. — Пройти пѣшкомъ двадцать восемь миль менѣе сутокъ; имѣть отъ роду пятьдесятъ четыре года и пить воду, чтобы казаться мужественнѣе въ глазахъ своей любовницы — вотъ что несходно съ нашими нравами! Но Карайбъ не Парижанинъ. Опишите мнѣ хотя нѣкоторыя черты милой вашей Ярико.

Карайбъ.

Охотно; не видя ее, люблю по крайней мѣрѣ говорить о ней. — Представь себѣ женщину ростомъ въ шесть футовъ — женщину, которой волосы, отъ

футовымъ ростомъ, съ разслабленными чувствами и съ тридцатилѣтнею жизнію, какъ назвать васъ? Не уже ли и люди бываютъ двухъ родовъ, большаго и малаго, какъ между собаками есть Меделянскія и Болонскія? Карибъ не есть ли любимецъ Природы, а Парижанинъ не выродокъ ли, на человѣка не похожій?

Парижанинъ.

Мнѣ кажется, что въ умѣренныхъ климатахъ человѣкъ повсюду бываетъ одинаковъ. Природа производитъ его дюжимъ и здоровымъ; одно воспитаніе понижаетъ и ослабляетъ его. Европеецъ, сдѣлавшійся вашимъ соотечественникомъ, будетъ имѣть сыновей, на васъ похожихъ; но извольте жениться на Парижанкѣ — и вы увидите, что дѣти ваши умрутъ уже отъ старости, когда вы войдете въ настоящіе ваши годы.

Карибъ.

Ты сказалъ теперь сущую правду. Надобно, чтобъ истина была очень явственна, дабы казаться такою и Парижанину и Карибу. — Но я вижу, что ты, проложая меня, и самъ крайне усталъ. Благодарю за твою ласку. Укажи мнѣ дорогу.

природы кудреватые, падаютъ и разкатываются по грудямъ — которой голова, совершенно овальная, послужила бы образцомъ для лучшихъ ваятелей вашихъ, которой прозрачная одежда обнаруживаетъ всѣ округлости гибкаго ея стана; которой . . . . но ты, господинъ Парижанинъ, слишкомъ холоденъ.

Парижанинъ.

Увы! нѣтъ болѣе для меня прелестей . . . . даже и между Караибками.

Караибъ.

Какъ! сердце твое . . . .

Парижанинъ.

Такъ же мертво, какъ и чувства мои. Я имѣлъ прежде цѣлую сераль, а теперь могу служить тамъ . . . сторожемъ. Прекрасная женщина и теперь еще удивляетъ, но не прельщаетъ меня.

Караибъ.

По чести, всѣ твои признанія приводятъ меня въ непонятное удивленіе. Какимъ чудомъ предки твои завоевали мое отечество? Какъ могутъ еще существовать тамъ Европейцы? Меня можно почесть человѣкомъ, а васъ съ пяти-

Болѣе ста разсужденїй написано о средствахъ быть счастливымъ; теперь нужно выдать хотя одно объ опасности быть слишкомъ счастливымъ: послѣднее было бы гораздо полезнѣе всѣхъ прочихъ для нашихъ столицъ.

Какъ скоро Природа, умноживъ въ насъ начала жизни, открываетъ стези къ удовольствїямъ, — воображенїе занимается тогда изтощенїемъ всѣхъ наслажденїй — и мы желали бы, чтобы сладострастїе безпрерывно питало нашу душу чрезъ всѣ органы.

Ни самъ Микромегасъ съ двенадцатью своими чувствами, ни небесные любовники Магометовыхъ Гурїй не въ силахъ удовлетворить толь ненасытнымъ желанїямъ. Мы походимъ на Отагитскаго островитянина, который хотѣлъ управлять всѣмъ пространствомъ земли, глазамъ его представлявшейся, и коего небосклонъ безпрерывно разпространялся по мѣрѣ того, какъ онъ выходилъ изъ ущелинъ горъ своихъ.

Чувства даны намъ, дабы продолжать сладостнымъ образомъ наше существованїе; одно время, а не желанїя наши должны полагать предѣлъ оному. Человѣкъ подобенъ часамъ, которыя вѣр-

Парижанинъ.

Вотъ она. — Естьлибъ со мною была почтовая коляска, я проводилъ бы васъ до самаго Орлеана. Прощай, любезный дикарь! Ахъ! для чего я не родился Караибомъ — хотя бы надлежало отказаться отъ всѣхъ доходовъ — чтобы любить милую Ярико и во всю жизнь не ходить въ театръ!

(*Изъ Philosophie de la Nature.*)

XXVIII.

ОБЪ ОПАСНОСТЯХЪ

отъ излишняго наслажденія.

Отецъ мой не былъ Караибомъ; я принадлежу къ слабой и дерзновенной породѣ людей, истребившихъ сей народъ; но мнѣ кажется, что вся Локкова Логика не заставила бы меня умствовать лучше сего дикаря, которой хаживалъ пѣшкомъ по двадцати осьми миль, чтобы выпить стаканъ воды съ своею любовницею.

плодахъ, ни запаху въ цвѣтахъ; забываемъ, что не можемъ слышать безъ рожка, ни видѣть безъ очковъ.

Искуство наслаждаться, по мнѣнію моему, состоитъ въ томъ, чтобы не оставаться никогда ни по сю, ни по ту сторону Природы; а нравственность физическаго человѣка, можетъ быть, заключается только въ томъ, чтобы хранить органы свои во всей ихъ цѣлости.

Сластолюбцы, управляемые чувственностію, незнакомые съ правилами Вѣры и здраваго смысла — принимающіе искуство изтощенія за искуство наслажденія, не вѣдаютъ, что и живѣйшія ощущенія ослабѣваютъ отъ продолжительности своей, и что наслажденія, въ которыхъ воображеніе служитъ опорою органамъ, разрушаетъ и органы и воображеніе.

Главная опасность отъ излишества утѣхъ угрожаетъ, когда сердце повреждается и грубѣетъ, когда зрѣлище человѣческихъ бѣдствій не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, и когда законопреступная душа не внемлетъ гласу совѣсти.

ны до тѣхъ поръ, пока одинъ маятникъ управляетъ ихъ движенїемъ; но какъ скоро постороннее тѣло ускоряетъ ходомъ ихъ, тогда колеса повреждаются, и машина перестаетъ дѣйствовать.

Я примѣтилъ, что колесо, болѣе сбивающееся въ механизмѣ тѣла сельскаго жителя, есть ощупь или осязанїе; прочїя сохраняютъ до самаго конца цѣлость свою. Пахарь видитъ, слышитъ, чувствуетъ и утоляетъ голодъ гораздо лучше красивыхъ городскихъ недоносковъ, которые имѣютъ безстыдство презирать его. Не говорю о шестомъ чувствѣ; извѣстно, что въ деревняхъ продолжаютъ быть отцомъ спустя тридцать лѣтъ послѣ того, какъ въ столицахъ нашихъ перестаютъ уже наслаждаться семейственными удовольствїями.

Въ нашемъ кругу, среди шумныхъ забавъ, кто имѣетъ достатокъ и свободное время, тотъ въ тридцать лѣтъ теряетъ слухъ, вкусъ, обоняніе и самое зрѣнїе. Правда, что органъ осязанїя награждаетъ насъ отчасти за потерю прочихъ. Цѣлуя руку актрисы, мы забываемъ, что не находимъ болѣе вкусу въ

Разкроемъ лѣтописи всѣхъ земныхъ народовъ, и увидимъ, сколько сіе неистовство, стремиться за преграду позволенныхъ удовольствій, развратило чувствительныхъ людей; увидимъ, сколько оно произвело во всѣ времена заблужденій и смѣха достойныхъ произшествій.

Можно судить о всякомъ народѣ, изнуренъ ли онъ въ наслажденіяхъ своихъ, по зрѣлищамъ, которыми забавлялся. Когда Римскій народъ требовалъ, чтобы нагія блудницы студодѣйствовали на театрѣ предъ многочисленнымъ собраніемъ; когда женщины, сидя спокойно въ амфитеатрахъ близь окровавленной площади, дожидались, пока бойцы изпустятъ послѣднее дыханіе не только безъ роптанія, но съ радостною улыбкою — тогда, конечно, не трудно было предвидѣть, что политическое тѣло клонилось къ разрушенію. Тациту перу надлежало заняться изчисленіемъ однѣхъ злодѣяній — и Геній не находилъ болѣе Героевъ, достойныхъ прославленія.

Человѣкъ съ чувствомъ и вкусомъ, и человѣкъ благомыслящій могутъ равно жаловаться на такое злоупотребленіе наслажденій. Кто оскорбляетъ Природу во нравахъ, тотъ оскорбитъ ее и въ художествахъ.

Для изнѣженнаго и изнуреннаго народа Архитекторъ украшаетъ зданія, вмѣсто того, чтобъ сооружать оныя на прочномъ основаніи; живописецъ бросаетъ на картину краски, не заботясь о колоритѣ; а любитель Словесности раздробляетъ, а не воспламеняетъ чувствованія.

Отттудажъ — А. Левенда.

XXIX.

АНЕКДОТЪ.

Герцогъ Рокелоръ былъ немиловиденъ. Однажды явился къ нему провинціальный дворянинъ, безобразный лицомъ, съ прозьбою, чтобъ онъ принялъ на себя трудъ быть ходатаемъ по его дѣлу. Рокелоръ, представивъ просителя предъ Лудовика XIV, говорилъ: „Ваше Величество! этотъ человѣкъ сдѣлалъ мнѣ великое одолженіе; прошу васъ оказать ему милость. Король, исполнивъ желаніе Герцога, спросилъ: „чѣмъ же онъ одолжилъ тебя?“ — „Ваше Величество!“ — отвѣтствовалъ Рокелоръ: — „естьли бы не было на свѣтѣ сего урода, то всѣ почитали бы меня безобразнѣйшимъ человѣкомъ въ Государствѣ вашемъ.“

XXX.

ДРЕВНІЕ ЗАКОНОДАТЕЛИ.

Всѣ вѣроисповѣданія, разпространившіяся по лицу земли, основывались на Богопознаніи; но какъ онѣ дошли къ намъ изкаженными безстыдствомъ жрецовъ, то надобно отличить въ нихъ все, носящее на себѣ печать природы, отъ произведенія человѣческихъ предразсудковъ.

I.

Орфей.

Мы не имѣемъ ни одного изъ достовѣрныхъ памятниковъ Исторіи, которой восходилъ бы хотя до четырехъ тысячь лѣтъ. Сему причиною физическія перемѣны, случившіяся на земномъ шарѣ, а не юность человѣческаго рода.

Болѣе тридцати вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Орфей далъ кочующимъ и дикимъ Ѳракійцамъ нравы, законы и вѣру (*).

(*) О семъ можно по крайней мѣрѣ догадываться изъ слѣдующихъ стиховъ:

Sylvestres homines, sacer interpresque deorum,
Caedibus et faedo victu deterruit Orpheus,
Dictus ob hoc lenire tigres rabidosque leones.

Horat. de Arte Poetica.

Египетъ, во времена его, представлялъ средоточіе человѣческихъ познаній. Орфей читалъ тамъ Гермесовы книги, былъ допущенъ къ таинствамъ Изиды, и возвратился въ Грецію образовать свое отечество.

Сказано, что сей великій человѣкъ умѣлъ лирою своею укрощать свирѣпыхъ тигровъ. Для Философа это значитъ, что Орфей зналъ тайну выводить нравственность изъ согласія существъ, одаренныхъ разумѣніемъ, и что Ѳракійцы, прельстившись сею гармоніею, изъ прежде-бывшихъ тигровъ людьми содѣлались.

Орфей, наставленный въ таинствахъ Физики, казался существомъ, производящимъ чудеса. Можетъ быть, съ помощію пріобрѣтенныхъ имъ познаній въ Физіологіи и Ботаникѣ, умѣлъ онъ избавить Эвридику отъ болѣзни, признанной смертельною; можетъ быть, онъ опять лишился ее отъ того, что захотѣлъ предаться утѣхамъ, не удостовѣрясь въ совершенномъ ея выздоровленіи. Сіе приключеніе подало поводъ къ вымыслу басни о низхожденіи Орфея въ адъ, незабвеннымъ по Глуковой музыкѣ и Виргиліевымъ стихамъ.

Естьли вѣрить энтузїастамъ, которымъ все кажется чудеснымъ, то Орфей за открытїе таинствъ простолюдинамъ пораженъ былъ перуномъ; вѣроятнѣе всего, что Ѳракїйскїя женщины, раздраженныя мужьями, удалившимися отъ нихъ, слѣдовали за своимъ законодателемъ, составили противъ него заговоръ, и подлымъ образомъ умертвили человѣка, который стоилъ того, чтобъ онѣ воздвигли ему жертвенники.

Орфей оставилъ многїя твореніи; но время не пощадило ихъ. Самые даже гимны его, которые долго воспѣваемы были въ Аѳинахъ предъ начатїемъ таинствъ, составляютъ такїе памятники, которыхъ достовѣрность многїе оспориваютъ.

Изъ преданїй философическихъ извѣстно, что онъ былъ лучшїй Астрономъ своего времени, зналъ истинную систему планетъ и писалъ даже о множествѣ мїровъ (*).

Правила воздержанїя отъ нѣкоторыхъ яствъ, оставленныя имъ во Ѳра-

(*) Plutarch. de Placit. Philos. lib. 2. et Stobei Eclog. Phys. lib. 1.

кіи, достойны замѣчанія какъ по строгости своей, такъ и по тому, что онѣ многими вѣками предшествовали Пиѳагорову ученію. Онъ повелѣлъ согражданамъ своимъ питаться плодами, и запретилъ даже употребленіе яицъ. Сіи правила, изображенныя въ книгѣ: *Жизнь Орфея*, столько же споспѣшествовали, какъ и законы его, ко смягченію нравовъ жителей Греціи и къ произведенію во Ѳракійцахъ ужаса отъ пролитія человѣческой крови.

Терпимость вѣроисповѣданій была основаніемъ Орфеевой нравственности. Дикіе Ѳракійцы приняли ее, и — сдѣлались человѣками.

Нѣтъ сомнѣнія, что сей законодатель былъ увѣренъ въ бытіи Бога. Орфей разсуждаетъ о Немъ съ тѣмъ же величественнымъ краснорѣчіемъ, какъ и Маркъ-Аврелій; онъ дерзнулъ даже переложить свои мысли въ стихи. Съ того времени, какъ они сдѣлались извѣстными, начали называть стихотворство *языкомъ боговъ*.

Слѣдующій переводъ подастъ нѣкоторое понятіе о семъ безцѣнномъ памятникѣ древности (*):

Ce dieu, peuples du Nil, qui regne sur vos maitres,
Est lui seul la racine et la rige des êtres;

„Народы Нильскïе! Зевсъ, господ-
„ствующïй надъ вашими владыками, есть
„единое начало и существо существъ;
„десница его держитъ небо, землю и
„преизподняя; вещество и духъ раздѣля-
„ютъ его сущность; онъ связуетъ кольца
„необозримой цѣпи, отъ свѣтила небеснаго
„до насѣкомаго объемлющей вселенную;

Sa main soutient le ciel, la terre et les enfers;
La matiere et l'esprit partagent son eſsence;
Il unit les anneaux de cette chaine immense,
Que de l'astre à l'atome embraſse l'univers;
De l'être organisé sa voix produit le germe,
Il en est le principe auſsi bien que le terme;
Le sage de Memphis l'apperçoit tour à tour
Dans le flambeau des nuits et dans l'astre du jour;

La terre, de son sein deployant la parure,
L'onde qui rafraichit l'émail de la verdure,
Le feu qui de nos sens entretient la vigueur,
Tout aux yeux éclairés peint un premier Moteur.

Dieu vient comme un époux feconder la nature;
Il s'annonce aux ingrats, mais en les foudroyant;
Il parle, et ses decrets font paſser, sans murmure,
Ou du néant à l'être, ou de l'être au néant.

„гласъ его производитъ зародышъ суще-
„ства, одареннаго чувствами; онъ есть
„начало и конецъ его. Мемфійскій му-
„дрецъ видитъ его поперемѣнно то въ
„ночномъ пламенникѣ, то въ дневномъ
„свѣтилѣ. Земля, облекшаяся въ лѣ-
„поту, изъ нѣдръ ея изходящую —
„роса, животворящая прозябенія — огнь,
„питающій и подкрѣпляющій наши чув-
„ства — все изображаетъ очамъ просвѣ-
„щеннымъ первую Причину, движущую
„творенія, одаренныя жизнію. Зевсъ,
„подобно жениху, приходитъ плодотворить
„Природу; возвѣщаетъ о себѣ неблагодар-
„нымъ въ громахъ и молніи; речетъ —
„и волею его ничтожество безропотно
„претворяется въ бытіе, а бытіе въ ни-
„чтожество (*).“

(*) Сей отрывокъ — помѣщенный въ извѣстномъ письмѣ: *Аристотель къ Александру*, о системѣ міра, глав. 7. ст. 1. — по неподражаемому витійству своему долженъ быть признанъ Орфеевымъ твореніемъ.

2.

Зороастръ.

Зерефосхтро, котораго Аравитяне называли Зарадустомъ, а Греки Зороастромъ, прославился болѣе всѣхъ основателей вѣръ на востокѣ. Сей знаменитый мужъ, толико почитаемый въ Азіи, до 18го столѣтія мало извѣстенъ былъ въ Европѣ. Клувьеръ почиталъ его за Адама, Прокопій за Авраама, Григорій Турскій за Сима, Гюэтъ за Моисея; но онъ самъ по себѣ былъ — *Зороастромъ.*

Жизнь его изъ всѣхъ историческихъ загадокъ есть труднѣйшая для рѣшенія. Ни одинъ Писатель не согласуется въ подробностяхъ, до жизни его относящихся: ни Арапскіе Ученые, о коихъ упоминаетъ Гербелотъ; ни Докторъ Гиде, доставившій глубокомысленныя изслѣдованія о вѣроисповѣданіи Персовъ; ни Аббатъ Фушеръ, снабдившій Академію Словесныхъ Наукъ превосходными разсужденіями о системѣ огне-начала (fysteme du feu-principe); ни трудолюбивый Анкетиль, ѣздившій въ Индію для полученія отъ самихъ Парсисовъ свѣденій о сочиненіяхъ законодателя ихъ и о личныхъ его качествахъ.

Время, въ которое жилъ Зороастръ, покрыто завѣсою неизвѣстности. Іустинъ дѣлаетъ его Бактріанскимъ Царемъ, современникомъ Семирамиды. Арнобій думаетъ, что онъ былъ другъ Кировъ. Плиній заставляетъ его жить за пять, или за шесть тысячь лѣтъ до войны Троянской; а Докторъ Гиде не позволяетъ относить рожденія его даже и до шестаго вѣка прежде нашего лѣтосчисленія. Нѣкоторые Философы разсѣкли Гордіевъ узелъ, сказавъ: *Зороастра никогда не бывало!*

Аббатъ Фущеръ, болѣе осторожный, судя по нѣкоторымъ словамъ Плинія, догадывается, что были два Зороастра. Гипотеза его вѣроятна; естьли трудно почесть ее справедливою, то гораздо труднѣе опровергнуть.

Первый Зороастръ могъ жить и за шесть тысячь лѣтъ до Троянской войны, и послѣ оной, по прошествіи многихъ вѣковъ; но дѣло не въ томъ: умствующій ищетъ дѣяній, а не хронологіи. Приступимъ.

Сей древнїй Зороастръ установилъ волхвованїе на востокѣ, и основалъ въ Пирей-Валхѣ великолѣпный храмъ въ честь огне-начала. Безъ сомнѣнїя, онъ соорудилъ бы его въ Сузѣ или въ Персеполѣ, естьли бы Персидская Имперїя существовала въ его время.

Ему приписываютъ сїе превосходное изображенїе Божества: „Богъ предше„ствовалъ всякому бытїю и существу; „искони единъ и тотъ же: источникъ „всѣхъ благъ, совершеннѣйшїй всего со„вершеннаго, премудрѣйшїй всего мудраго; „отъ Него самаго истекаетъ бытїе Его, „совершенство и владычество надъ все„ленною.“

Нравственность его есть нравственность природы. Парсисы, которые во всей строгости соблюли сїю превосходную мораль, не взирая на революцїи, случившїяся въ Индостанѣ, не смотря на завоеванїя Европейцовъ и на злодѣянїя царствовавшихъ надъ ними Государей — Парсисы и до сихъ поръ занимаютъ первое мѣсто между Азїатскими народами.

Признавъ за достовѣрное, что сей великій человѣкъ сочинилъ *Зенда-Весту*, и что *Саддеръ* есть сокращеніе оной, не льзя не придти въ восхищеніе, внимая поученію его. *Граждане!* сказано тамъ: *старайтесь забывать обиды. Народы! не возбраняйте свѣтильнику наукъ озарять умы ваши. Мудрые! разпространяйте безбоязненно истину даже до престола Царей. Человѣкъ! познай, что лучшій даръ Небесъ, низлосланный землѣ, есть нравственность природы.*

Вторый Зороастръ, сдѣлавшись извѣстнымъ, началъ подкрѣплять знаменіями поклоненіе огне-началу, которое ввелъ прежде всѣхъ съ помощію здраваго разсудка. Онъ родился въ Урми, Адербижанскомъ городѣ, около 589 года до нашего лѣтосчисленія. Жизнь его есть одно сплетеніе чудесъ, и потому сочинена стихами. По сему можно судить, какую степень достовѣрности имѣетъ исторія, писанная стихотворцами, любящими чудесныя произшествія.

Здѣсь не безполезно будетъ остановиться надъ сими восточными баснями, какъ для отысканія слѣдовъ Богоиспо-

вѣданїя въ семъ мїрѣ чудесъ, такъ и для показанїя, съ какою единообразностїю древнїе учредители вѣръ списывали другъ друга.

Зороастръ при самомъ рожденїи смѣется: чудо, болѣе свойственное Демокриту, нежели строгому законодателю Брахмановъ!

Старшїй волшебникъ — не льзя не быть поборникамъ злаго начала въ отечествѣ Аримана — узнавъ, что Зороастръ со временемъ сдѣлается истребителемъ секты его, идетъ въ домъ отца сего необыкновеннаго младенца, находитъ его въ колыбели, и хочетъ мечемъ разрубить его на-двое; но въ то же мгновенїе рука волшебника сохнетъ, и Оромазъ остается побѣдителемъ Аримана.

Чародѣи находятъ средство похитить Зороастра, уносятъ его въ пустыню, полагаютъ на костеръ, складенный изъ смолистыхъ деревъ, зажигаютъ и удаляются. *Догдо*, мать младенца, поспѣваетъ во время, видитъ мудраго, покоющагося среди пламени, составлявшаго дугу надъ главою его,

и отводитъ его въ чертоги. Истинное чудо обрѣтается въ пяти Моисеевыхъ книгахъ, а не въ Зороастрѣ.

Законодатель Персіи, достигши совершенныхъ лѣтъ, отправляется въ Халдею для совѣщанія съ Мудрецами и для чтенія ихъ книгъ. Аракръ не останавливаетъ его странствованій: онъ переходитъ сію рѣку, не обмочивъ ноги.

Желая ввести вѣру въ отечество свое, восходитъ онъ на гору бесѣдовать съ Оромазомъ, и возносится на небеса. Впрочемъ сіе баснословное путешествіе заключаетъ въ себѣ поучительную нравственность. Мудрецъ вопрошаетъ Оромаза: кто лучшій и совершеннѣйшій изъ человѣковъ? — *Имѣющій правое сердце и благотворящій всякому существу*, отвѣчалъ онъ: *я духъ добра; безумные называютъ меня мучителемъ человѣческаго рода; но я не желаю зла и глаголющимъ хулу сію.*

Зороастръ проситъ безсмертія. Оромазъ открываетъ ему всѣ событія земнаго шара, отъ самаго начала до разрушенія онаго. При видѣ безчисленныхъ

бѣдствїй и злодѣянїй, Мудрецъ перестаетъ желать безсмертїя.

По возвращенїи, Зороастръ, опустившись сквозь потолокъ, предсталъ предъ Царя Густапа. Сей властелинъ окруженъ былъ мудрецами. Посланный, подошедши къ его престолу, говоритъ: „Сотворившїй седмь небесъ посылаетъ „меня къ тебѣ; се законъ его! прими и „читай.“

Густапъ требуетъ чудесъ отъ Оромазова толкователя. „Прочти Зенда - „Весту — отвѣчаетъ онъ ему — и „чудеса не нужны для тебя будутъ. „Книга сїя есть величайшее чудо.“

Совѣтъ Густаповъ требуетъ, чтобъ онъ, въ оправданїе ученїя своего, сотворилъ чудо. Зороастръ вмѣсто одного дѣлаетъ два: выливаетъ разтопленную мѣдь на грудь свою безъ всякаго вреда; потомъ насаждаетъ предъ чертогами кипарисную вѣтвь, которая въ нѣсколько дней столько увеличилась, что десять большихъ вервей не могли обнять ее. Листья сего кипариса имѣли даръ открывать разумъ вкушавшимъ оные. Густапъ вку-

силъ, и началъ понимать Зороастрову книгу.

Зороастръ умеръ въ Балкѣ на 77мъ году отъ рожденія, и при кончинѣ своей считалъ уже восемьдесять тысячь Мудрецовъ, принявшихъ въ Азіи его ученіе.

Трудно доказать, чтобы *Зенда-Веста*, *Вендидатъ* и другія рукописи, привезенныя изъ Индіи въ Европу, сочинены были даже и другимъ Зороастромъ; естьли онѣ не ему принадлежали, то, судя по изуродованію, произшедшему отъ переписчиковъ, не знавшихъ священнаго языка, на коемъ писаны были, принадлежатъ болѣе толкователямъ законодавца Азіи, нежели ему самому.

Не взирая на всѣ физическія заблужденія, на погрѣшности въ лѣтосчисленіи и нелѣпыя басни, обезобразившія сочиненія втораго Зороастра, вездѣ видны слѣды Богоисповѣданія перваго Зороастра, здравой нравственности и основательной его ненависти противъ нетерпимости иновѣрцевъ.

3.

Конфуцій.

Богоисповѣданіе, составляющее вѣру всѣхъ возникающихъ обществъ, съ давняго времени начинало уже ослабѣвать въ Китаѣ отъ наглостей и обмановъ жрецовъ, придерживавшихся секты Фоэ и Лаокіума, какъ появился Конфуцій, и обратилъ первобытной народъ къ природному Богослуженію.

Отъ рожденія сего великаго человѣка считаютъ теперь 2357 лѣтъ. Пылкіе послѣдователи ученія его окружили колыбель его чудесами. Они утверждаютъ, что при самомъ рожденіи небесное сладкопѣніе раздавалось подъ облаками, что два дракона питали его молокомъ своимъ, и что на шестомъ году имѣлъ онъ видъ и ростъ человѣка возмужалаго, а важность осмидесятилѣтняго старца. Память Конфуціева не должна однакожь страдать отъ жреческихъ обмановъ. Будучи защитникомъ истины и при жизни и въ сочиненіяхъ своихъ, никогда не дѣлалъ онъ никакихъ чудесъ. Свойства его со всею вѣрностію изображены въ слѣдующихъ стихахъ:

De la seule raison salutaire interprète,
Sans éblouir le monde, éclairant les esprits,
Il ne parla qu'en sage, et jamais en prophète,
Cependant on le crut, et même en son pays!

Жизнь невдохновеннаго законодателя мало представляетъ произшествій для Исторіи. Не Философы, но самозванцы съ адскимъ характеромъ держатъ въ рукахъ своихъ судьбу царствъ и народовъ. Потребны многія книги для описанія Магометовой жизни; для Конфуціевой довольно и трехъ страницъ.

Сей великій человѣкъ наслаждался въ продолженіе жизни своей славою, превосходнѣйшею той, которую поставляютъ въ потрясеніи престоловъ. Не заботясь о заведеніи секты, собралъ онъ три тысячи учениковъ, изъ коихъ пятьсотъ, разсѣявшись по своему отечеству, отправляли важнѣйшія должности. Сіи наставники учили народъ тому, чему онъ долженъ былъ вѣрить, — и все, что въ пространной Китайской Имперіи не заражено еще было суевѣріемъ корыстолюбивыхъ жрецовъ, приняло законъ Природы.

Китайскій мудрецъ, сказываютъ, былъ наставникомъ одного Государя. Ктожъ лучше сего великаго человѣка могъ показать Порфироносцу всю обширность обязанностей вразсужденіи народовъ, которыми управлять онъ готовился? Нужно, чтобы Конфуціи и Фенелоны воспитывали владыкъ земныхъ для благополучія земнородныхъ, дабы сдѣлать перевѣсъ ученію Махіавелей, воспитывающихъ людей для того, чтобъ они безропотно пили чашу страданій, отъ Царей имъ подносимую.

Конфуцій жилъ только 73 года: ученики воздвигли ему гробницу въ его Академіи.

Творенія его почитаются въ Китаѣ Евангеліемъ: Ученые изъясняютъ оныя для прославленія своего имени, а Государи читаютъ, чтобы научиться управлять народами. — Онъ выдалъ сперва толкованіе на *И-Кингъ*, твореніе Фоги, составленное изъ прямыхъ линій и линій съ точками, которыхъ совокупленіе составляетъ 64 разнообразныя фигуры. Лейбницъ думалъ найти въ И-Кингѣ начала двучисленной Ариѳметики; но Китайцы увѣряютъ, что книга сія заключаетъ въ себѣ таинственное образо-

ваніе первыхъ причинъ (Histoire emblematique des premières causes). Ученики Конфуція принимаютъ ее за основаніе Богопознанія, а волхвователи — за основаніе чародѣйства.

Прочія творенія Китайскаго Законодателя извѣстны подъ названіемъ: *Тагіо*, или *Великая Наука*. Она содержитъ въ себѣ политическое наставленіе, служащее какъ для предупрежденія злодѣйствъ со стороны управляющихъ народомъ, такъ и для уменьшенія заблужденій, которыя не рѣдко бываютъ столь же пагубны, какъ и самыя злодѣянія. Сію книгу можно назвать *нравственностію Царей*.

Хюлъ-юлъ, или *Искуство обладать собою*, имъ же писанное, наполнено наставленіями ограничивать свои надобности, очищать наслажденія, жить въ мирѣ съ Богомъ, съ согражданами и съ самимъ собою.

Люніо, или *Бесѣды Философовъ* суть ничто иное, какъ разговоры, подобные Платоновымъ. Конфуцій играетъ въ нихъ роль Сократа; прочіе собесѣдники представляютъ Мудрецовъ, спокойно ищущихъ истины, а не софистовъ, поставляющихъ за удовольствіе запутывать и помрачать ее.

Всѣ сіи твореніа основаны на чистѣйшемъ Богослуженіи, то есть, на бытіи Бога, на безсмертіи души и на священномъ догматѣ терпимости вѣръ.

Можно судить о Конфуціѣ по слѣдующимъ изреченіямъ, которыми могъ бы хвалиться и самый Маркъ-Аврелій:

„Злодѣй, угнѣтающій добраго человѣка, возстаетъ противъ добраго начала.

„Одинъ честный человѣкъ имѣетъ „право любить или ненавидѣть.

„За одолженіе плати одолженіемъ, „за обиду благодѣяніемъ.

„Научись хорошо жить, дабы на„учиться хорошо умереть.

„Человѣкъ, вознамѣрившійся по утру „быть добродѣтельнымъ, можетъ уме„реть ввечеру: онъ довольно прожилъ.“

4.

Пиѳагоръ.

Сей Мудрецъ родился въ Самосѣ, около того времени, какъ вторый Зороастръ удивлялъ востокъ чудесами, а Конфуцій озарялъ его твореніями своими. На 18мъ году отъ рожденія, снѣдаемый нетерпѣливостію все узнать, и не находя въ отечествѣ ни одного

достойнаго наставника, рѣшился объѣхать часть земнаго шара, осмотрѣть всѣ предметы, достойные любопытства, насладиться бесѣдою съ Мудрецами, и научиться изъяснять людямъ книгу Природы.

Ѳерекидъ, задержавъ его нѣсколько времени на островѣ Сциросѣ, началъ раскрывать въ немъ сѣмена Богопознанія, и заставляя размышлять о безсмертіи души, положилъ въ умѣ его основаніе догмата о преселеніи душъ.

Онъ ѣздилъ въ Спарту учиться Ликургову законоположенію, въ Критъ совѣтоваться съ Эпименидомъ, въ Вавилонъ воздать должное почтеніе Зороастру, а въ Египетъ разобрать іероглифы, въ которыхъ Геліопольскіе жрецы заключали всеобъемлющую науку.

Пребываніе его въ Египтѣ продолжалось 25 лѣтъ. Онъ подвергся тамъ обрѣзанію, чтобъ удостоиться познанія Изидиныхъ таинствъ (*). Имѣя умъ просвѣщенный, не поставлялъ никакой важности въ пустыхъ обрядахъ, и для того не помѣстилъ между правилами своими заблужденія, будто можно загладить злодѣяніе обрѣзаніемъ крайней плоти.

(*) Clement. d'Alexand. stromat. lib. 1.

Кажется, что во время допущенія къ Египетскимъ таинствамъ сходилъ онъ въ преизподнюю, гдѣ показывали ему Гезіодову душу, прикованную къ мѣдному столбу, и Гомерову, повѣшенную на деревѣ въ наказаніе за хулительныя сочиненія о свойствѣ боговъ (*).

Пиѳагоръ, проживъ многіе годы въ Индіи, довершилъ величественную систему о лѣствицѣ существъ, о всеобщей чувствительности и прехожденіи душъ.

Возвратясь изъ путешествія, расположился въ Кротонѣ, преподалъ тамошнимъ жителямъ законы, и очистилъ ихъ нравы.

Онъ имѣлъ великое множество учениковъ. Чтобы заслужить названіе слушателя его, надлежало подвергнуться самому строгому испытанію: пять лѣтъ не говорить ни слова. По истеченіи сего срока, ученики получали право предлагать свои недоумѣнія учителю, или разрѣшать сомнѣнія просполюдимовъ.

Нераздѣльность въ имѣніи установлена была между Пиѳагоровыми воспитанниками. Ни тщеславіе, произходящее отъ знаменитой породы, ни гордость, вну-

(*) Diog. Laërt. vita Pythag.

шаемая богатствомъ, незнакомы были Мудрецу Самосскому; одно превосходство ума, одна основательность въ размышленіяхъ и отвѣтахъ доставляли отличіе въ семъ благоговѣйномъ сословіи Философовъ.

Входя въ сіе знаменитое общежительство, не дѣлали никакихъ обѣтовъ: обѣты означаютъ возмущеніе противъ Природы и разсудка; но когда Пиѳагорецъ, наскучившій жить для побѣжденія себя, возвращался въ свѣтъ — тогда всѣ прочіе почитали его умершимъ для добродѣтели, и воздвигали ему гробницу, не оскорбляя однакожь памяти его.

Хотя Пиѳагоръ почитался непогрѣшительнымъ въ Академіи своей, но не выдавалъ себя за вдохновеннаго: всѣ прорицалища его истекали отъ ума просвѣщеннаго, а не отъ восторговъ лжепророческихъ, происходящихъ отъ изступленія чувствъ. Для предвѣщанія будущаго не становился онъ на священномъ треножникѣ, не устрашалъ кривляньями, но углублялся въ человѣческую природу.

Сказываютъ, будто онъ превратилъ бобы въ кровь, заставилъ рѣку Нессу покланяться ему, и явился на Олимпій-

скія игры съ золотою лядвеею. Сіи басни произошли отъ несмысленнаго народа, которой не умѣлъ восхищаться Мудрецомъ, не обожая его, или отъ софистовъ, которые для того только превозносили его, чтобъ обратить въ посмѣшище.

Пиѳагоръ, проживъ 90 лѣтъ, умеръ насильственною смертію: нѣкто Килонъ, Кротонскій Катилина, ужасный по могуществу своему, по буйному нраву и злодѣяніямъ, желалъ быть принятъ въ число учениковъ его. Пиѳагоръ не согласился. Чтобъ отомстить ему, злодѣй зажегъ домъ, въ которомъ Мудрецъ засѣдалъ съ Академіею своею. Не болѣе трехъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ и Пиѳагоръ находился, спаслось отъ пожара. Видя, что законъ не дѣйствовалъ противъ толь страшнаго злодѣянія, и предчувствуя неблагодарность города, для котораго служилъ Ангеломъ хранителемъ цѣлыя двадцать лѣтъ, онъ удалился въ Метапонтъ, избралъ для убѣжища своего храмъ, посвященный Музамъ, и тамъ уморилъ себя голодомъ.

Пиѳагоръ писалъ много; но малое число стиховъ и нѣсколько отрывковъ,

разсѣянныхъ въ древнихъ бытописаніяхъ, сдѣлалось намъ извѣстнымъ.

Физика его, принаровленная къ тогдашнему времени, заключалась въ искуствѣ говорить нелѣпости о феноменахъ Природы. Онъ вѣрилъ, что мертвые, собираясь въ одно мѣсто, производятъ землетрясенія, и что Нилъ не имѣлъ другаго источника, кромѣ радуги.

Нравственность его, основанная на Богопочитаніи, безпрерывно возвращалась къ Верховному Существу, своему источнику.

Великій Сократъ вмѣнялъ себѣ въ славу слѣдовать изящной нравственности Пиѳагоровой.

Три знаменитые законодателя: Харондасъ въ Туріумѣ, Залевкъ въ Локрахъ и Ксамолксисъ во Ѳракіи, приняли сію нравственность за основаніе политическихъ установленій, которыя и предали народамъ. Самый Римъ утвердилъ на сей морали двенадцать таблицъ своихъ. Когда жители сего знаменитаго города захотѣли прославить память самаго неустрашимаго и мудраго изъ человѣковъ, тогда всѣ согласились воздвигнуть статуи Алкивіаду и Пиѳагору.

(*Изъ Philosophie de la Nature.*)

А. Левanда.

XXXI.

ЗЛОСЧАСТНЫЙ.

Истинное произшествіе.

(Продолженіе повѣсти, начатой на 62 й страницѣ.)

Старикъ затрепеталъ отъ ярости; схватилъ со стѣны заряженной пистолетъ, и бросился въ спальню, думая застать въ ней сына. Вбѣгаетъ — и никого не видитъ. Подушки и покрывало лежали въ безпорядкѣ; калпакъ, часть изорваннаго воротника отъ рубашки и туфли сыновнины разбросаны были по полу. „Злодѣй! гдѣ онъ?“ кричитъ разъяренный старикъ дикимъ голосомъ. Горничная въ смятеніи отвѣчаетъ, что сынъ его ушелъ въ свою комнату. — „Онъ нигдѣ не скроется! онъ смоетъ кровью своею пятно безчестія, мнѣ нанесеннаго!“ — Графской скороходъ, въ это время вошедшій изъ другихъ дверей, сказываетъ, что молодой Л...., встрѣтясь съ нимъ въ коридорѣ, бѣжалъ со двора. „Онъ хочетъ избѣгнуть мщенія моего; но казнь найдетъ преступника!“ примолвилъ старикъ. Силы его изто-

щились — онъ поблѣднѣлъ и упалъ безъ памяти въ руки скорохода.

Старанія привели его въ чувство. „Гдѣ я?“ кричалъ онъ: „вынесите меня отсюда! Обезчещенное ложе напоминаетъ позоръ мой; никогда нога моя не вступитъ въ сію комнату; никогда сонъ не сомкнетъ глазъ моихъ на этой постелѣ!“ Лѣкарь убѣждалъ его успокоиться. Быстро окинулъ онъ взорами всѣ предметы; закрылся подушкою, какъ будто хотѣлъ скрыться отъ самаго себя; долго молчалъ, залился слезами и воскликнулъ: „Боже! на то ли Ты далъ мнѣ радость быть отцомъ, чтобъ я на старости выпилъ горькую чашу поруганія? Увы! я всего лишился! Недостойный сынъ..., но это слово въ послѣдній разъ вырвалось изъ устъ моихъ. Пусть проклятіе вездѣ преслѣдуетъ его! пусть угрызенія совѣсти терзаютъ его сердце, которое такъ часто билось на груди моей и веселило мою душу!“ Жестокая лихорадка обнаружилась въ несчастномъ. Лѣкарь, выславъ всѣхъ изъ комнаты, остался при немъ съ неутѣшною супругою.

Между тѣмъ невинный молодой Л..., съ покойнымъ духомъ возвращался домой съ утренней прогулки. Вдругъ приворо-

тникъ съ грубостїю останавливаетъ его, объявляя приказъ, а вмѣстѣ и проклятїе раздраженнаго отца. Приговоръ смертный менѣе поразилъ бы чувствительнаго сына: долго не могъ онъ вымолвить ни слова; сердце его сжалось, кровь охладѣла, глаза померкли, колѣни затряслись, руки опустились: онъ стоялъ у воротъ, подобно окаменѣлому. „Чѣмъ я оскорбилъ родителя? Пре„ступленїе, въ которомъ оклеветали „меня, должно быть чрезвычайно велико. „Богъ видитъ мою невинность.“ Нѣсколько разъ повторялъ онъ сїи слова, и не зналъ, что придумать. Совѣсть его была чиста, сердце спокойно; никакое злоумышленїе не входило ему въ голову. „Я долженъ увидѣться съ родителемъ, во что бы то ни стало. Не возможно, чтобъ онъ обвинилъ меня, не выслушавъ оправданїя. Увидѣвъ мои слезы и отчаянїе, онъ не отринетъ меня!“

Сїи мысли подкрѣпили его. Слабою рукою отворилъ онъ калитку; но приворотникъ оттолкнулъ его. Между тѣмъ люди, бѣгая взадъ и впередъ, перешептывались и взглядывали на несчастнаго, какъ на злодѣя, на казнь ведомаго.

Горько было чувствительному видѣть такое зрѣлище. Онъ ожесточился, толкнулъ приворотника и съ поспѣшностію перешелъ черезъ дворъ. Лѣкарь попался ему на встрѣчу: „Бога ради не хо„дите къ батюшкѣ; вы уморите его! „Бѣгите, пока есть еще время!“ — Мнѣ бѣжать изъ родительскаго дому! . . — Лѣкарь пожималъ плечами; Л. . . . терзался отчаяніемъ. „Нѣтъ! вы меня не отгоните отсюда!“ — говорилъ онъ людямъ, которые хотѣли свесши его со двора: — „умру подъ сими стѣнами; умру, пораженный проклятіемъ отца неумолимаго — и смертію докажу мою невинность, преданность къ родителю; горячія слезы раскаянія будутъ литься надо мною, но не согрѣютъ охладѣвшаго сердца.“

Прохожіе, желая узнать причину отчаянія молодаго человѣка, останавливались и предлагали вопросы; но, не получивъ отвѣта, съ сожалѣніемъ оставляли его. Несчастный долго стоялъ у воротъ: никто не выходилъ изъ дому. Наконецъ отчаяніе лишило его послѣднихъ силъ — онъ впалъ въ продолжительной обморокъ.

Приворотникъ, тронувшись бѣдственнымъ его положеніемъ, отводитъ его въ ближайшій домъ. Л. . ., пришедши въ себя, видитъ друга, съ которымъ учился въ пансіонѣ, и со слезами разсказываетъ о случившемся произшествіи. Другъ его, предувѣдомленный обо всемъ, искренно сожалѣетъ о немъ. „Что со „мною случилось?“ — говоритъ съ рыданіемъ Л. . . — „Пробудясь сего дня и любу„ясь прекраснымъ возхожденіемъ солнца, „думалъ я: вотъ еще одинъ день при„бавился ко многимъ прошедшимъ, въ „безпечной радости мною проведеннымъ!.. „Но теперь — жестокая участь! — „теперь я изгнанъ изъ дому родитель„скаго, обремененъ проклятіемъ. . .“ Холодный потъ выступилъ на блѣдномъ лицѣ его.

Природа, благодѣтельная къ несчастнымъ, отринутымъ людьми, подкрѣпила его силы. Другъ, стараясь успокоить гонимаго судьбою, объявилъ, въ чемъ обвиняютъ его. „Теперь вижу, что погибель моя неминуема! — вскричалъ Л. . . — „Лютая мачиха!... Но кто могъ бы поду„мать, чтобы въ прекрасномъ тѣлѣ шипѣли „змѣи лютыя?.... Дражайшій родитель! „и ты могъ повѣрить адской клеветѣ?

„Не смѣю винить тебя; знаю, до какой „степени хитрость и коварство прости- „раться могутъ. Но я не отчаяваюсь: „Богъ будетъ моимъ помощникомъ; въ „Немъ вся моя надежда.“

Невинность оправдать не трудно: одному пороку нужны коварные вымыслы. — Несчастный догадался, что мачиха, желая избавиться отъ досаднаго надзирателя, рѣшилась оклеветать и погубить его.

Успокоившись нѣсколько, послалъ онъ за стариннымъ другомъ родителя своего, человѣкомъ прямодушнымъ и добрымъ. Зинонъ — такъ назывался сей почтенный человѣкъ — пріѣхалъ. Л. . . , утопая въ слезахъ, разсказалъ ему все обстоятельно. Добродушный старикъ рѣшился оправдать невиннаго. „Сію минуту ѣду къ твоему отцу, и „открою ему истину. Легковѣрный вы- „детъ изъ заблужденія; а злая мачиха — „такіе изверги не заслуживаютъ сожа- „лѣнія — изтерзается со стыда и до- „сады.“

Проходитъ нѣсколько часовъ — хо- датай не возвращается. „Что со мною „будетъ? къ кому прибѣгну?“ — говорилъ

гонимый, и обливался слезами. Другъ нѣжными ласками старался утѣшить его. — Наконецъ великодушный Зинонъ возвратился. „Нѣтъ, мой другъ! сего дня посольство мое не удачно!“ сказалъ онъ: „какъ бы то ни было, подкрѣпляй себя надеждою, что дѣло кончится въ твою пользу.“ — Чего надѣяться, когда батюшка неумолимъ! . . — „Не отчаявайся! твой отецъ ничему не внемлетъ по тому, что боленъ горячкою. Съ помощію Божіею — все приметъ другой видъ. Лѣкарь сказалъ, что жестокой припадокъ скоро кончится, и завтра по утру надобно ожидать облегченія. Мачиха твоя не допускала меня къ больному; но я на отрѣзъ сказалъ, что непремѣнно хочу видѣть стариннаго моего друга. Поклявшись, что не буду безпокоить больнаго, вошелъ я въ его комнату. Онъ узналъ меня — и залился слезами; произнесъ твое имя — и затрепеталъ отъ гнѣва. Я старался успокоить его; но, опасаясь горестныхъ слѣдствій болѣзни, не говорилъ ни слова въ твое оправданіе. Въ слѣдующіе дни надѣюсь успѣть совершенно.“ — Не оставь меня! — сказалъ молодой человѣкъ, и повергнулся въ его объятія. Въ без-

прерывной тоскѣ и горькой неизвѣстности провелъ онъ съ другомъ своимъ остатокъ дня. Наступила ночь, питающая мечты встревоженнаго воображенія. Л. . . ., терзаемый отчаяніемъ, пошелъ въ садъ. Желаніе, увидѣть родителя и увѣрить въ своей невинности, вливало нѣкоторую отраду въ сердце, обремененное горестію. Луна показалась на небѣ; не было ни одного облака на синемъ горизонтѣ; вѣперокъ едва шевелилъ древесными листьями; молчаніе Природы изрѣдка прерывалось перепархиваньемъ испуганныхъ пернатыхъ и жужжаньемъ Майскихъ жуковъ, кружившихся около вершинъ кудрявыхъ березъ. Л. . . ., погруженный въ задумчивость, перешелъ липовую аллею.

Приближившись къ дому отца своего, видитъ онъ сквозь опущенные въ окнахъ занавѣсы зажженную свѣчу, подлѣ постели больнаго поставленную. Заботливость и безпокойство домашнихъ вездѣ примѣтны были. „Дражайшій родитель!“ — вскричалъ несчастный, залившись слезами: — „какой непріязненный духъ поселилъ въ тебѣ мысль о злодѣйствѣ сына, всегда любившаго тебя?. . .

Какія мучительныя мысли терзаютъ теперь твое сердце? Слышу проклятіе изъ устъ твоихъ — и падаю подъ бременемъ отчаянія!“ Въ сію минуту подходитъ къ нему другъ его, беретъ за руку, проситъ возвратиться назадъ; но, видя непреклонность, почти на рукахъ выноситъ его изъ саду.

Несчастный Л. . . . не могъ заснуть во всю ночь: горестныя размышленія не выходили изъ головы его. Съ блѣдностію на лицѣ, съ тоскою въ сердцѣ всталъ онъ при первомъ появленіи зари. Передъ обѣдомъ явился услужливый Зинонъ. „Другъ мой!“ — сказалъ онъ ему: — „и сего дня не могу обрадовать тебя пріятною вѣстію. Медикъ запретилъ мнѣ говорить съ отцомъ твоимъ. Нынѣ я увѣрился, что мои объясненія дѣйствительно могли бы увеличить болѣзнь его: онъ такъ слабъ, что переходъ отъ гнѣва къ нѣжности и отъ печали къ радости легко можетъ уморить его. Надобно дожидаться благопріятнѣйшаго времени.“ — Тоска совершенно истощила силы молодаго человѣка: онъ слегъ въ постелю. Другъ его не зналъ, что дѣлать. Добродушный Зинонъ бранилъ легковѣрныхъ стари-

ковъ и проклиналъ злыхъ мачихъ. Наконецъ получивъ отъ Медика позволенїе увидѣться съ раздраженнымъ отцомъ, онъ полетѣлъ оправдывать оклеветанную невинность.

За нѣсколько минутъ до Зинонова пріѣзда старый Л. . . . получилъ письмо отъ своего коммисїонера. Разпечатавъ пакетъ дрожащею рукою и прочитавъ нѣсколько строкъ, онъ затрясся; глаза его помутились; письмо выпало изъ рукъ; параличь отнялъ послѣднїя его силы. Всѣ домашнїе встревожились, и не знали, чѣмъ отвратить опасность. „И сего дня успѣлъ я не больше вчерашняго!“ — сказалъ Зинонъ, возвратясь къ молодому Л. . . . — „старикъ не въ состоянїи выслушать меня.“ — Бѣдный сынъ, замѣтивъ его слезы и смущенїе, пришелъ въ отчаянїе. „Ежели есть въ васъ хотя искра состраданїя — вскричалъ онъ — то доставьте мнѣ удовольствїе повидаться съ родителемъ; отеческое сердце не можетъ быть непреклонно къ рыданїямъ злополучнаго сына. Буду служить ему въ болѣзни; мои неусыпныя попеченїя подѣйствуютъ надъ нимъ лучше всякаго лѣкарства. Естьли нужно, повергнусь къ ногамъ мачихи, и не

отойду отъ нее до тѣхъ поръ, пока не получу обѣщанія, что она умилостивитъ родителя, противъ меня раздраженнаго."

Не успѣлъ Зинонъ сказать, что готовъ исполнить его желаніе, какъ Медикъ пришелъ съ ужасною вѣстію: старика не стало на свѣтѣ! Излишне было бы описывать, въ какомъ положеніи находился несчастный Л. . . ., сраженный симъ извѣстіемъ. Отеческія старанія Зинона, братская любовь вѣрнаго друга, молодость, и пособія искуснаго Доктора, могли только изхитить его изъ челюстей смерти.

Въ тотъ же день великодушный старикъ пошелъ въ домъ покойнаго, узнать о причинѣ смерти его, и принять мѣры вразсужденіи имѣнія, которому надлежало перейти въ руки законнаго наслѣдника. Ему сказали, что коммисіонеръ увѣдомлялъ о сгорѣніи одной изъ лучшихъ винницъ съ хлѣбнымъ магазиномъ. Сіе несчастіе, причинившее убытку до полумиліона рублей, сразило бѣднаго Л. . . ., которой и по другимъ коммерческимъ дѣламъ видѣлъ одни убытки, терпѣлъ однѣ потери. Молодая вдова, одѣтая въ трауръ, встрѣтила Зинона; за нею шелъ Графъ, одинъ изъ первыхъ друзей

ея, и сѣдой приказной служитель съ очками на лбу, и съ кипою бумагъ подъ мышкою. Послѣдній прокричалъ визгливымъ голосомъ волю покойнаго, состоявшую въ томъ, чтобъ имѣніе его, какъ благопріобрѣтенное, все безъ остатка отдано было любезнѣйшей его супругѣ. „Явная несправедливость!“ вскричалъ старикъ: „Богъ меня не помилуетъ, естьли не прибѣгну къ покровительству законовъ, естьли допущу клеветѣ, безстыдству и злобѣ возторжествовать надъ невинностію.“ Вдова, взглянувъ на него съ ироническою улыбкою, удалилась со свитою своею.

Старанія добродушнаго Зинона остались безъ успѣха. Кредиторы, встревоженные смертію старика, которому ввѣрили свои капиталы, просили Правительство, принять къ обезпеченію ихъ нужныя мѣры. Имѣніе покойнаго продано было съ публичнаго торгу, и заимодавцы получили удовлетвореніе. Молодая Л. . . . осталась ни съ чѣмъ: бѣдность, стыдъ и презрѣніе отъ честныхъ людей составляли праведную казнь за ея злодѣйство. — Великодушный Зинонъ, вызвавъ съ собою осиротѣвшаго юношу, котораго называлъ не иначе, какъ сыномъ своимъ,

уѣхалъ съ нимъ въ Нѣжинъ. Тамъ имѣлъ онъ богатой домъ, и производилъ весьма выгодную торговлю. Плѣнившись добродѣтелями и знаніями молодаго человѣка, рѣшился вознаградить его потерю: препоручивъ ему все свое имѣніе, выдалъ за него дочь свою.

Зять Зиноновъ чувствовалъ цѣну благополучія, которымъ наслаждался. Нѣжныя попеченія благодѣтеля, горячность достойной супруги, привязанность прежнихъ и новыхъ друзей, почтеніе отто всѣхъ знакомыхъ — разсѣяли мракъ печали его. Трое дѣтей: сынъ и двѣ дочери, совершенно изгладили въ немъ слѣды горести. Наслаждаясь невинными ласками прекрасныхъ малютокъ и любовію милой подруги, онъ почиталъ себя счастливымъ, и благодарилъ милосердое Провидѣніе. Лишь только протекли двадцать лѣтъ въ тихихъ семейственныхъ удовольствіяхъ, какъ новыя тучи горестей скопились надъ головою его: смерть постигла благотворительнаго Зинона; старшая дочь, достигши совершенныхъ лѣтъ, умерла отъ оспы; сынъ, возвращаясь съ ярмарки, утонулъ въ Днѣпрѣ. Такія несчастія, вскорѣ одно за другихъ случившіяся, помрачили ясные

дни жизни его. Л. . . . сокрушался и проливалъ слезы; но, подкрѣпивъ себя упованіемъ на Промыслъ, перенесъ потери свои съ твердостію человѣка, привыкшаго къ несчастіямъ. Наконецъ время изцѣлило сердечную его рану. Вся горячность сего отца семейства обратилась къ супругѣ и послѣдней дочери. Воспитанный въ лучшемъ пансіонѣ столицы, онъ рѣшился образовать умъ и сердце юной Маріи. Чтобы вѣрнѣе успѣть въ томъ, принялъ къ себѣ въ помощь просвѣщеннаго, добраго и опытнаго наставника. Съ заботливостію, извѣстною однимъ попечительнымъ родителямъ, старался усовершенствовать душевныя способности ея. Надежда, видѣть въ ней украшеніе женскаго пола и опору старости своей, сблегчала труды его.

Природа осыпала дарами своими прекрасную Марію. Темнорусые волосы, упадавшіе локонами по гибкому стану, манили къ себѣ взоры, плѣнявшіеся бѣлизною лица ея; черные глаза, подъ длинными бровями и густыми рѣсницами, блистали подобно зарѣ утренней; румянецъ юности алѣлъ на круглыхъ щекахъ ея; улыбка, хотя скромная, но всегда значительная, возвышала прелести. Умъ

ея обогащенъ былъ всѣми познанїями, приличными ея полу; сердце, благодѣтельное безъ слабости, великодушное безъ гордости, твердое безъ упрямства, рѣшительное безъ опрометчивости и осторожное безъ подозрѣнїя, билось въ груди ея. Такова была Марїя на двадцатомъ году отъ рожденїя. Попечительный родитель радовался ею, какъ безцѣннымъ сокровищемъ; а добрая мать возхищалась, какъ Ангеломъ-утѣшителемъ своимъ. Знакомые ставили ее въ примѣръ дѣтямъ; а умный наставникъ видѣлъ въ ней образецъ воспитанїя.

Мудрено ли, что Марїя, украшенная такими совершенствами, привлекла на себя вниманїе молодыхъ людей, отличныхъ по внутреннимъ достоинствамъ и богатству? Но красавица смотрѣла равнодушно на всѣхъ искателей руки ея. Науки и благодѣянїя составляли два предмета, питательные для души ея: ко всему прочему казалась она хладнокровною. Но любовь не замедлила отомстить ей за равнодушїе. Наступила осень — и гусарской полкъ остановился въ Нѣжинѣ. Молодой Маїоръ, начальникъ онаго, красивый лицомъ, остроумный въ разговорахъ, веселый и ловкїй

въ обращенїи, обратилъ на себя взоры тамошнихъ жителей. Ни одинъ изъ Офицеровъ не могъ равняться съ нимъ въ искуствѣ плѣнять наружными совершенствами. Не было ни одного вечерняго собранїя, куда бы не приглашали Евгенїя: онъ вездѣ былъ первымъ. Начиналъ ли танцовать — юныя красавицы не спускали съ него глазъ своихъ; выходилъ ли изъ кругу милыхъ дѣвицъ — и веселье за нимъ же улетало. Лишь только увидѣлъ онъ прекрасную Марїю, какъ и плѣнился ею. При каждомъ свиданїи страсть пылала сильнѣе въ груди его. Евгенїй не замедлилъ открыться красавицѣ въ любви своей. Скромная дѣвица, сколько ни старалась таить внутреннїя чувствованїя, принуждена была признаться, что и она при первомъ на него взглядѣ потеряла равнодушїе.

Отецъ Марїинъ скоро замѣтилъ страсть, воспылавшую въ сердцѣ дочери, и сокрушался въ душѣ своей: отъ его проницательности не укрылось, что Евгенїй былъ вѣтреникъ, готовый обольстить невинность. Желая вывести дочь свою изъ заблужденїя, далъ ей почувствовать, сколь опасно плѣняться наружностїю человѣка, коего всѣ

достоинства состоятъ въ гибкости и умильныхъ взглядахъ, и какія горести готовитъ себѣ дѣвушка, которая, не посовѣтовавшись ни съ разсудкомъ, ни съ родителями, предается пылкому стремленію чувствъ своихъ. Марія обѣщала уважить совѣты родителя; но сколько ни старалась преодолѣть любовь свою, присутствіе Евгенія дѣлало безполезными всѣ ея усилія; сколько ни удалялась отъ него — милый образъ вездѣ слѣдовалъ за нею. Бѣдная дѣвушка скучала, томилась и грустила. Находя всѣ добродѣтели, всѣ достоинства въ Евгеніи, и не предвидя возможности соединить съ нимъ судьбу свою, винила родителя въ жестокости, роптала на бѣдственный жребій, доставшійся на ея долю, и проливала горькія слезы. Зная непреклонность отца своего, она не смѣла вступиться за любовника; но надѣясь на постоянство его, думала, что онъ со временемъ успѣетъ перемѣнить невыгодныя о себѣ мысли. Евгеній домогался заслужить довѣренность и любовь Маріиныхъ родителей, но не видалъ ничего, кромѣ холодной учтивости — и рѣшился идти другою дорогою для достиженія своей цѣли. Марія получила письмо слѣдующаго содержанія:

„Завтра ѣду въ Кременчугъ для испол-
„ненія препорученій, возложенныхъ на
„меня отъ начальства. Не уже ли дол-
„женъ я навѣки разстаться съ тобою,
„любезнѣйшая Марія? Умру съ отчаянія,
„естьли это сбудется. Позволь мнѣ про-
„ститься съ тобою. Ожидаю тебя сего
„дня ввечеру на *желтомъ* холмѣ —
„тамъ, откуда ты всегда любила смо-
„трѣть на заходящее солнце. Исполне-
„ніе моего желанія докажетъ, сколько
„ты меня любишь; но ежели въ один-
„надцать часовъ не увижусь съ тобою,
„то не будетъ на свѣтѣ и вѣрнаго твоего
Евгенія.“

Какой ударъ для нѣжной Маріи! „Онъ ѣдетъ — и я не увижу его! и сердце мое осиротѣетъ! . . . Не очерню ли себя преступленіемъ, ежели соглашусь проститься съ нимъ въ уединенномъ мѣстѣ и безъ свидѣтелей? Но что будетъ со мною, естьли онъ умретъ отъ моей жестокости?“ Такія мысли занимали ее съ утра до вечера. Насталъ роковой часъ; но Марія всѣ еще не рѣшилась. Прощаясь съ родителями, едва могла скрыть отъ нихъ слезы, едва дошла до своей комнаты. Горничная подаетъ ей записочку; въ ней на-

писано было: „Около двухъ часовъ жду „тебя съ нетерпѣнїемъ. Ты можешь быть „утѣшительницею жизни моей, или винов„ницею смерти; выбирай то или другое!“ Марїя прочла — и рѣшилась исполнить желанїе возлюбленнаго. „Пойдемъ, другъ мой, со мною!“ сказала она горничной. — Куда, сударыня? — Марїя опомнилась. „Оставь меня; я сама раздѣнусь.“ — Вы нездоровы, поблѣднѣли и дрожите, сударыня! — „Я хочу быть одна.“ — Горничная вышла. „Надобно спасти Евгенїя!“ сказала Марїя, и въ темную осеннюю ночь вышла тихонько изъ дому. Изнуренная отъ усталости и трепещущая отъ страха, едва добрела до роковаго холма, и пала — въ объятїя страстнаго любовника.

Качанїе коляски вывело ее изъ забвенїя. „Боже мой! гдѣ я?“ — Въ объятїяхъ счастливѣйшаго Евгенїя. — „Несчастная! что я сдѣлала?“ — Изумленная и оробѣвшая Марїя старалась укрыться отъ самой себя. Евгенїй, желая успокоить ее, изтощалъ все краснорѣчїе, внушаемое пламенною любовїю. Марїя рыдала неутѣшно. „Что будетъ со мною?“ сказала она умирающимъ голосомъ, и прижалась ко груди Евгенїя. — „Милый, безцѣнный другъ! повѣрь, что любовь моя къ тебѣ не охла-

дѣетъ и за предѣлами гроба. Твой жестокой отецъ .“ . . . — Не укоряй его; пощади мою чувствительность. — „Пламень любви пожиралъ меня; я не могъ жить безъ тебя, и рѣшился тайно жениться на тебѣ.“ — И безъ его воли? — „Онъ проститъ насъ — и мы будемъ счастливы. Теперь ты моя — и никакая власть разлучить насъ не можетъ.“ — Любовники пріѣхали въ Кременчугъ. Марія тосковала, Евгеній утѣшалъ ее — и порокъ возторжествовалъ надъ невинностію.

Марія напоминала о бракѣ; но любовникъ откладывалъ его подъ разными предлогами. Легковѣрная не почитала его способнымъ ко гнусной измѣнѣ, и терпѣливо дожидалась дня, въ которой онъ обѣщалъ назвать ее супругою. Проходитъ мѣсяцъ: она слышитъ тѣ же клятвы — и ничего болѣе. Подозрѣніе и безпокойство объяли ея душу. Нечаянно узнаетъ она отъ инвалида, служившаго въ одномъ полку съ Евгеніемъ, что любовникъ ея давно женатъ на богатой дворянкѣ. Гнѣвъ овладѣлъ ея сердцемъ. „Злодѣй! клятвопреступникъ! гдѣ онъ?“ вскричала Марія, будучи внѣ себя отъ ярости. Хозяинъ сказываетъ, что Г. Маіоръ уѣхалъ по утру въ армію на Кубанскую линію, и

заплатилъ за квартиру за годъ впередъ. Марїя не сказала ни слова; не пролила ни одной слезы; притворилась равнодушною, и заперлась въ своей комнатѣ. Собачка ея по утру разбудила хозяина визгомъ своимъ. Онъ всталъ и подошелъ къ дверямъ — онѣ были заперты; постучался — не было отвѣта; наконецъ посмотрѣлъ въ окно, и увидѣлъ — ужасное зрѣлище! — увидѣлъ несчастную, лежавшую на полу въ крови своей. Разломали дверь, и узнали, что отчаянная Марїя ножемъ прекратила жизнь свою. На столикѣ нашли слѣдующее письмо:

„Дражайшїе родители!

„Когда вы получите сїю бумагу, не „будетъ уже на свѣтѣ дочери вашей — „дочери? нѣтъ! вы лишились ее въ ту „минуту, когда она потеряла стыдъ и „доброе имя. Вѣроломный Евг. . . . не „могу безъ омерзенїя дописать сего име„ни. . . . Злодѣй обманулъ и оставилъ „меня. Да постигнетъ его Небесное мще„нїе! . . . . Простите меня, дражайшїе „родители! Ваше проклятїе терзаетъ „мое сердце, палитъ всю внутренность. . . . „Затушу ли сей пламень моею кровїю?. . „До чего я дожила, несчастная? И слезы, „при воспоминанїи о любезнѣйшихъ роди-

„телях, не льются изъ глазъ моихъ, „не облегчаютъ бремени, лежащаго на „груди моей.... Вижу мечь, опущенный „надъ головою моею.... Какъ ужасенъ гнѣвъ „верховнаго Мстителя! .... Прочь, „прочь, образъ изверга природы! не воз„мущай послѣднихъ минутъ моихъ!.... „Лейся кровь преступницы! .... О! какъ „тяжко проклятіе родителей! .... Рука „моя нѣмѣетъ.... клонитъ сонъ смерт„ный.“ ....

Скоро Маріины родители получили сіе ужасное письмо. Мать не пережила потери своей; сердце бѣднаго отца умерло для всѣхъ жизненныхъ радостей. Осиротѣвшій въ нѣжномъ младенчествѣ, изгнанный изъ родительскаго дому, подавленный проклятіемъ отца, низпавшій съ высоты счастія въ горькую нищету, лишившійся любезной дочери, потерявшій милаго сына, оставленный сердечнымъ другомъ, вѣрною супругою, и наконецъ убитый потерею милой дочери — сей несчастливецъ, одинокій въ пространномъ мірѣ, потерялъ употребленіе разума. Бѣдный долго скитался съ собачкою, которую покойница любила — скитался въ окрестностяхъ Кременчуга по за-Днѣпровскимъ пустынямъ, бѣгая людей, какъ

звѣрей плотоядныхъ. Черезъ нѣсколько времени сострадательные люди увѣрили его, что *Маша* лежитъ подлѣ утонувшаго брата своего въ С. . . . Онъ пришелъ туда, посадилъ два тополя на томъ мѣстѣ, гдѣ, по мнѣнію его, покоился прахъ Маріи, и почти всегда провождаетъ дни и ночи подъ сими деревьями, или въ старой часовнѣ." — —

На другой день рано по утру я выѣхалъ изъ С. . . . Страдалецъ попался мнѣ на дорогѣ съ посохомъ и собачкою. Онъ узналъ меня и кивалъ головою; потомъ отворотился, отеръ слезы и пошелъ скорыми шагами къ тополевымъ деревьямъ. Углубленный въ размышленіе о превратности земнаго счастія, я и не примѣтилъ, какъ лошади домчали меня до первой станціи.

Сибир. Каменской заводъ. —

Н. Мамышевъ.

Конецъ Уй Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

пятой части.

	Стран.
Гимнъ веснѣ.	3
Май.	6
Эпиграмма.	8
Майскій вечеръ.	9
Гордость.	11
Европейскіе Театры: Англійской, Итальянской, Испанской, Голландской, Французской, Нѣмецкой и Россійской.	18
Нѣчто о Санскришскомъ языкѣ.	25
Лондонъ и Парижъ.	28
Несчастные Стихотворцы: Овидій и Луканъ.	33
Замѣчанія о Сибири и Сибирякахъ.	50
Злосчастный, истинное произшествіе.	62
Вольтеръ къ Жан-Жаку Руссо.	81
Великодушіе, анекдотъ.	88
Спарикъ и дѣти, или источникъ дружбы.	92
Исторія Наркиса.	97
Сократъ, истинный мудрецъ.	118
Письма Великаго Фридерика и Вольтера.	129
Утѣшеніе къ горести.	143
Разговоръ Сократа съ Филоксеномъ.	145
Восточныя басни: Ааронъ Рашидъ — Два брата — Видѣніе.	159
Сократъ среди жрецовъ.	161
Смѣсь.	173
Смерть Сократа.	177
Бугуровы мысли.	188
Мысли Сен-Эвремона.	191
Еще нѣсколько писемъ Великаго Фридерика и Вольтера.	193
Разговоръ между Парижанином и Карибскимъ жителемъ.	225
Объ опасностяхъ отъ излишняго наслажденія.	235
Анекдотъ о Герцогѣ Рокелорѣ.	240
Древніе Законодатели: Орфей, Зороастръ, Конфуцій и Пиѳагоръ.	241
Злосчастный (окончаніе).	265

Minerva; zhurnal rossiĭskoĭ
" i inostrannoĭ slovesnosti

AP50
.M48 vol. 5
Rare Bk. Coll.